ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

9(3) 2023

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 9. № 3. 2023

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 9. № 3. 2023

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: **Новак М.В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Масалов А.Г., кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований,

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: Margarita V. Novak, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: Alexei G. Masalov, PhD in Philosophy, Head of the Department of Rare Books of Strakhov Scientific Library, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023
© Belgorod National Research University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Левин М. Р. Что такое перспективизм?	**5**	**Lewin M. R.** What is perspectivism?	**5**
Терёхин Е. Л. Проблема определения концептуальных границ феномена эпистемологического релятивизма	**15**	**Terekhin E. L.** The problem of defining the conceptual boundaries of the phenomenon of epistemological relativism	**15**
Куделич Г. П. Теория М. Гоше о *выходе из религиозного*: вариант прочтения секулярной трансформации общества	**27**	**Kudzelich H. P.** M. Gaucher's Theory of the *Exit from the Religious*: Another Reading of Secular Transformation of Society	**27**
Тинус Н. Н. В. Ф. Асмус и критика фашистской интерпретации Гегеля	**38**	**Tinus N. N.** V. F. Asmus and criticism of the fascist interpretation of Hegel	**38**
Пенская Т. М. Почему Россия смогла? (к онтологии имперскости в русском историческом самосознании)	**50**	**Penskaya T. M.** Why was Russia able to do it? (toward the ontology of imperialism in Russian historical self-consciousness)	**50**
Ермолович В. В. Иерархия и соборность: к религиозно-исторической идентичности древлеправославных христиан (Поморское согласие)	**69**	**Yermolovich V. V.** Hierarchy and 'Sobornost': Toward the Philosophy of Religious Identity of Old Orthodox Believers (Pomorian Church)	**69**
Першина И. Л. Эстетика аттрактивности в архитектуре (динамические смыслы)	**80**	**Pershina I. L.** Aesthetics of attractiveness in architecture (dynamic meanings)	**80**
Спичева Д. И., Винокурова Е. Н. Сетевые (виртуальные) артефакты как маркеры стиля жизни современного населения Сибири в контексте «новой нормальности»	**88**	**Spicheva D. I., Vinokurova E. N.** Networked (virtual) artefacts as contemporary Siberian population's lifestyle markers in the context of the *New Normal*	**88**
Зайцева Д. С. Феномен советской моды: столкновение социалистической идеологии и модных желаний потребителей	**103**	**Zaitseva, D. S.** The phenomenon of Soviet fashion: the clash between socialist ideology and consumers' fashion desires	**103**
АРХИВ		**ARCHIVE**	
Нифонтова О. И. «Введение в деятельное богословие» архиепископа Евлампия (Пятницкого) (антропологические аспекты)	**120**	**Nifontova O. I.** Introduction to Active Theology" by Archbishop Evlampy (Pyatnitsky) (anthropological aspects)	**120**
Яковов Д. В. Миссия служения. Опыт культурной (полевой) антропологии на Ямале в 2015–2016 гг.	**129**	**Iakovov D. V.** The mission of ministry. Experience of cultural (field) anthropology in Yamal in 2015–2016	**129**

РАЗНОЕ: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

Агафонов И. С. Нагибина Н. П. Эффективность библиографического информирования (гуманитарно-методологические аспекты)	**165**
Осина О.Н. Проблемное поле этики рекламной деятельности	**175**
Беляев Д. А. Мультимодальная и медиалингвистическая дискурс-аналитика видеоигр (размышление над книгой Astrid Ensslin, The Language of Gaming, Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.)	**187**
Чуева Ю. А. «Насколько Библия исторична?» или «Что было “на самом деле”?» (рецензия на книгу А.С. Десницкого «Библия. Что было “на самом деле”? Танах/Ветхий Завет». М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 300 с.)	**194**

Agafonov I. S., Nagibina N. P. Effectiveness of bibliographic information (humanitarian and methodological aspects)	**165**
Osina O. N. Problem field of advertising ethics	**175**
Belyaev D. A. Multimodal and medialinguistic discourse analysis of video games (reflecting on Astrid Ensslin (2008), *The Language of Gaming*, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York)	**187**
Chueva Yu. A. “How historical is the Bible?” or “What ‘really’ happened?” (a review of the book by A. S. Desnitsky *The Bible. What ‘really’ happened? Tanakh/The Old Testament*. Moscow: Alpina Non-fiction, 2022. 300 p.)	**194**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 165(6+8) **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-1**

Левин М. Р. **Что такое перспективизм?***

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236041, Российская Федерация; *MLewin@kantiana.ru*

Аннотация. Начиная с Ницше, термин «перспективизм» используется как наименование недостаточно определенной эпистемологической позиции. Слову «перспективизм» пытаются подобрать адекватное значение, вкладывая в него набор различных предикатов, таких как «зависимость познания от позиции», «плюрализм», «антиуниверсализм», «эпистемическая скромность» и т. д. Такой подход связан с двумя оспоримыми установками: монолатеральной лингвистической парадигмой и метаэпистемологической позицией множества несовместимых эпистемологических программ. Монолатеральная лингвистическая парадигма исходит из того, что между словом и значением нет обязательной связи. Это дает возможность обозначить логическое содержание любым возможным знаком, а знак эксплицировать как угодно. Метаэпистемологическая позиция множества несовместимых эпистемологических программ побуждает поддерживать искусственный антагонизм в теории познания и создание «новых» позиций с различными наименованиями. Этим установкам можно противопоставить метод эмпирического «оригиналистического» анализа в рамках билатеральной парадигмы, а также теории одной эпистемологии и одного эпистемического языка. Содержание термина «перспективизм» может быть реконструировано путем анализа отдельных его составляющих морфем и их сочетания. Предельно точным и эмпирически доказуемым значением слова «перспективизм» является «тенденция действовать путем проницания взглядом». Это указывает на проблему невозможности аналитически вывести из него «зависимость познания от позиции», «плюрализм» и другие предикаты. С этой же проблемой несовпадения наименования эпистемологической позиции и ее содержания сталкивается и литература по релятивизму. В ней к термину «релятивизм» свободно, без лингвистически корректного обозначения предикатов, приписывается набор доктринальных убеждений, а разница между перспективизмом и релятивизмом размывается. Это указывает на нецелесообразность построения эпистемологических позиций на основе слов, обозначающих одно из всевозможных взаимосвязанных познавательных действий, и на необходимость переосмысления эпистемологической практики.

Ключевые слова: эпистемология; метаэпистемология; перспективизм; релятивизм; лингвистический анализ; понятийный оригинализм; универсальный эпистемический язык

* Исследование поддержано Российским научным фондом, номер гранта 22-28-02041, https://rscf.ru/project/22-28-02041/, проект «Перспективизм как эпистемологическая программа», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. Канта), Калининград.

Для цитирования: Левин М. Р. Что такое перспективизм? // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 5-14 DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-1

M. R. Lewin

What is perspectivism?*

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; *MLewin@kantiana.ru*

Abstract. Since Nietzsche, the term “perspectivism” has been used as the name for an ill-defined epistemological position. Some have tried to find an adequate meaning for the word “perspectivism,” tacitly investing it with a set of different predicates, such as “the dependence of cognition on position,” “pluralism,” “anti-universalism,” “epistemic humility,” etc. This approach is related to two contestable attitudes: the monolateral linguistic paradigm and the metaepistemological position of multiplicity of incompatible epistemological programs. The monolateral linguistic paradigm proceeds from the assumption that there is no obligatory connection between word and meaning. This makes it possible to denote logical content by any possible sign, and to explicate the sign in any number of ways. The metaepistemological position of multiplicity of incompatible epistemological programs encourages the support of artificial antagonism in the theory of cognition and the creation of “new” positions with different denotations. These attitudes can be contrasted with the method of empirical “originalist” analysis within the bilateral paradigm, as well as the theory of one epistemology and universal epistemic language. The content of the term “perspectivism” can be reconstructed by analyzing the original meanings of its individual constituent morphemes and their combination. The extremely precise and empirically provable definition of the word “perspectivism” is “the tendency to act by seeing through something”. This points to the problem of the impossibility of analytically deducing from it “the dependence of cognition on position,” “pluralism,” and other predicates. The same problem of inconsistency between the name of the epistemological position and its content is also encountered, for example, in the literature on relativism. It freely attributes a set of doctrinal beliefs to the term “relativism” without explicit linguistic signification of the predicates and blurs the difference between perspectivism and relativism. This points to the inexpediency of constructing epistemological positions on the basis of words denoting one of all possible interrelated cognitive actions, and the need to rethink epistemological practice.

Keywords: epistemology; metaepistemology; perspectivism; relativism; linguistic analysis; conceptual originalism; universal epistemic language

For citation: Lewin M. P. (2023), “What is perspectivism?”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 5-14, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-1

* The research is supported by the Russian Science Foundation, grant number 22-28-02041, https://rscf.ru/project/22-28-02041/, project “Perspectivism as an Epistemological Program”, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad.

Введение

Под перспективизмом можно понять учение о том, что взгляды, знание, правда и ценности зависят от перспективы познающего. Ю.А. Кимелёв определяет перспективизм как «философское воззрение, в соответствии с которым всякое познание обусловлено положением познающего, его личностным своеобразием, т. е. обусловлено перспективой, в которой мир предстает познающему» (Кимелёв, 1998: 109). В дополнении к признаку «зависимость от позиции и от личностных свойств» – см. также (Asmuth, Landenne, 2018: 5-6; Volbers, 2019: 245; Sass, 2019: 10; Massimi and McCoy, 2020: 3) – перспективизм, по мнению различных авторов, должен включать в себя понимание, что перспективы неполны (Berghofer, 2020), множественны (Volbers, 2019: 245; Massimi and McCoy, 2020: 3; Asmuth and Landenne, 2018: 7; Sass, 2019: 18), темпоральны (Volbers, 2019: 245), неабсолютны (Sass, 2019: 17; Massimi, 2018b: 165), представляют человеческую точку зрения (Massimi and McCoy, 2020; Crețu, Massimi, 2020) и должны сопровождаться эпистемической скромностью (Massimi and McCoy, 2020: 2). Также в перпективизме хотят видеть средний путь между абсолютизмом и релятивизмом или скептицизмом (Massimi, 2018a: 342), подтип релятивизма или умеренный (локальный) релятивизм (Baghramian and Coliva, 2019: 17-19 и 257-260; Irlenborn, 2016; Recanati, 2007), средний путь между реализмом и конструктивизмом (Giere, 2006; Massimi, 2018a: 342) и даже способ рассуждения, который приводит к двузначной логике и агрессии (Gebser, 1999).

Весь этот набор признаков, хотя он и наталкивает на мысли о том, что может обозначать термин «перспективизм», является необязательным. Непонятно, откуда были взяты эти признаки – почему перспективизм должен пониматься именно так, а не по-другому? Проблема понимания перспективизма, как и любых других эпистемологических программ, таких как скептицизм, релятивизм, контекстуализм или реализм, лежит в асимметричном сплетении как минимум четырех определяющих факторов[1]. Во-первых, такие понятия, как «перспектива», «реальность» и «относительность» знакомы нам из обыденного языка, который формирует дофилософское понимание содержания различных позиций в эпистемологии. Во-вторых, дескриптивный анализ эпистемологических программ раскрывает их разнообразные и иногда противоречивые определения. В-третьих, результат целенаправленного *лингвистического анализа*[2] наименований эпистемологических программ и их центральных терминов может совершенно не совпадать с эпистемологическими позициями в истории и с префилософским пониманием. В-четвертых, доктринальные содержания могут быть не отображены в наименованиях программ и не по праву привязаны к ним. Все это сводится к *проблеме несоответствия наименований эпистемологических программ их понятийному и теоретическому содержанию*.

Насколько весома эта проблема, зависит от лингвистических предубеждений.

[1] Для упрощения ввода в проблему я не упоминаю факторы «нацеленность на объект» (например, реализм А может быть нацелен на вопрос о вере в существование внешнего мира, реализм Б на вопрос о существовании Бога, а реализм В на реальное содержание объектов) и «область применения» (например, релятивизм может быть направлен на познавательные процессы (эпистемология), на вопрос о существовании правды (алетический релятивизм) или на вопрос об объективности суждений о ценностях (практическая философия)).

[2] Я разделяю осторожное отношение к понятию «понятийный анализ» с Тимоти Уильямсоном, выраженное в его предисловии ко второму изданию «Философии философии» (см.: (Williamson, 2022: XXV)). Оно требует обязательного объяснения того, как понятийный аналитик понимает термин «понятие» и взаимосвязь слова и его содержания. Я использую термин «лингвистический анализ», чтобы более однозначно обозначить лингвистическую позицию, изложенную в дальнейшем.

Если придерживаться классической монолатеральной парадигмы[3], которая радикально разделяет слово (как сигнификант) и независимое от языка понятие (или значение слова), то проблемы особо и нет. Исходя из такой позиции, понятия первичны, знаки вторичны. То есть можно описать некоторую понятийную структуру и потом обозначить ее каким-либо словом. Для радикального монолатерального конструктивиста такие слова, как «релятивизм» и «перспективизм» заменимы любыми другими, вплоть до совершенно бессмысленных слов, состоящих из произвольного набора букв. Он может сказать, что то, что включает в себя следующие признаки: (1) антиабсолютизм, (2) зависимость, (3) множественность, (4) несовместимость, (5) равная обоснованность и (6) не-нейтральность (см.: Baghramian and Coliva, 2019: 6-11), можно обозначить термином «релятивизм» или любым другим сигнификантом, например, «перспективизм», «скептицизм», «познание» или «абвгд».

Такой подход – если он выходит за рамки простого мысленного эксперимента – подрывает рациональность развития и использования языка и его структуры. Как правило, мы не выдумываем новые слова и не заменяем их на менее подходящие, а используем устоявшуюся лексику с определенным набором значений. Это является одним из аргументов в пользу билатеральной лингвистической парадигмы. Она подразумевает, в форме различных позиций, таких как структурализм и когнитивизм, что понятия и слова не развиваются независимо друг от друга. То есть понятие не важнее слова, оно прикреплено к слову и не проявляется без него.

Если придерживаться первой парадигмы, то попытки анализа таких наименований эпистемологических программ, как «перспективизм» и «релятивизм», дадут очень мало или вообще ничего для понимания их содержания. Однако это противоречит общепризнанным правилам научной практики: слово должно максимально совпадать с тем, что оно должно выражать. Этикетка должна совпадать с содержанием. Это требование в особой форме к техническим и абстрактным терминам, так как значение простых эмпирических терминов можно понять, увидев данные в опыте вещи. Итак, придерживаясь второй, билатеральной парадигмы, анализ слова «перспективизм» должен дать наиболее точный ответ о том, что такое перспективизм, в чем состоит его понятийная суть. Любые дополнения, лежащие за пределами этого слова, должны быть ясно лингвистически маркированы в форме предикатов и поняты как модификации изначального значения. Анализ слова выявит содержание, которое мало совместимо с перечисленными признаками перспективизма в исследовательской литературе, а также заставит задуматься о «метаэпистемологических установках»[4].

Значение слова «перспективизм»

Морфология слова «перспективизм» раскрывает четыре составные части: префикс «пер-», корень «спект», суффикс «-ив» и окончание «-изм». Их этимология раскрывает их первоначальные значения, которые, в совокупности, составляют значение слова. Такой лингвистический анализ можно назвать «оригиналистичным». Лингвистический оригинализм (от латинского “origo” – «источник») нацелен на изучение

[3] О двух представленных парадигмах и структуре различных лингвистических подходов см. (Strauß, 1996).

[4] Под «метаэпистемологической установкой» я понимаю базовые предположения и принципы, из которых исходит теоретик познания и которые влияют на результаты его исследований: “Whereas epistemology is (broadly speaking) the philosophical theory of knowledge, its nature and scope, metaepistemology takes a step back from particular substantive debates in epistemology in order to inquire into the assumptions and commitments made by those who engage in these debates” (Carter, J. A., Sosa, E. Metaepistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), E. N. Zalta (ed.), 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/metaepistemology/ (дата обращения: 19.01.23).

и интерпретацию первоначальных значений слов и их проявления в современных языках. Префикс «пер-» в слове «перспективизм» происходит от латинского и означает «через», «насквозь». Это не просто исторический факт: префикс «пер-» или его эквиваленты в русском, немецком, английском и других языках являются центральными лингвистическими операторами. В русском есть приставка «пере-», аналог приставки «через-», например в глаголе «переплыть». Морфема «пере-» может использоваться для обозначения перемещения через что-то или на какое-то расстояние. Корень «спект» основывается на протоиндоевропейском корне «спек», который так же встречается в перевернутой форме (метастазе) в слове «скептик» (Vaan de, 2008: 579). «Спек» (*spek-io/o-*) означает «смотреть» и в соединении с различными префиксами получает различные значения. К примеру, в латинском, с приставкой “in-”: *inspicere*, смотреть на что-то, что-то проверять – отсюда и слово «инспектор». Другие примеры в русском: конспект, спектакль, проспект и шпион. *Perspicere* дословно означает «проглядывать через что-то», отсюда и прилагательное *perspicuus* (ясный, транспарентный), которое до сих пор используется в английском языке (*perspicuous*). Суффикс «-ив» отсылает к латинскому “-ivus”, означающему «склоняться к чему-либо» (см.: Smith, 2016: 217). Активный человек склоняется к акту, к действию, «дедуктивный метод» указывает на склонность выводить что-то из чего-то. Аналогично существительному «штатив», ранее в немецком использовалось слово «перспектив» (небольшой телескоп), а дословно означающее «то, что дает увидеть сквозь (пространство)». Слово «перспектива» можно перевести как «взгляд сквозь что-то», «проницательный взгляд». То, что понимается под перспективой в значении оптической иллюзии, является уже не первоначальным, метафорическим использованием этого слова. “Perspectiva” в сочетании «наука или искусство перспективы», дословно «наука или искусство хорошо видеть» – “scientia vel ars bene videndi” (Graumann, 1960: 18), являлась переводом древнегреческого ὀπτική (τέχνη). Окончание «-изм», которое лишь с XIX века используется для наименований позиций и им соответствующих доктрин, происходит от древнегреческого “-ίζειν”, в английском “-ize” (capitalize, realize), что означает действовать определенным путем (см.: Haberland, 2019).

Если сложить всё вместе, то получается, что лингвистически корректный ответ на вопрос, что такое перспективизм, является следующим: перспективизм – это тенденция действовать путем проницания взглядом. Иными словами, это склонность пытаться видеть через предмет, его внимательно изучать взглядом, делать его ясным, и ничего больше. Любые другие дополнения, выходящие за рамки этого минимального определения – инородные элементы, которые нужно эксплицировать и которые нельзя украдкой смешивать с ограниченным и эмпирически доказуемым содержанием этого слова.

Одна эпистемология и один эпистемический язык

По аналогии с эмпирическим лингвистическим анализом слова «перспективизм» «релятивизм» отсылает к тенденции относить что-то к чему-то, а «контекстуализм» – к склонности контекстуализировать. Эти примеры показывают, насколько на самом деле невыгодно разделять одну эпистемологию на множество ограниченных частей. По сути, наименования эпистемологических программ фокусируются на одном из набора всех возможных взаимосвязанных познавательных действий. Участник такого антагонистического эпистемологического дискурса негласно или прямо придерживается метаэпистемологической установки «разделяй и властвуй» – борьба программ им приветствуется, а вопрос о единстве познавательных действий и методов их понимания не ставится.

Показать негативную сторону такой антагонистской метаэпистемологии можно на примере взаимосвязи релятивизма и перспективизма. Исследователи обеих программ практически не могут отличить их друг от друга. Перспективисты лишь указывают, что они совсем не релятивисты, а релятивисты стремятся видеть в перспективизме одну из разновидностей релятивизма. Встречается даже словосочетание «релятивистский перспективизм» (Rescher, 2006: 2). Один из возможных путей различить эти программы – это отыскать конкретные примеры их разработок и сравнить их друг с другом. Но и тут искатель скорее потерпит неудачу. Оба слова появились впервые в XIX веке. Термин «релятивизм» ввел в использование Круг (который краткое время был преемником кафедры Канта в Кёнигсберге) (см.: Krug, 2010: 224). Он сделал это не для того, чтобы создать доктрину, а для того, чтобы произвести критику карикатурно представленных им познавательных установок. Эта традиция описания релятивизма сохранилась и до сих пор. Релятивистов, о которых пишут критики релятивизма, можно искать, как Диоген искал человека с фонарем. Сама же история релятивизма строится на штамповании «релятивизмом» любых размышлений об относительности. Например, Пирроников (см.: Baghramian and Coliva, 2019: 29-32). Слово «перспективизм» – это неологизм, который Ницше спустя около 40 лет после появления термина «релятивизм» употребил всего шесть раз[5] (для сравнения: в этой статье он употребляется более 30 раз), не придав ему особого значения (см., например: Ницше, 1882: 674). Перспективизм находится на стадии коллективного поиска исследователей, пытающихся воссоздать единую картину, которой никогда не было. В общем, сравнение призрака релятивизма с интерпретациями перспективизма является не слишком продуктивной затеей. Но ради подтверждения этого утверждения можно попробовать.

Релятивизм, как его видят многие авторы, включает в себя антиабсолютизм или антиуниверсализм: установку, что все относительно, и поэтому не абсолютно или не универсально. Пример можно найти и у самого первообразователя этого термина Круга: релятивизм «это предположение, что все, что мы переживаем и думаем (личность, идея разума, истина, мораль, религия и т. д.), является лишь чем-то относительным, а потому не имеет значительной устойчивости и универсальной валидности» (Krug, 1838: 224; перевод наш. – *М.Л.*). Эмпирический анализ слова «релятивизм» нигде не указывает на такой признак. В данном определении он является результатом непосредственного умозаключения, хотя на его месте должен был бы быть полисиллогизм (здесь не хватает дополнительных предпосылок, из которых бы обязательно следовало, что все относительное не универсально). Гегель приходит к другому заключению: разумность (абсолютное) и есть само отношение (см.: Hegel, 1802: 246). Можно добавить к слову «релятивизм» предикаты «антиабсолютный» или «абсолютистский», но они не следуют аналитически из него. Так же стоит поступать, и иногда это все-таки делают в литературе, и с другими дополнениями. Например, следует говорить об «индифферентном релятивизме» (Rescher, 2006: 2), лингвистически ясно выражая предикат «индифферентный», так как термин «релятивизм» его просто не содержит и не обязан содержать.

При определениях перспективизма одним из самых устойчивых утверждений является то, что он указывает на зависимость от точки зрения. Однако, как показал разбор этого слова, никаких признаков зависимости или точки зрения в нем не обнаруживается. Также в нем нет и таких характеристик, как «плюрализм», «неполнота знания», «антиабсолютизм», «индифферентизм» и других всевозможных дополнений.

[5] См.: Dellinger, J. Perspektive / perspektivisch / Perspektivismus, P. van Tongeren, G. Schank, H. Siemens (eds.) // Nietzsche-Wörterbuch Online. Berlin, Boston: De Gruyter, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.degruyter.com/serial/nietzwtb-b/html (дата обращения: 04.07.2022).

Если исследователь хотел бы включить их в понимание перспективизма, он поступил бы честно, если бы маркировал их в форме предикатов, например, «плюралистический перспективизм» или «реалистский перспективизм».

Конечно, можно подойти к наименованиям эпистемологических программ и другим образом. Например, можно обратиться к методу экспликации, который требует от автора объяснить, что *именно он* хочет понимать под каким-либо словом независимо от того, что оно содержит изначально (как в оригинализме). Этот подход не является обязательно эмпирическим и аналитическим, он, скорее, дает волю свободному моделированию, то есть наполнению слов как изначальными, так и различными инородными значениями. Пропозиция «эпистемологическая программа, ставящая познание в зависимость от точек зрения» может быть объяснением слова «перспективизм», а может объяснять и такие слова, как «релятивизм» или «скептицизм», или даже набор букв «абвгд». То есть, мы опять возвращаемся к проблеме несовпадения сигнификанта и значения или этикетки и содержания в научной терминологии.

Единственным выходом из этой проблемы является метаэпистемологическая позиция единой эпистемологии и единого эпистемического языка. Познавательные действия и операторы для их теоретического осмысления стоит рассматривать как элементы одной целостной структуры познания или в конкретной форме: структурах отдельных познавательных ситуаций. Такие слова, как «перспектива», «позиция», «отношение», «фокус», «горизонт», «направление», «контекст», «область», «аспект», «вещь», «конструкт», «субъект» и т. д. являются лингвистическими операторами, которые описывают параметры процесса познания. Их смысл понятен благодаря их взаимосвязи между собой (см.: Левин, Чалый, Луговой, Корнилаев, 2023). Поэтому создавать различные эпистемологические программы и их наименования, основываясь только на одной из частей структуры, не очень целесообразно для эпистемологии.

Заключение: зачем тогда «перспективизм»?

Как тогда поступить со словами «перспективизм», «релятивизм», «контекстуализм» и т. д., которые и в словосочетании «программа перспективизма» или «программа релятивизма» не означают ничего более, чем «положение к склонности действовать путем проглядывания» или «положение к склонности действовать отношением чего-то к чему-то»? Можно их либо отменить, либо использовать как слова-проблемы или слова-задачи. Термин «перспективизм» наталкивает на вопрос: «А что означает действовать проницательным взглядом или, в переносном значении, проницательной мыслью?» По сути, это более активная и целенаправленная формулировка вопроса «Что такое познание?». Слова «гносеология» и «познание» основываются на древнегреческом глаголе “γιγνώσκω”, в котором ярко выражено значение «я узнаю», а чтобы что-то узнать, нужно это заранее увидеть, или «я знакомлюсь» (Frisk, 1960: 308-309). Однако, познавая, мы хотим не просто узнать что-то или познакомиться с чем-то, а проникнуть в суть чего-то, понять вещь изнутри. Слово «эпистемология», в свою очередь, основывается на древнегреческом “ἐπίσταμαι”, что изначально означает «я останавливаюсь» или «что-то останавливается, обездвиживается, фиксируется мной» (в зависимости от транзитивного и не транзитивного использования “ἵστημι”) (Frisk, 1960: 542-543). Чтобы что-то познать, нужно занять позицию и зафиксировать объект познания, чтобы его внимательно изучить (в русском на это значение все еще указывает слово «у*стан*овить», в английском “under*stand*”, в немецком “ver*stehen*”). Однако и фиксация объекта – лишь часть того, что мы хотим достичь, познавая. Скорее, она является условием для более значимого целенаправленного акта или заключительного

действия. Мы хотим пронзить объект взглядом или мыслью, сделать его транспарентным, ясным для нас. Поэтому неологизм «перспективология» был бы серьезной альтернативой для того, что принято называть «эпистемология» или «гносеология», хотя все три слова взаимосвязаны. Для понимания проницательного взгляда или проницательной мысли нужно понимание позиционирования и фиксации (эпистемологии), повторного узнавания (познания, гносеологии), аспектов (аспективизма), контекстов (контекстуализма), относительности (релятивизма), реальности (реализма), конструкций (конструктивизма) и т. д., то есть всех возможных актов одной эпистемологии и одного эпистемического языка или одной перспективологии и одного перспективистского языка. Такие установки, как: рассматривай множество перспектив, помни о герменевтическом круге (его плюсах и минусах), делай достаточно различий, помни об относительности и контекстах, задумайся о соотношении реального и конструкта – не являются доктринальными содержаниями одной из возможных программ, а являются правилами хорошей эпистемологии или правилами хорошей перспективологии.

Литература

Кимелёв, Ю.А. Философия религии: систематический очерк. М.: Nota Bene, 1998. 424 с.

Левин, М.Р., Чалый, В.А., Луговой, С.В., Корнилаев, Л.Ю. История перспективизма и статус перспективистских понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 249-260. DOI: 10.21638/spbu17.2023.204

Ницше, Ф. Веселая наука // Ф. Ницше. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Литературные памятники / ред., вступ. и прим. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 491-719.

Asmuth, C., Landenne, Q. Einleitung. Lässt sich Perspektivität perspektivisch definieren? // Perspektivität als Grundstruktur der Erkenntnis / ed. by C. Asmuth, Q. Landenne. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2018. S. 3-18.

Baghramian, M., Coliva, A. Relativism: New Problems of Philosophy. Routledge, 2019. 332 p.

Boghossian, P. Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism. Oxford: Oxford University Press, 2006. X, 139 p.

Creţu, A.-M., Massimi, M. Knowledge from a Human Point of View // Synthese. 2020. Library 416. SpringerOpen [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/338319409_Knowledge_from_a_Human_Point_of_View (дата обращения: 04.07.2022). DOI: 10.1007/978-3-030-27041-4.

Frisk, H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band I. Heidelberg, Carl Winter, 1960. 938 s.

Gebser, J. Ursprung und Gegenwart // Gesamtausgabe: In acht Bändern. Bände 2-4. Zweite Auflage. Schaffhausen: Novalis, 1999.

Giere, R.N. Scientific Perspectivism. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 170 p.

Graumann, C.F. Grundlagen einer Phänomenologie und Psychologie der Perspektivität. Berlin: De Gruyter, 1960. 194 s.

Haberland, H. On the Limits of Etymology // Acta Linguistica Hafniensia: International Journal of Linguistics. 2019. Vol. 51. No. 1. Pp. 90-103. DOI: 10.1080/03740463.2019.1625556

Hegel, G.W.F. Verhältnis des Skeptizismus zur Philosophie. Darstellung seiner verschiedenen Modifikationen und Vergleichung des neuesten mit dem alten. 1802 / hg. v. Eva Moldenhauer // Klaus Michel. Werke. Bd. 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 217-272.

Irlenborn, B. Relativismus (Grundthemen Philosophie). De Gruyter, 2016. 160 s.

Krug, W.T. Encyklopädisches Lexikon in Bezug auf die neueste Literatur und Geschichte der Philosophie. Leipzig: Nabu Press, 2010.

Massimi, M. Four Kinds of Perspectival Truth // Philosophy and Phenomenological Research. 2018. Vol. 96, № 2. Pp. 342-359. DOI: 10.1111/phpr.12300 (a)

Massimi, M. Perspectivism / ed. by J. Saatsi // The Routledge Handbook of Scientific Realism, 2018. Vol. 13. Routledge Handbooks in Philosophy, Routledge. Pp. 164-175. (b)

Massimi, M., McCoy, C.D. (ed.). Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects. New York, London: Routledge, 2020. 210 p. DOI: 10.4324/9781315145198

Recanati, F. Perspectival Thought. A Plea for (Moderate) Relativism. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Rescher, N. The Limits of Cognitive Relativism // Collected Papers: Studies in Epistemology. 2006. Vol. 14. Pp. 1-24.

Sass, H. von. Perspektiven auf die Perspektive / H. von Sass (Hg.) // Perspektivismus. Neue Beiträge aus der Erkenntnistheorie, Hermeneutik und Ethik. Hamburg: Meiner, 2019. S. 9-34.

Smith, P. Greek and Latin Roots: for Science and the Social Sciences, Part I – Latin. Victoria, BC: University of Victoria is used under a CC BY 4.0 International License, 2016. 189 p.

Strauß, G.W. Bedeutung – Begriff: Relationen und ihre Geschichte, Grabowski, Joachim, Harras, Gisela, Herrmann, Theo (Hrsg.) // Bedeutung – Konzepte – Bedeutungskonzepte. Theorie und Anwendung in Linguistik und Psychologie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 22-46.

Vaan de, M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Volbers, J. Perspektivität ist kein "Käfig". Eine kurze Einführung in den Schwerpunkt // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. 2019. Vol. 44. No. 3. Pp. 241-249. DOI: 10.5771/0340-7969-2019-3

Williamson, T. The Philosophy of Philosophy. 2nd ed. Wiley-Blackwell, Hoboken and Chichester, 2022.

References

Asmuth, C. and Landenne, Q. (2018), "Introduction. Can perspectivity be defined in perspective?", *Perspektivität als Grundstruktur der Erkenntnis* [Perspectivity as the basic structure of knowledge], in Asmuth, C. and Landenne, Q. (eds.), Koenigshausen & Neumann, Würzburg, Germany, 3-18 (in Germ.).

Baghramian, M. and Coliva, A. (2019), *Relativism: New Problems of Philosophy*, Routledge.

Boghossian, P. (2006), *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism*, Oxford University Press, Oxford.

Crețu, A.-M. and Massimi, M. (2020), "Knowledge from a Human Point of View", *Synthese, Library 416, SpringerOpen* [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/338319409_Knowledge_from_a_Human_Point_of_View (Accessed 4 July 2022). DOI: 10.1007/978-3-030-27041-4.

Frisk, H. (1960), *Griechisches etymologisches Wörterbuch* [Greek Etymological Dictionary], Carl Winter, Heidelberg, Germany (in Germ.).

Gebser, J. (1999). "Origin and Present", *Gesamtausgabe: In 8 Bändern. Bände 2-4. Zweite Auflage* [Complete edition: In 8 vol. Vol. 2-4. Second ed.], Novalis, Schaffhausen (in Germ.).

Giere, R. N. (2006), *Scientific Perspectivism*, University of Chicago Press, Chicago.

Graumann, C. F. (1960), *Grundlagen einer Phänomenologie und Psychologie der Perspektivität* [Foundations of a phenomenology and psychology of perspective], De Gruyter, Berlin, Germany (in Germ.).

Haberland, H. (2019), "On the Limits of Etymology", *Acta Linguistica Hafniensia: International Journal of Linguistics*, 51, 1, 90-103, DOI: 10.1080/03740463.2019.1625556

Hegel, G. W. F. (1986), "Relationship of skepticism to philosophy. Presentation of its various modifications and comparison of the newest with the old. 1802 / ed. v. Eva Moldenhauer", *Klaus Michel. Werke. Bd. 2* [Klaus Michel. Works. Vol. 2], Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany, 217-272 (in Germ.).

Irlenborn, B. (2016), *Relativismus (Grundthemen Philosophie)* [Relativism (basic themes of philosophy)], De Gruyter, Berlin, Germany (in Germ.).

Kimelyov, Yu. A. (1998), *Filosofiya religii: sistematicheskiy ocherk* [Philosophy of Religion: A Systematic Essay], Nota Bene, Moscow, Russia (in Russ.).

Krug, W. T. (2010), *Encyklopädisches Lexikon in Bezug auf die neueste Literatur und Geschichte der Philosophie* [Encyclopedic lexicon in relation to the latest literature and history of philosophy], Nabu Press, Leipzig, Germany (in Germ.).

Lewin, M. R., Chaly, V. A., Lugovoy, S. V. and Kornilaev, L. Yu. (2023), "History of Perspectivism and the Status of Perspectivist Concepts", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 39 (2), 249-260, DOI: 10.21638/spbu17.2023.204 (in Russ.).

Massimi, M. (2018a), "Four Kinds of Perspectival Truth", *Philosophy and Phenomenological Research*, 96 (2), 342-359, DOI: 10.1111/phpr.12300

Massimi, M. (2018b). "Perspectivism", in Saatsi, J. (ed.), *The Routledge Handbook of Scientific Realism*, 13, Routledge Handbooks in Philosophy, Routledge, 164-175.

Massimi, M. and McCoy, C. D. (ed.) (2020), *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects*, Routledge, New York, London, DOI: 10.4324/9781315145198

Nietzsche, F. (1990), "The Gay Science", *Sochineniya: V 2 t. T. 1* [Works: In 2 vols. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia, 491-719 (in Russ.).

Recanati, F. (2007), *Perspectival Thought. A Plea for (Moderate) Relativism*, Oxford University Press, Oxford.

Rescher, N. (2006), "The Limits of Cognitive Relativism", *Collected Papers,* Vol. 14: Studies in Epistemology, 1-24.

Sass, H. von. (ed.) (2019), "Perspectives on the Perspective", *Perspektivismus. Neue Beiträge aus der Erkenntnistheorie, Hermeneutik und Ethik* [Perspectiveism. New contributions from epistemology, hermeneutics and ethics], Meiner, Hamburg, Germany, 9-34 (in Germ.).

Smith, P. (2016), *Greek and Latin Roots: for Science and the Social Sciences, Part I – Latin*, University of Victoria is used under a CC BY 4.0 International License, Victoria, BC.

Strauß, G. (1996). "Word – meaning – concept: relations and their history", in Grabowski, J., Harras, G. and Herrmann, T. (ed.), *Bedeutung – Konzepte – Bedeutungskonzepte. Theorie und Anwendung in Linguistik und Psychologie* [Meaning – concepts – concepts of meaning. Theory and application in linguistics and psychology], Westdeutscher Verlag, Opladen, Germany, 22-46 (in Germ.).

Vaan de, M. (2008), *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*, Brill, Leiden, Boston.

Volbers, J. (2019). "Perspective is not a "cage". A brief introduction to the focus", *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie* [General Journal of Philosophy], 44, 3, 241-249, DOI: 10.5771/0340-7969-2019-3 (in Germ.).

Williamson, T. (2022), *The Philosophy of Philosophy,* 2nd ed., Wiley-Blackwell, Hoboken and Chichester.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Левин Михаил Романович, доктор философских наук, старший научный сотрудник, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14 г. Калининград, 236041, Российская Федерация; *MLewin@kantiana.ru*

ORCID**:** 0000-0002-5097-5725.

ABOUT THE AUTHOR:

Michael R. Lewin, Doctor of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia; *MLewin@kantiana.ru*

ORCID: 0000-0002-5097-5725.

УДК 165 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-2**

Терёхин Е. Л.

Проблема определения концептуальных границ феномена эпистемологического релятивизма

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, д. 4,
г. Минск, 220030, Беларусь; *centipede@yandex.by*

Аннотация. В статье рассмотрены основные способы концептуального оформления феномена эпистемологического релятивизма в современной философии. Выделены две традиции в оценке функций и методологических перспектив эпистемологического релятивизма: радикально-критическая и позитивно-конструктивная. Показано, что аксиологическая нагрузка интерпретации феномена эпистемологического релятивизма определяет его содержание в рамках каждого из указанных подходов: критики и сторонники релятивизма зачастую говорят о содержательно разных «релятивизмах». Утверждается, что разделение на крайний и умеренный релятивизм является критически важным для понимания подобной неоднородности в определении концептуальных границ феномена.

Ключевые слова: эпистемологический релятивизм; крайний релятивизм; умеренный релятивизм; плюрализм; рациональность; эпистемические основания

Для цитирования: Терёхин Е.Л. Проблема определения концептуальных границ феномена эпистемологического релятивизма // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 15-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-2

E. L. Terekhin

The problem of defining the conceptual boundaries of the phenomenon of epistemological relativism

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Belarus; *centipede@yandex.by*

Abstract. The article considers the main ways of conceptualizing the phenomenon of epistemological relativism in modern philosophy. Two traditions are singled out in assessing the functions and methodological prospects of epistemological relativism: radical-critical and positive-constructive. It is shown that the axiological load of the interpretation of the phenomenon of epistemological relativism determines its content within the framework of each of these approaches: critics and supporters of relativism often talk about meaningfully different "relativisms". It is argued that the division into extreme and moderate relativism is critical to understanding such heterogeneity in defining the conceptual boundaries of the phenomenon.

Keywords: epistemological relativism; extreme relativism; moderate relativism; pluralism; rationality; epistemic justifications

For citation: Terekhin E. L. (2023), "The problem of defining the conceptual boundaries of the phenomenon of epistemological relativism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 15-26, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-2

Интерес к эпистемологическому релятивизму, впервые отчетливо проявивший себя во второй половине прошлого века, за два прошедших десятилетия значительно возрос. Тема эпистемологического релятивизма с регулярностью появляется в работах отечественных (В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешина, В.Н. Порус) и зарубежных (М. Баграмян, М. Куш, А. Лубофф, С. Хэйлз) авторов. Такое внимание обусловлено, с одной стороны, усилением постмодернистского тренда в эпистемологии с характерными для него релятивистскими установками, а с другой – состоянием глубокой неопределенности в общественной и культурной жизни, анализ которого (состояния) наводит на мысль, что современное демократическое общество «не может не исходить из релятивистской установки» (Лекторский, 2012: 3).

При этом, хотя релятивистские тенденции проявляют себя в философии еще со времен Античности, концептуальное оформление эпистемологический релятивизм обретает только во второй половине двадцатого века. Такая ситуация «долгого прошлого, но краткой истории» (Kusch, 2020: 2) естественным образом порождает сложности в определении границ феномена. Действительно, знакомство с основными работами по теме эпистемологического релятивизма зачастую оставляет впечатление, будто авторы говорят о содержательно различных явлениях. Это, среди прочего, объясняется тем, что проблема релятивизма аксиологически нагружена. В зависимости от ценностных установок автора, релятивизм предстает как «главная болезнь нашего времени, современного общества, его социальных и межличностных коммуникаций, массового сознания, в том числе философского и даже научного» (Дубровский, 2012: 29), которую можно и нужно лечить; «концептуальное выражение релятивности знания, его историчности и динамизма» (Микешина, 2004: 53), которое современной эпистемологии необходимо принять как данность; отдельное мировоззрение, способное формировать собственные ценности, смыслы и установки, и уже поэтому интеллектуально привлекательное (Meiland, 1979: 68, Meiland, 1980: 121, 126). Разумеется, содержательное наполнение феномена при столь отличных друг от друга мировоззренческих установках является крайне неоднородным.

В каком-то смысле проблема определения границ феномена эпистемологического релятивизма следует из его природы: принципиальному сомнению в устойчивости эпистемических оснований едва ли можно придать единую и однозначную формулировку. Но тем более очевидна необходимость систематизации основных концептуальных форм эпистемологического релятивизма, чему и посвящена данная статья.

Критики и сторонники релятивизма категорически по-разному оценивают функции и методологические перспективы эпистемологического релятивизма и поэтому рассмотрены отдельно.

I Радикально-критическая интерпретация феномена эпистемологического релятивизма

Среди работ, в которых наиболее полно отражена критическая позиция по отношению к релятивизму, можно выделить два отечественных сборника под редакцией академика В.А. Лекторского: «Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ» (2012) и «Релятивизм как болезнь современной философии» (2015). Статьи, представленные в них, объединены не только общей тематикой, но и критической оценкой феномена: «Авторы книги в известном смысле идут "против течения" (в том числе в нашей философии) и пытаются показать несостоятельность релятивизма как общей философской позиции и его

ущербность и опасность в практической жизни» (Лекторский, 2012: 4). Философия должна бороться с релятивизмом, потому что главное ее предназначение в современном мире – поддержание оптимистичной веры в могущество разума (Дубровский, 2012: 36).

Эта мировоззренческая установка во многом определяет теоретическое понимание феномена эпистемологического релятивизма в указанных работах. Так, релятивизм, по мнению В.А. Лекторского, не может ограничиться утверждением об относительности всякой истины – положением, которое В.А. Лекторский разделяет (Лекторский, 2015: 10), – но абсолютизирует эту относительность, доводя до абсурда. Всякое релятивистское высказывание в такой интерпретации подразумевает отказ от критериев сравнения, утрачивая возможность быть верным или неверным, в том числе и относительно некоторой выбранной системы координат. Тогда, действительно, «последовательное проведение релятивистской установки означает отказ от таких фундаментальных ценностей культуры, как ориентация на поиск истины и получение знания, рациональность, необходимость осмысления мира и человека в нем. Релятивист консервирует сложившиеся концептуальные и ценностные системы и исключает возможность критической дискуссии (дискуссия невозможна, если у каждого участника свои критерии рациональности и обоснованности). Релятивизм парализует и практическое действие» (Лекторский, 2012: 4).

В.А. Лекторский дает следующее определение релятивизма: «Релятивизм как философская позиция – это отрицание существования истины как чего-то независимого от того или иного концептуального (языкового) каркаса, отрицание общезначимых стандартов рациональности, отрицание самого существования реальности как независимой от определенной понятийной конструкции. Это конструктивистская позиция: мир строится самим познающим, и он может строиться по-разному» (Лекторский, 2012: 3). При том, что данное определение вполне нейтрально, важно еще раз подчеркнуть главную особенность релятивизма в трактовке В.А. Лекторского: как философская концепция он нежизнеспособен и противоречит самому себе; поскольку релятивизм отрицает общеобязательность и объективность истины, то спор о том, что имеет место в действительности, в релятивистской парадигме не имеет смысла.

Схожие взгляды на природу и место эпистемологического релятивизма представляет Е.А. Мамчур, автор монографии «Объективность науки и релятивизм». Эпистемологический релятивизм определен здесь как «доктрина, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно одного и того же объекта не существует единственно верной, той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире <…> все эти точки зрения и все эти теории являются равноправными и равноценными» (Мамчур, 2004: 6).

Е.А. Мамчур дает свою классификацию эпистемологического релятивизма, выделяя такие его разновидности, как персоналистский, когнитивный и культурный. Первый отсылает к Протагору с его максимой о человеке как мере всех вещей. Под когнитивным релятивизмом понимается утверждение об отсутствии нейтральных критериев адекватности научного знания. Такова позиция Р. Рорти, настаивающего, что научные теории являются в первую очередь попыткой ученых достичь солидарности по вопросу устройства мира, а не реальным его отражением. Третья разновидность эпистемологического релятивизма, которую выделяет Е.А. Мамчур, культурный релятивизм, означает тотальную детерминацию научного знания социально-культурным контекстом (Мамчур, 2004: 16). Во всех своих формах релятивизм здесь характеризуется нежизнеспособностью и несостоятельностью в качестве философской позиции.

В.Н. Порус рассматривает эпистемологический релятивизм в рамках кризиса классической научной рациональности. Современное положение научной рациональности В.Н. Порус определяет как путь между «Сциллой абсолютизма и Харибдой релятивизма» (Порус, 2002: 9). И если абсолютизм антиисторичен и догматичен, то релятивизм разрушает границы науки и подрывает авторитет разума. В истории современной философии и методологии науки рамки научной рациональности определяются неоднозначно; в XX веке появляются откровенно релятивистские концепции развития науки, а значит и научной рациональности – работы Т. Куна, П. Фейерабенда, Р. Рорти, – при том что концепции научной рациональности К. Поппера, И. Лакатоса, С. Тулмина либо упирались в абсолютизм, либо оставались уязвимыми для релятивизма.

При этом В.Н. Порус признает за релятивизмом некоторые достоинства – «релятивизм отбрасывает требование универсальности и абсолютности, поворачивается к реалиям науки и ее истории, отказывается от априорных определений рациональности, связывает рациональность с целесообразностью и успешностью действий» (Порус, 2002: 127) – однако утверждает, что релятивизм нивелирует, уничтожает само представление о рациональности. В этом смысле эпистемологический релятивизм, на взгляд В.Н. Поруса, напоминает релятивизм моральный: он также является перевернутым отражением абсолютистской позиции, и как моральный релятивизм в итоге перестает говорить о какой-либо морали, становясь вульгарным нигилизмом, так и методологический релятивизм в конце концов теряет из виду свой объект, рациональность.

Таким образом, релятивизм, как и в упомянутых выше работах В.А. Лекторского и Е.А. Мамчур, здесь предстает в своей радикальной форме, то есть в первую очередь как отсутствие критериев, в данном случае, для определения границ научной рациональности, и является по сути «вывернутым наизнанку абсолютизмом» (Порус, 2002: 182).

Для понимания феномена эпистемологического релятивизма является важным различение релятивизма и релятивности. Ряд авторов, такие как Е.А. Мамчур и В.А. Лекторский, категорически разделяют эти два понятия; в соответствии с уже указанной выше установкой на неприятие релятивизма как философской позиции, релятивность отделяется от релятивизма как зафиксированный факт и особенность всякого познания; релятивизм же возникает только если теории «относительные к» становятся равносильными и лишаются критериев сравнения. Другие исследователи не столь категоричны. Так, Г.Д. Левин связывает появление релятивистских и околорелятивистских установок в истории философии с открытием новых классов релятивностей в Античности, Новом времени и XX веке соответственно. При этом он подчеркивает, что релятивностью начинают называть не всякое отношение относительности, но парадоксальное, проблемное, невозможное с точки зрения прежних эталонов научности; именно такая релятивность лежит в основании релятивистских познавательных установок (Левин, 2012: 45).

Среди значимых попыток определить концептуальные границы феномена эпистемологического релятивизма в критической традиции его интерпретации можно выделить вариант Е.Л. Чертковой. Она говорит о трояком понимании релятивизма в современной философии. Первое, чаще встречающееся в работах западных философов, рассматривает релятивизм как концепцию, подчеркивающую историчность и изменчивость познания, контекстуальность истин и фактов, а также настаивающую на важности принципа антидогматичности в познавательной деятельности; вслед за Е.А. Мамчур, Е.Л. Черткова предлагает считать это релятивностью, а не релятивизмом. Другое понимание релятивизма подразумевает познавательные установки, отвергающие понятие истины как ненужное

для познания; на взгляд Е.Л. Чертковой, подобный эпистемологический релятивизм – «субъективистская позиция, стоящая на платформе антиреализма» (Черткова, 2012: 92). Е.Л. Черткова при этом соглашается с Е.А. Мамчур, определяющей релятивизм как «обязательное сочетание двух тезисов: плюрализма, с одной стороны, и отсутствия преимущественной точки зрения, с другой» (Мамчур, 2004: 27). Кроме того, Е.Л. Черткова также говорит о релятивизме как о метафилософии – или претензии на статус таковой – которая, в таком случае, опровергает самое себя присущей всякой метафилософии тотальностью, против которой релятивизм выступает. Таким образом, классификация Е.Л. Чертковой априори содержит в себе крайне критическую позицию по отношению к релятивизму: из трех выделенных концептуальных форм релятивизма первой отказывается в праве называться релятивизмом, а две оставшиеся содержат противоречия, которые ставят релятивистскую парадигму в положение самоотрицания.

II Позитивно-конструктивная интерпретация феномена эпистемологического релятивизма

Вполне естественно, что концептуальное оформление феномена эпистемологического релятивизма происходит в первую очередь среди сторонников этой концепции. Так, Л.А. Микешина рассматривает релятивизм как проявление параллельной традиции в понимании истины, предполагающей «смену языка» и «способов говорить» (отказ от языка Платона), неприятие старых философских догм, и в первую очередь ставит под сомнение способ мышления в оппозициях субъект – объект, абсолютное – относительное, найденное – сделанное, реальное – кажущееся» (Микешина, 2002: 386). Л.А. Микешина подчеркивает, что релятивизм «в современной эпистемологии должен быть переоценен и переосмыслен как концептуальное выражение неотъемлемой релятивности знания, его динамизма и историчности» (Микешина, 2004: 53).

Релятивизм здесь является концепцией, фиксирующей историчность, изменчивость и, соответственно, относительность суждений, норм и критериев по отношению к социальным, психологическим и культурным факторам. Неприятие эпистемологического релятивизма как концепции Л.А. Микешина объясняет приверженностью классическим теориям познания с их абсолютным субъектом и независимым от него объектом; преодоление релятивизма «на пути освобождения сознания и разума от реального человека и мира – это путь трансцендентальной философии, выявившей богатейшие возможности мира абстракций и идеализаций, но утратившей целостного познающего человека» (Микешина, 2004: 55).

Указывая на принципиальную релятивность всякого знания, которого достигает и которым пользуется человек, Л.А. Микешина подчеркивает, что «релятивизм не является неким самостоятельным направлением среди других, но настойчиво проявляется как неотъемлемое свойство познания вообще, современного в особенности, для которого характерен плюрализм “миров”, подходов, критериев, систем ценностей, парадигм» (Микешина, 2002: 464). В такой интерпретации эпистемологический релятивизм становится во многом выражением ценностных установок познавательной деятельности.

Мартин Куш, один из крупнейших теоретиков эпистемологического релятивизма, утверждает, что все формы последнего склоняются к точке зрения, согласно которой не существует эпистемической системы – набора эпистемологических стандартов – которая превосходила бы все прочие. Отмечая сложность однозначного определения эпистемологического релятивизма, он предлагает ряд характеристик, которые бы указывали на релятивистский ха-актер познавательной установки.

1. Зависимость эпистемического статуса объекта. От того, привязан ли эпистемический статус объекта к установленным

и претендующим на фундаментальность нормам и принципам или же к конкретным случаям, можно говорить, соответственно, об эпистемологическом регуляризме и партикуляризме.

2. Плюрализм, который предполагает, что существует более чем одна эпистемологическая система. При этом М. Куш подчеркивает, что релятивизм вполне совместим с идеей отсутствия *существующей* альтернативы. Кроме того, релятивистская программа, как правило, предполагает ограниченное количество альтернатив.

3. Отрицание абсолютизма, то есть утверждение, что ни одна эпистемологическая система не может быть абсолютно верной и конечной. М. Куш считает, что отрицание абсолютизма является обязательным критерием любой формы релятивизма.

4. Конфликт между эпистемическими системами по причине несоразмерности и несовместимости теорий и концепций. В первую очередь это касается того типа несовместимости, о котором говорили в своих вариантах концептуального и семантического релятивизма Т. Кун и П. Фейерабенд.

5. Эпистемологические системы симметричны, то есть однозначный выбор между ними невозможен. Различные релятивистские системы объясняют подобную симметричность по-своему: а) локальные критерии истинности для каждой системы; б) единый критерий не может быть нейтральным по отношению к изначальным системам; в) системы равнозначны и одинаково верны; г) сравнение невозможно, так как критерии одной системы не могут быть применены для другой. М. Куш отмечает, что противники релятивизма (П. Богосян, М. Баграмян) часто выбирают для определения релятивизма вариант равнозначности, при том что сами релятивисты (за небольшим исключением) его отрицают.

6. Трансформация значения объектов при переходе от одной системы к другой. Например, в теории смены парадигм Т. Куна термины отжившей парадигмы могут войти в научный тезаурус новой парадигмы, но, помещенные в контекст другой описательной системы, не способны сохранить свое прежнее значение.

7. Безошибочное разногласие. Если различие во взглядах «эпистемических субъектов» основываются на том, что эти субъекты придерживаются каждый своей эпистемологической системы, то подобное разногласие не предполагает ошибку кого-либо из них.

8. Семантическая релятивность. Зависимость эпистемологических систем от языка, его значений и способов их выражения.

9. Историческая случайность. То, какой системой эпистемологических установок пользуется индивид или группа, определяется исторически сложившейся культурной средой; если бы случай повел историю в другом направлении, эпистемические установки индивида или группы значительно отличались бы от фактических.

10. Недетерминированность фактами «как они есть». Не существует доказательств того, что какая-либо эпистемологическая система является точным отражением внутренних законов мира. Однако не следует смешивать это утверждение с тем, что якобы «реальный» мир не связан с эпистемологическими системами и что последние, соответственно, произвольны.

11. Самооправдание. Каждая эпистемическая система оправдывает складывающиеся на ее основе убеждения как верные, поскольку они соответствуют ее внутренним нормам. Характерно, что упрек в самооправдании используют также критики релятивизма, такие как М. Баграмян. В свою очередь М. Куш подчеркивает, что релятивисты не настаивают на том, что все эпистемические системы являются неверными в силу подобного самооправдания, но лишь указывают на несовершенство и неполноту последних.

12. Толерантность. Принцип, согласно которому эпистемологические системы, отличные от наших, не должны быть

сразу отвергаемы. Принцип толерантности, разумеется, проявляется и за пределами релятивистских установок; может ли толерантность существовать совершенно вне релятивизма – вопрос, остающийся открытым (Kusch, 2020: 3-5).

Разумеется, вышеперечисленные критерии не равнозначны. Релятивист, по мнению М. Куша, так или иначе будет придерживаться первых пяти пунктов из списка выше, при этом остальным может быть уделено меньше внимания. А равнозначность эпистемических систем – «всё сгодится» – вообще отрицается большинством современных релятивистов.

Критичным является разделение на крайний и умеренный релятивизм: именно здесь проявляется основное противоречие между критиками и теоретиками релятивизма. Первые зачастую ограничивают феномен релятивизма только крайней его формой. Однако, как отмечает Р. Рорти, «Релятивизм – это точка зрения, согласно которой каждое убеждение по определенной или даже любой теме ничуть не хуже любого другого. Никто не придерживается подобной точки зрения» (Rorty, 1980: 727). Действительно, среди релятивистов практически невозможно найти того, кто выступал бы в защиту радикального релятивизма, отвергающего всякие критерии оценки и сравнения. Получается, что критика направлена на философски нежизнеспособную позицию, которую никто (или почти никто) не отстаивает.

Схожую проблему представляет разделение на глобальный и локальный релятивизм. Глобальный релятивизм по своей сути является воплощением расхожей фразы «всё относительно»: всякое убеждение может быть верным только в рамках некоторого контекста. Именно глобальный релятивизм в первую очередь обвиняют в самоотрицании: если все относительно, то и само это положение относительно, хотя, судя по формулировке, претендует на всеобщность. Самоотрицание глобального релятивизма оспаривается – например, изменением положения «всё относительно» на «всё истинное – истинно относительно» (Hales, 2006: 16), – но очевидная широта и неопределимость границ его позиции делают его значительно менее распространенным, чем релятивизм локальный. Теоретики локального релятивизма ограничивают утверждения релятивизма одной или несколькими областями, например, культурным или эпистемологическим релятивизмом. При этом идея релятивности моральных норм может здесь сочетаться с убежденностью, что к науке релятивистская парадигма не применима, и наоборот.

Классификация «подвидов» релятивизма в рамках локального подхода основывается на том, как формулируется релятивистская позиция. В самом общем виде релятивистскую позицию можно представить в виде высказывания «x истинно относительно y», где «x» является релятивируемым, то есть объектом релятивизма, а «y», соответственно, тем, к чему релятивизируется «x», то есть сферой или областью релятивизма. В соответствии со значениями, которые принимают эти переменные, выделяются различные видовые формы локального релятивизма (таблица). Также классификация может производиться на пересечении объекта и области релятивизации, например, утверждение, что эпистемические основания зависят от исторической эпохи, можно обозначить как эпистемологический историцизм.

Возвращаясь к локальным видам релятивизма, важно отметить соотношение между эпистемологическим релятивизмом и релятивизмом вообще. Если определять эпистемологический релятивизм, как предложено выше (табл.), то его объектом является знание и его обоснование. Второе, то есть эпистемическое обоснование, может трактоваться двояко: как позиция, на основании которой мы определяем суждение как верное, истинное, или же как позиция, на основании которой мы определяем, можно ли считать то или иное суждение знанием.

Таблица

Разновидности релятивизма в соответствии с объектом и областью релятивизации

Table

Varieties of relativism in accordance with the object and area of relativization

Объект релятивизма / Object of relativism	**Тип релятивизма / Relativism type**
Объекты, факты, реальность	Онтологический релятивизм
Истина	Алетический релятивизм
Концепции, значения	Семантический/концептуальный релятивизм
Моральные ценности и нормы	Моральный релятивизм
Знание, эпистемические основания	Эпистемологический релятивизм
Эстетическая ценность	Эстетический релятивизм
Область релятивизации	
Индивид, субъект	Субъективизм/протогореанский релятивизм
Культура	Культурный релятивизм
Историческая эпоха	Историцизм

Как теоретики, так и критики релятивизма редко используют весь «набор» локальных видов релятивизма за рамками разговора о непосредственно классификации, но в основном говорят о моральном, культурном и эпистемологическом релятивизме; к последнему обращаются чаще всего. Это можно объяснить следующим образом. Всякий релятивизм утверждает относительность какого-либо (или всех) ключевого элемента мира (знание, истина, реальность, красота, моральные и культурные ценности) в некотором контексте. Являясь при этом позицией анти-реализма, релятивизм отказывает подобным элементам в самостоятельном, объективном существовании, по сути приравнивая их к суждениям о них. Таким образом, можно переформулировать общее положение релятивизма: всякий релятивизм утверждает, что суждение о некотором ключевом элементе мира является истинным только в определенном контексте. Если же мы определим эпистемическое основание как позицию для утверждения истинности суждения, то глобальный и любой локальный релятивизм как философская позиция, по сути, ставит под сомнение именно эпистемические обоснования. Как подчеркивает теоретик релятивизма А. Картер, истина, таким образом, концептуально связана с другими объектами релятивизма (Carter, 2016: 39). Поэтому и другой защитник релятивизма С. Хэйлз утверждает, что эпистемология – наиболее перспективный путь исследований для понимания природы феномена релятивизма (Hales, 2006: 94). А финский философ А. Хаутамяки дает расширенное определение эпистемологического релятивизма: «Эпистемологический релятивизм – это обширная область исследований относительности истины, знания, реальности и рациональности» (Hautamäki, 2020: 40). Таким образом, феномен релятивизма здесь зачастую сводится именно к эпистемологическому релятивизму, что, впрочем, прослеживается и в работах русскоязычных авторов.

В противоположность негативной аксиологической нагруженности феномена эпистемологического релятивизма в критической его интерпретации, положительные ценностные аспекты релятивизма представлены в конструктивных его версиях. Среди них можно выделить три основных.

1. Культурный плюрализм. Как отмечает А. Лубофф, довольно сложно представить не-релятивистский взгляд на богатство и разнородность мировых культур, который не являлся бы формой абсолютизма.

Наиболее простой и исторически первой формой культурного абсолютизма было утверждение универсальности культурных стандартов западноевропейского общества; при таком подходе культурное разнообразие превращается в перечень того, как необычайно неправы представители других культур в своих представлениях о мире. Появившийся следом эволюционизм также является формой абсолютизма, поскольку в этом случае культурные модели, отличные от привычной западноевропейской, рассматриваются как аналоги пройденных этапов развития западной культуры и оцениваются если не как ошибочные, то «недоразвитые». Прагматический эволюционизм и универсализм также зачастую возвращают нас к абсолютизму. «Принять релятивизм – значит поместить наши собственные претензии на понимание мира наравне с претензиями других культур. Это если не отдать, то хотя бы разделить нашу позицию власти и авторитета с теми, кто существенно отличается от нас. Короче говоря, это означает релятивизировать собственную легитимность» (Luboff, 2020: 32-34).

2. Эпистемологический плюрализм и толерантность. Релятивизм зачастую ассоциируется с толерантностью и плюрализмом, поскольку, отрицая абсолютистские установки, оставляет пространство для альтернативных мнений и практик. Однако нужно отметить, что требование толерантности не следует напрямую из релятивистской установки. Невозможность нейтральной позиции не означает автоматического уважения альтернативы, но, как минимум, может снизить пафос обесценивания последней указанием на относительность критериев такой оценки (Luboff, 2020: 156).

3. Прогресс науки и интеллектуальная свобода. М. Баграмян, будучи одним из самых значимых критиков релятивизма в англоязычной философской среде, предположила, что причиной постоянного «возрождения» релятивизма является то, что последний культивирует определенные интеллектуальные добродетели, такие как открытость, толерантность, интеллектуальные упорство и мужество, непредубежденность и любопытство (Baghramian, 2019: 258). Д. Блур утверждает, что невозможно быть одновременно антиабсолютистом и антирелятивистом, и релятивизм, отрицая абсолютистскую установку, поощряет любопытство и ограничивает догматизм (Bloor, 2011: 437). Научное сообщество, будучи более открытым для релятивистской парадигмы, сможет быть более открытым к новым возможностям; релятивизм также может рассматриваться как философский базис для междисциплинарных исследований и диалога между науками.

Выводы

В философских работах как критиков, так и сторонников концепции эпистемологического релятивизма четко прослеживается значительная аксиологическая нагрузка феномена. В первом случае доминирует крайне критическое отношение к релятивистским установкам, которые рассматриваются как подрывающие веру в человеческий разум, нацеленность на поиск истины и диалог. Релятивизм здесь рассматривается практически исключительно в своих крайних, радикальных формах, как вывернутый наизнанку абсолютизм, отказывающийся от всяких критериев для сравнения и выбора. Подобный радикальный релятивизм на сегодняшний день не имеет достаточного концептуального обоснования; это «философски неинтересный» релятивизм, у которого, можно утверждать с известной долей уверенности, нет сторонников.

Сторонники и теоретики релятивизма, напротив, рассматривают релятивизм в первую очередь как антидогматизм, базис для развития плюрализма, толерантности и интеллектуальной свободы. Релятивизм здесь становится неотъемлемой характеристикой всякого знания, подчеркивающей исторический характер последнего. Именно в рамках этой интерпретации релятивизма разрабатываются основные его формы и классификации.

Концептуальное оформление феномена эпистемологического релятивизма не закончено, более того, по сути происходит на наших глазах. Только за последние десять лет появились десятки значимых работ по теме. Все возрастающий интерес к этой теме обусловлен тем, что эпистемологический релятивизм имеет прямое отношение – подрывая или предлагая новый взгляд – к ключевым аспектам человеческого мира: истине, знанию, реальности, моральным и культурным ценностям. При этом есть все основания утверждать, что феномен эпистемологического релятивизма является определяющим для всей проблемы релятивизма в целом.

Поэтому наиболее перспективным, на взгляд автора статьи, является определение эпистемологического релятивизма как релятивизма эпистемических оснований – тех установок, исходя из которых некоторая информация воспринимается как знание. Такой подход подразумевает, что не только наука, но и любые культурные и социальные практики, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, имеют эпистемическую структуру – лежащий в их основе набор связанных между собой эпистемических установок, норм и обоснований. Эпистемологический релятивизм как часть неклассической эпистемологии, в таком случае, в качестве своего объекта рассматривает элементы эпистемической структуры в аспекте их относительности – как к аналогичным эпистемическим основаниям этого же или более высокого порядка, так и к соответствующим историческим, культурным, социальным и языковым контекстам. Значительное исследовательское внимание к проблеме релятивизма, глубина и разнообразие подходов и широкий социально-культурный контекст позволяют заявить, что эпистемологический релятивизм является гораздо большим, чем просто перерождающимся заблуждением. «Релятивизм, как и скептицизм, – одна из тех доктрин, которые к настоящему времени были опровергнуты слишком часто. Пожалуй, нет более надежного признака того, что доктрина воплощает некую истину, которой нельзя пренебрегать, чем ее опровержение снова и снова. Подлинно опровержимые доктрины нужно опровергнуть только один раз» (MacIntyre, 1985: 22).

Литература

Дубровский, Д.И. Многоликий «релятивизм» (о необходимости его концептуального истолкования в общефилософском плане) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 29-40.

Левин, Г.Д. Релятивизм и реляционизм (к истории проблемы) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 40-61.

Лекторский, В.А. Предисловие // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 2-4.

Лекторский, В.А. Релятивизм, плюрализм и диалог // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2015. С. 5-32.

Мамчур, Е.А. Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

Микешина, Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. Т. 1. № 1. 2004. С. 53-63.

Порус, В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет Российской академии образования, 2002. 352 с.

Черткова, Е.Л. Проблема ценности истины в скептицизме и релятивизме // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 80-103.

Baghramian, M. I. The Virtues of Relativism // Aristotelian Society Supplementary Volume. 2019. Vol. 93. Iss. 1. Pp. 247–269.

Bloor, D. Relativism and the Sociology of Scientific Knowledge // A Companion to Relativism. Ed. by Stephen Hales. Oxford: Blackwell, 2011. Pp. 431–455.

Carter, A. Metaepistemology and Relativism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 298 p.

Hales, S. Relativism and the Foundations of Philosophy. Bradford Books: The MIT Press, 2006. 216 p.

Hautamäki, A. Viewpoint Relativism. A New Approach to Epistemological Relativism based on the Concept of Points of View. Translated by Michelle Mamane. Switzerland: Springer International Publishing, 2020. 210 p.

Kusch, M. Introduction: A primer on relativism // The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism. Ed. by Martin Kusch. NY: Routledge, 2020. Pp. 1-7.

Luboff, A. Facing Relativism. Switzerland: Springer International Publishing, 2020. 171 p.

MacIntyre, A. Relativism, Power and Philosophy // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1985. Vol. 59. Iss. 1. Pp. 5–22.

Meiland, J. W. Is Protagorean Relativism Self-Refuting // Grazer Philosophische Studien. 1979. Vol. 9. Iss. 1. Pp. 51-68.

Meiland, J. W. On the paradox of cognitive relativism // Metaphilosophy. 1980. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 115-126.

Rorty, R. Pragmatism, Relativism, and Irrationalism // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1980. Vol. 53. Iss. 6. Pp. 717-738.

References

Baghramian, M. I. (2019), "The Virtues of Relativism", *Aristotelian Society Supplementary*, 93 (1), 247–269.

Bloor, D. (2011), "Relativism and the Sociology of Scientific Knowledge", in Hales, S (ed.), *A Companion to Relativism*, Blackwell, Oxford, UK, 431–455.

Carter, A. (2016), *Metaepistemology and Relativism*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.

Chertkova, E. L. (2012), "The problem of the value of truth in skepticism and relativism", in Lektorsky, V. A. (ed.), *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia, 80-103 (in Russ.).

Dubrovsky, D. I. (2012), "Multifaceted 'relativism' (on the need for its conceptual interpretation in the general philosophical plane)", in Lektorsky, V. A. (ed.), *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia, 29-40 (in Russ.).

Hales, S. (2006), *Relativism and the Foundations of Philosophy*. Bradford Books: The MIT Press, Cambridge, Massachusetts.

Hautamäki, A. (2020), *Viewpoint Relativism. A New Approach to Epistemological Relativism based on the Concept of Points of View*, Translated by Michelle Mamane, Springer International Publishing, Cham, Switzerland.

Kusch, M. (2020), "Introduction: A primer on relativism", in Kusch, M. (ed.), *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*, Routledge, N.Y., 1-7.

Lektorsky, V. A. (2012), "Introduction", in Lektorsky, V. A. (ed.), *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia, 2-4 (in Russ.).

Lektorsky, V. A. (2015), "Relativism, pluralism and dialogue", in Lektorsky, V. A. (ed.), *Relyativizm kak bolezn sovremennoy filosofii* [Relativism as a disease of modern philosophy], Kanon +, Moscow, Russia, 5-32 (in Russ.).

Levin, G. D. (2012), "Relativism and relationism (on the history of the problem)", in Lektorsky, V. A. (ed.), *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskiy analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia, 40-61 (in Russ.).

Luboff, A. (2020), *Facing Relativism*, Springer International Publishing, Cham, Switzerland.

MacIntyre, A. (1985), "Relativism, Power and Philosophy", *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 59 (1), 5–22.

Mamchur, E. A. (2004), *Obiektivnost nauki i relyativizm. (K diskussiyam v sovremennoy epistemologii)* [Objectivity of Science and Relativism: (Towards Discussions in Modern Epistemology)], Publishing House of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2002), *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of knowledge. Polemical chapters], Progress-Traditsiia, Moscow, Russia (in Russ.).

Mikeshina, L. A. (2004), "Relativism as an epistemological problem", *Epistemology & Philosophy of Science*, 1 (1), 53-63 (in Russ.).

Meiland, J. W. (1979), "Is Protagorean Relativism Self-Refuting", *Grazer Philosophische Studien*, 9 (1), 51-68.

Meiland, J. W. (1980), "On the paradox of cognitive relativism", *Metaphilosophy*, 11 (2), 115-126.

Porus, V. N. (2002), *Ratsionalnost, Nauka, Kultura* [Rationality, Science, Culture], Publishing House of the University of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia (in Russ.).

Rorty, R. (1980), "Pragmatism, Relativism, and Irrationalism", *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 53 (6), 717-738.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Терёхин Евгений Леонидович, аспирант кафедры философии и методологии науки, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, д. 4, г. Минск, 220030, Беларусь; *centipede@yandex.by*

ABOUT THE AUTHOR:

Evgeny L. Terekhin, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus; *centipede@yandex.by*

УДК 322; 316.7 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-3**

Куделич Г. П.

Теория М. Гоше о *выходе из религиозного*: вариант прочтения секулярной трансформации общества

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, д. 4,
г. Минск, 220030, Республика Беларусь; *kudelich@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения концепции французского историка и философа М. Гоше применительно к специфике процесса секуляризации в западноевропейском обществе. Обозначены ключевые положения теории, согласно которой развитие и социально-политические проблемы внутри современных демократических обществ являются следствием процесса, определенного ученым как выход из религиозного. Отправной точкой для последнего послужило образование государственности, повлекшее за собой оформление представления как об истории, так и о трансцендентном Боге. Формирование системы взаимодействия с божественным определило иерархическую структуру общества. Рассмотрены в деталях динамические процессы в аксиологическом основании культур Запада, которые через становление правовой системы и развитие рыночного взаимодействия привели к утрате понятия верховенства коллективного блага и выраженной ориентации на интересы индивида. Проанализировано, как усугубление индивидуалистской доминанты в обществе ставит под угрозу единство социума, идущего тем самым к саморазрушению. Обращается особое внимание на прогностические выводы французского ученого о необходимости разработки новой теории истории, политического порядка и социальных связей для предотвращения конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: религия и общество; секуляризация; индивидуализм; либерализм; аксиологический фонд культуры; идентичность; Марсель Гоше

Для цитирования: Куделич Г. П. Теория М. Гоше о *выходе из религиозного*: вариант прочтения секулярной трансформации общества // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 27-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-3

H. P. Kudzelich

M. Gauchet's Theory of the *Exit from the Religious*: Another Reading of Secular Transformation of Society

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus; *kudelich@mail.ru*

Abstract. The article considers the main points of the French historian and philosopher M. Gauchet's conception as applied to the specificity of the process of secularization in West-European society. The key points of the theory are marked, according to which the development and sociopolitical problems within modern democratic societies are a consequence of the process defined by the scientist as an exit from the religious sphere. The starting point for this process was the formation of statehood, which entailed the formalization of the idea of history and the idea of a transcendent God. It became the basis for the system of interaction with the divine and the hierarchical

structure of society. The author considers in detail the process of change in the axiological basis of Western cultures, which through the formation of the legal system and the development of market interaction came to the loss of the concept of the primacy of the collective good and a pronounced focus on individual interests. It is analyzed how the aggravation of individualistic dominance in the society threatens the unity of the society, thereby going to self-destruction. The author notes the prognostic conclusions of the French scientist on the need to develop a new theory of history, political order and social relations to prevent conflict situations.

Keywords: religion and society; secularization; individualism; liberalism; axiological fund of culture; identity; Marcel Gauchet

For citation: Kudzelich H. P. (2023), "M. Gauchet's Theory of the *Exit from the Religious*: Another Reading of Secular Transformation of Society", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 27-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-3

Западная Европа уже не одно десятилетие живет или, по крайней мере, пытается жить по принципам демократии. Эти принципы стали ориентиром для развития современной культуры. Свобода личности и возможность осуществления ею своих прав остается той темой, которая на протяжении столетий не только воодушевляет интеллектуальные элиты, но и вызывает живой интерес широкой общественности. И если по поводу таких фундаментальных прав, как право на жизнь, труд, безопасность, в восприятии людей существует определенный консенсус, то свобода вероисповедания постоянно становится предметом жарких дискуссий.

Особой остротой эта тема обладает в современной Франции, где внешне подчеркнутая религиозность мусульманского населения проблематизировала вопрос о светском характере публичного пространства. Светскость (по-фр. "Laïcité") воспринимается как принцип общественного уклада, который неразрывно связан с идеей республики. Наряду с главными ценностями Французской Республики – Свободой, Равенством, Братством – светскость воспринимается как составная часть аксиологической базы французской государственности, условие ее осуществления.

Общественно-политическая ситуация во Франции, сложившаяся в ходе взаимодействия с мусульманским миром и отмеченная многими кризисами этого соседства, привлекала и продолжает привлекать внимание русскоязычных ученых. Наибольшую заинтересованность у исследователей вызывают проблематика исламизма и радикализации (А.И. Шумилин, В.Н. Чернега, К.Б. Демидов), внешней и внутренней политики Франции (Е.А. Осипов, Д.В. Шмелев), вопросы социализации мусульман и институализации ислама (Е.Б. Деминцева, Б.В. Долгов, А.В. Гордон, И.С. Новоженова), национально-культурной идентичности и соседства разных культур (Е.И. Филиппова, М.К. Любарт). Все упомянутые ученые отмечают значимость религиозного фактора, под которым, главным образом, понимается ислам, для многообразия наблюдаемых процессов как внутри страны, так и за ее пределами.

Вследствие множества геополитических и глобальных процессов на планете Франция стала той территорией, на которой сошлись разные по своим ценностным основаниям культуры. Христианская в корне, но секуляризованная культура западноевропейского общества открыла внутри своего социума культуру истово верующих мусульман, основой идентичности для которых выступает ислам. Манифестация мусульманами своей религиозности, геттоизация иммигрантского населения, распространение ра-

дикальных идей исламизма – все эти социальные процессы поставили под вопрос единство французского общества, что отчетливо отражают политические процессы в стране (Куделич, 2023: 50-59). На наш взгляд, для полноты охвата исследовательского поля – социокультурной динамики в секулярном западноевропейском обществе – необходимо учитывать и тот исторический путь, который сформировал современную европейскую культуру с присущим ей набором ценностей. Поэтому мы считаем необходимым обратиться к вопросу о значимости религии в определении культурных процессов в более широком контексте развития социума в его взаимоотношении с религией.

Эта тема является главенствующей для трактовки секуляризации. Секуляризация, понимаемая как постепенное и неизбежное исчезновение сферы религиозного как из жизни социума, так и отдельно взятого человека, сошла с повестки как ошибочная концепция. Так, П. Бергер, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Т. Лукман, Ч. Тейлор, Х. Казанова, Н. Луман –предложили каждый свое видение логики развития и метаморфоз общества в его взаимодействии со сферой религиозного. Этот список можно было бы дополнить еще многими именами, которые указаны в подробном анализе теорий секуляризации, представленном на русском языке в работах Ю.Ю. Синелиной (Памяти Юлии Юрьевны Синелиной…, 2014) и Д.А. Узланера (Узланер, 2020). Однако, при всей скрупулезности и масштабности предпринятых исследований, в них отсутствует упоминание трудов Марселя Гоше – знаковой фигуры для интеллектуальной элиты Франции. Несмотря на то что М. Гоше издал весьма значительное количество собственных монографий и книг в соавторстве, его интеллектуальное наследие практически не известно вне границ франкоязычного мира. Во многом это объяснимо сложным хитросплетением мысли автора, затрагивающей предельно широкое предметное поле, будь то религия, политика, демократия, искусство, государство и пр., и его особым стилем изложения, линейным по форме, но по содержанию предлагающим своего рода перекрестки смыслов, в которых уточнения, иллюстрации, ассоциации, наслаиваясь друг на друга, добавляют нюансы к обозначенному тезису.

В рамках данной работы мы рассмотрим основные положения теории М. Гоше. В свете происходящих в начале XXI в. событий как на международной арене, так и внутри государств, концепция французского мыслителя особенно интересна. М. Гоше, историк и философ, уже на протяжении более чем пяти десятилетий поднимает вопрос о неоднозначном характере демократической линии развития общества, находящегося на пике обострения всех своих внутренних противоречий. В том, чтобы критиковать демократию, нет ничего нового, этим заняты и противники, и поборники демократии. Позиция М. Гоше любопытна тем, что, считая демократию наивысшей ступенью политического развития человечества, он отмечает те издержки демократии, которые объясняют ее дисфункцию на современном этапе.

Что делает теорию ученого актуальной для культурологических штудий, так это тот факт, что в его теории история Франции, в том числе политическая, выступает как иллюстрация и, более того, как результат тех изменений, которые происходили в мировоззренческом поле западноевропейского общества. Если приложить к теории М. Гоше терминологию А.Я. Флиера, рассматривавшего механизмы социокультурной динамики, можно сказать, что концепция М. Гоше раскрывает «перемену приоритетов в выборе технологий социального регулирования общественного Бытия» (Флиер, 2014: 141). Корнем этих ценностных эволюций, аналитиком и в некоторых случаях свидетелем которых был французский ученый, как раз выступает процесс секуляризации. Для отражения специфики этого процесса, как он его понимает, М. Гоше предлагает использовать термин «выход из религиозного» (Gauchet, 1998: 9).

Концепцию М. Гоше можно определить как «трансцендентную антропосоциологию», считает О. Бобино (Bobineau, 2010:

10). По его мнению, в этом термине «заключен его амбициозный проект – рассмотреть то, что в теоретическом вопрошании представляет собой человечество, в его артикуляции к изучению социума с целью выявления условий для осуществления человека в истории» (Bobineau, 2010: 10).

По убеждению М. Гоше, общество остро нуждается в религии, поскольку она являет уникальный способ выстраивания отношения человека и социума, обеспечивающий принятие сторонами их совместного существования (Gauchet, 2002: 31). Современная история, считает ученый, богата событиями, иллюстрирующими вновь актуализированную проблематику конституирующей роли религии для социума: это и возвращение ислама, и самоопределение угнетаемых народов через религию. М. Гоше уверен, что, «как в свое время осмысление экономических законов, начиная от Адама Смита до Карла Маркса, определило рефлексию общества, так и религия становится главной темой, темой-переворотом, исследование которой приведет в будущем к появлению новых теорий истории, политического порядка и социальных связей» (Gauchet, 2002: 31).

Ключевым произведением, в котором изложены основные положения концепции М. Гоше, считается монография «Расколдовывание мира» (1985). Но не в меньшей степени базовые положения теории ученого артикулированы в его последующих работах, таких как «Религия в демократическом обществе» (1998), серии эссе, объединенных общим названием «Демократия против себя самой» (2002), и построенной в форме интервью книги «В чем беда французов» (2016). Эти произведения были отобраны для аналитической реконструкции концепции М. Гоше применительно к ценностной эволюции западноевропейского общества.

Необходимо сделать несколько терминологических уточнений. Религия понимается М. Гоше как то, что устраняет разрыв между мирами, видимым и невидимым. Исконная религия – та, что направлена против истории, тотальна, ее функция – противодействовать изменению и разделению в коллективе. Главной чертой истинной религии, по М. Гоше, является ее тотальность, гетерономия мира, включающего видимое и невидимое, священное и профанное. В этом моменте его взгляды предельно близки концепции К. Леви-Стросса, о чем сам М. Гоше неоднократно высказывался.

На определенном этапе первобытные религии пережили сущностный переворот, который предопределил ход дальнейшего развития человечества: «выход из религиозного» (Gauchet, 1998: 9). Этот выход означал обретение истории (Gauchet, 1996: 35). И начало было положено с образованием государственности, в III-м тыс. до н. э. «Общими словами можно сказать, что с появлением Государства начинается период взаимодействия религии и общества, вместо древней сопряженности друг с другом» (Gauchet, 2002: 45). Этот процесс свершился не одномоментно, а шел постепенно на протяжении веков. Он, считает ученый, приходит к своему завершению на современном этапе, образовав новый тип социальной реальности.

Более того, «именно с возникновением государства появляется Другой в религиозном смысле» (Gauchet, 1996: 36). Идея совершенного Бога, Бога трансцендентного, оформившаяся в монотеистических религиях, считает М. Гоше, стала фундаментом и обоснованием «независимости людей, лично имеющих моральные обязательства перед Всевышним, но коллективно считающихся создателями связей в обществе и его правил» (Gauchet, 2002: 46). Корнем такого положения вещей, утверждает мыслитель, выступила идея «онтологического дуализма» (Gauchet, 2002: 51), заменившая представление о безличном Едином, соединяющем природное и сверхъестественное, на концепцию Единого Личного Бога, дистанцированного от мира.

Формирование государственности предполагает также разделение на властвующих и на подчиненных, это основа иерархического устройства общества. Так, верховный правитель должен был являть собой

связь с божественным, стать точкой схождения видимого и невидимого, аналогично с храмом или святилищем. Но именно это обстоятельство, подчеркивает исследователь, создало ядро для последующей автономии государственного правителя и профессионалов культа (Gauchet, 2002: 55), разделения на две сферы ответственности – закон потусторонний и закон посюсторонний. Любопытно замечание ученого о том, что в христианстве, его западной (римской) и восточной (византийской) традиции, сложились разнонаправленные модели взаимодействия политической и церковной власти, оспаривающие верховенство в этом дуэте.

В ходе истории государственная власть переориентировалась на отстаивание своих интересов, реализацию *своего* плана на будущее *своего* народа, создавая законы для людей по эту сторону реальности для результата посюстороннего. «Подобно тому, как Церковь взяла на себя заботу о личном пути человека к завершению времен, государство сакрализует социум для земных свершений» (Gauchet, 2002: 62). Таким образом, *выход из религиозного* обусловил формирование в обществе сферы политического. По М. Гоше, общество, осознающее свою историчность, с постепенным высвобождением от гегемонии религиозных смыслов – цель жизни внеположна этому бытию, – обратилось к созданию общественных смыслов через проект будущего. Это закономерный итог осознания человечеством себя как творца истории, следовательно, творца будущего. На смену религиозным верованиям (это не означает их исчезновения из общества), вернее, скорее вдобавок к ним, формируется политическая вера. Она презентует себя как политическая идеология, эксплицирующая и аргументирующая тот выбор, который реализуется на данный момент в перспективе лучшего будущего для всего социума. «Идеология становится дискурсом общества о себе самом, чья задача состоит в том, чтобы одновременно объяснить историю, обосновать свою политическую стратегию и дать определение будущего» (Gauchet, 2002: 96).

Но, отмечает М. Гоше, «эра идеологий совпадает с концом единства умонастроений», это «всегда конкуренция нескольких идеологий» (Gauchet, 2002: 98). Плюс ко всему, со все более нарастающей институционализацией религии, ее централизацией, укрепляется идея о пропасти между Царством Божьим и миром людей. Невозможность выразить и представить божественное влечет за собой интериоризацию, смещение общения с Богом в сферу интимного. Потому, заключает М. Гоше, «одновременно с появлением класса священнослужителей возникают основания для их будущей дисквалификации в пользу исключительно личного общения с богами» (Gauchet, 2002: 58).

Так, уступив первенство в устроении общественного поля политике, религия переосмыслила себя, считает ученый, как индивидуальная вера, она стала восприниматься как одна из дополнительных опций к личности индивида. Но такой плюрализм убеждений обернулся движением сопротивления. Парадокс, как подчеркивает М. Гоше, в том, что анти-модерновый экстремизм вопреки своему замыслу сам является модерновым, поскольку действует в общественном поле по сложившимся правилам игры – создавая религиозно маркированные общественные объединения, «преобразуя конфессиональную идентичность в политическую силу внутри плюралистичного общества» (Gauchet, 2002: 101).

Но эта сила формируется не иначе, как через собрание избирателей, индивидуально выразивших свое мнение. Вывод, к которому приходит М. Гоше, несколько неожиданный: «Вера не говорит сама по себе ничего о социальной и политической организации общества» в силу того, что «связь между религиозными верованиями и социальным порядком распалась» (Gauchet, 2002: 102). В сознании людей укрепилось разделение компетенций, сфера божественного не смешивается с тривиальными заботами людей по выстраиванию своего общежития. «Мы

наблюдаем не исчезновение религиозных верований, но утрату религией ее исконной функции по учреждению человеческой общности» (Gauchet, 2002: 102). В свою очередь, католическая церковь во Франции полностью восприняла принцип светскости, утвержденный государством. Она больше не претендует на менторство в политической сфере. М. Гоше даже считает уместным определять эту ситуацию следующим образом: «Католическая церковь была абсорбирована демократией» (Gauchet, 2016: 133).

Рассматривая взаимодействие религии и государства в логическом развитии двух указанных линий в исторической канве, М. Гоше выделяет несколько поворотных моментов, определивших развитие общества на последующих ступенях истории человечества. Важными вехами, заложившими фундамент для положения вещей на сегодняшний день, был XVI век – период религиозных войн, для урегулирования которых власть добилась верховенства над религией, – и времена Французской революции, задавшей импульс для становления теории естественного права, юридической системы современности.

Оформление системы права, осознание его народными массами породило множество теорий и движений для определения программ построения нового общества. Но на этапе революций, каковым был весь XX век, главным мотивом активности масс была солидарность в желании обеспечить суверенитет народа. В то время как после культурных революций, к которым можно отнести этапы индустриализации, общественный интерес смещается от участия граждан во власти «на защиту индивидуальных свобод перед властью» (Gauchet, 2002: 97). Так демократические общества «постепенно стали все меньше интересоваться механизмами осуществления власти большинства и все больше способами защиты меньшинства» (Gauchet, 2002: 96).

Кроме того, к числу факторов такого сущностного поворота, считает М. Гоше, относится возникновение нового типа общественных связей, основанных на техническом прогрессе и идеях либерализма (Gauchet, 2002: 246). После стабилизации политических режимов по прошествии двух мировых войн и формирования социального государства (Etat-providence), взявшего на себя защиту индивидуальных свобод и ответственность за созидание общественных связей, произошла глубинная трансформация восприятия себя среди себе подобных. Человек, ощутивший свои права в созданной социальным государством безопасной среде, парадоксально стал искать способ уклониться от внешнего регулирования какой бы то ни было социальной системы, претендуя на самоопределение. Эта была та благоприятная почва, которая очень легко восприняла систему отношений между людьми как договорную, определяющую интересы сторон, а не некое, ставшее эфемерным, общественное благо.

Индивидуализм пришел к наивысшей степени своего логического развития, которое можно рассмотреть по нескольким основаниям. Во-первых, в метафизическом ключе: логическое движение *от общего к частному* уступило место в индивидуальном измерении вектору *от частного к общему* (Gauchet, 2002: 236). Во-вторых, в политическом плане: права индивида рассматриваются как «подраздел истории политической экономии» (Gauchet, 2002: 236). В-третьих, в социальном: традиционные формы принадлежности подверглись коррозии под двойным натиском развития гражданственности и рынка.

Последствия этого своего рода антропологического поворота, считает М. Гоше, имеют глубинное воздействие на *идентичность* (Gauchet, 2002: 237), поскольку в сложившейся ситуации человек неизбежно снова вынужден задаваться вопросами о себе самом. На современном этапе смысловые символические системы находятся в ситуации конкуренции, что порождает напряжение – атрибут любой нестабильной, подвижной ситуации. Институт семьи, чьей функцией на протяжении столетий была передача последующим поколениям системы

норм и правил, одобряемых обществом, утратил свою общественно значимую роль и сместился в сферу приватности индивида. Пока семья, транслирующая традиционные ценности, противостояла императиву постоянного изменения, движения в общественном развитии, социум функционировал в режиме двоевластия: традиции, сформированной христианской моралью, представлением об Абсолюте – и рыночной модели отношений, учитывающей расходы и доходы. С «деинституционализацией семьи» (Gauchet, 2002: 238-239), завершившейся на современном этапе, считает автор, состоялся окончательный «культурный триумф рыночной модели в нашем обществе» (Gauchet, 2002: 246). Поворот к рынку случился не после Второй мировой войны, когда благодаря внешнему финансированию Франция ощутила блага растущей экономики, а в 80-х годах прошлого века, ознаменованных таким явлением, как глобализация. Открытый рынок был воспринят с энтузиазмом на волне бунта человека против вертикали власти, высоких авторитетов и планирования. Таким образом, идеи либерализма, попавшие на секуляризованную почву европейских стран, лишенных охранительной религиозной матрицы, как это имеет место быть в США, считает ученый, сделали из Европы «лабораторию неолиберализма par excellence» (Gauchet, 2016: 204).

Современная история, по мнению ученого, демонстрирует победу экономической сообразности во всех сферах, что ведет к индивидуализации, отстранению человека от демократических механизмов управлением общества и, как следствие, к стерильности политических инициатив. Современный человек опирается в своих действиях на свои интересы, ему чужда идея коллективного блага. Совокупно технический прогресс и обусловленный им экономический подъем, рост благосостояния и модификация института семьи трансформировали форму сосуществования людей. «Возможности технических средств буквально создали новое пространство для взаимодействия между людьми. Они создали, с одной стороны, мир невероятно солидарный, но при этом радикально децентрализованный. Они связывают, но при этом разделяют. Они индивидуализируют в том же процессе, в котором универсализуют» (Gauchet, 1998: 92). И еще: «Линия общественного развития идет в сторону рассеивания и утверждения идентичностей, как на индивидуальном, так и на уровне объединений, она стремится множить там, где раньше стремились концентрировать; она заменяет старые иерархии по вертикали горизонтальными сетями; она принципиально создает условия игры для обновления инициатив и участников, делая тем самым результат непредсказуемым там, где ранее планировали ее течение и ограничивали для снижения неопределенности» (Gauchet, 1998: 93). Глобальный вызов современности, проистекающий из сложившейся ситуации, актуальный на протяжении последнего тысячелетия, считает М. Гоше, таков: «Как обеспечить социальное единство – единое коллективное – иным способом, чем тем, который использовала религия» (Gauchet, 2002: 104).

Новая социокультурная реальность, по мнению М. Гоше, дает основание говорить о своего рода «демократической антропологии», поскольку именно ей обязаны своим возникновением новые формы существования человечества (Gauchet, 2002: XIX). Самосознание человека претерпело серьезные изменения. То, что означало *быть собой*, наполнилось новым содержанием.

В период господства идеи всеобщего блага «быть собой означало освободиться от своих особенностей и раскрыть универсальное в себе» (Gauchet, 1998: 122). Проявление своей гражданской позиции, способность действовать во имя правил, единых для всех, как раз и считалось ярким проявлением автономии личности. «Истинное Я это то Я, которое завоевывается в себе вопреки всем связям, которые дробят человека, вопреки изначальным условиям, которые приписывают его к определенному месту и времени» (Gauchet, 1998: 122), в конечном итоге, вопреки всему, что детерминирует человека. Быть частью чего-то большего, сделать свой

моральный выбор, быть приверженцем универсальных ценностей – такова ушедшая схема построения личности.

Вопреки этому, Я современного человека – антипод такой модели идентичности. На смену индивидуализму, выражавшемся в «*персонализации через принадлежность*» посредством выбора, будь то политической партии, либо типа брака, пришел «индивидуализм *отстранения и невмешательства*, когда запрос на аутентичность становится антагонистом включению в коллектив» (Gauchet, 2002: 245). М. Гоше замечает, что примером такого разъединения с социумом, демонстрирующим крайнюю степень отстранения вплоть до обезличивания, являются сектантские объединения. Это парадоксальное единство потребности единения с другими и одновременно с этим отторжения общества.

Современный человек в большинстве своем не обеспокоен темой единства общества, эта миссия возложена на государство. Более того, для него когнитивно и символически категория всеобщего, осмысление себя как части превосходящего общего, одного среди многих, не является отправной точкой для рефлексии. Утверждение своего *Я* — это, прежде всего, утверждение своего частного, того, что значимо для *меня* (Gauchet, 2002: 254). Но именно субъективность выбора своих ценностей и идеалов – основа представлений о человечности, красоте, женственности и т. д. – оборачивается «де-идеализацией и де-идентификацией» (Gauchet, 2002: 258). Зыбкость и текучесть ценностной позиции порождает не только проблему идентичности, чувство одиночества, но страх перед *другими* (Gauchet, 2002: 259-260). По этой причине акцент на своих особенностях, отличительных чертах позволяет наладить контакт с другими. Индивидуальные различия служат реперными точками, системой координат, чтобы построить диалог. Они же, как следствие, определяют ваше положение в обществе. «Присвоение заданных коллективных характеристик становится вектором индивидуальной сингуляризации» (Gauchet, 1998: 125). Таким образом, современное общество, организующееся на различиях, пронизано противоречиями, поскольку коллективные атрибуты и субъективные предпочтения могут конфронтировать друг с другом. Но именно это является лучшей иллюстрацией плюралистичного общества.

При этом внешняя фанатичная приверженность своей общности, считает М. Гоше, лишь подчеркивает глубинное принятие отказа от универсальности: «Моя община тем более моя для меня, если я принимаю тот факт, что она лишь одна из многих в обществе» (Gauchet, 1998: 132). Отсюда же, особенно в случае с религиозной идентичностью, произрастает желание признания в общественном поле, как и запрос на равные права. Но политическая сила, вынужденная легитимировать цели, которые отстаивает, «не может предъявить себя в качестве ответа на вопрос о смысле существования на коллективном уровне» (Gauchet, 1998: 142), того смысла, который бы объединил общество, идеи единства мира и человека. Потому власть вынуждена вновь принять актуальность религиозного измерения общества, заручаться поддержкой моральных авторитетов, оставаясь при этом максимально нейтральной и подчеркивая их различия.

В индивидуализированном обществе человеку предоставлен выбор своей системы морали, исходя из которой он будет выстраивать свое существование. Так символические системы, будь то этические концепты или религиозная доктрина, попадают в ситуацию конкуренции. Таким образом, считает М. Гоше, тот импульс, который получило развитие общества через *выход из религиозного*, в современной истории доходит до своего предела – крайней индивидуализации. Автономия, которой наделен сегодняшний субъект, – это и потенциально новая реконструкция мира, и угроза всякому миру. Эпоха *идентичностей* не столько выход или решение, сколько «проблема, проблема, набирающая остроту» (Gauchet, 1998: 58).

Одним из последствий замыкания человека на себе М. Гоше считает социальный пессимизм в обществе. Народ чувствует себя разобщенным с правящей демократической верхушкой, не верит в ее способность транслировать интересы большинства. Вдобавок, отсутствие некоего проекта будущего для общества в целом ставит под сомнение необходимость обеспечивать единство того самого общества. «Эпоха республики, объединяющей граждан, закончилась, вызов современности – объединить индивидуальности, а это задача иного порядка» (Gauchet, 2016: 128).

У М. Гоше в этой связи есть свое видение того, что могла бы явить Франция миру, пронизанному энергиями расходящихся полей. Ее особая миссия в том, чтобы мобилизовать вновь свою интеллектуальную элиту, как это было в ее истории, чтобы осмыслить происходящее. А именно: «Идея общества, которое может функционировать само по себе, благодаря рынку, избавляя нас от рефлексии на эту тему, показывает себя тем, чем и является: саморазрушающейся химерой» (Gauchet, 2016: 223). Кризис, который затрагивает практически все европейские страны, по мнению М. Гоше, вызван тем, что «Европа, которая изобрела историю и политику, сама стала континентом пост-историческим и пост-политическим» (Gauchet, 2016: 204).

Поэтому должен быть коллективный консенсус о судьбе общества, его цели. А прийти к нему можно, лишь погрузившись в культурный багаж истории, пронизанной особым способом акцентуации духовной культуры нации. Это и есть особый путь французского общества, своего рода его утраченная миссия. На сегодняшний момент при триумфе индивидуалистской модели построения общественных связей оказалась утеряна самая специфика французской культуры: «Все, что на глубинном уровне объединяло католиков и сторонников светскости, так это идея о том, что, разумеется, необходимо жить в условиях современных экономических отношений, но при этом деньги не должны занять главенствующей роли, потому что есть соображения более высокого порядка, начиная с верховенства интереса коллектива» (Gauchet, 1996: 10).

Заключение

Концепция М. Гоше обладает очевидным эвристическим потенциалом применительно к развитию теории постсекуляризма, преодолевающей ограничения концепции секуляризации. Прежде всего, мыслитель делает акцент не на противостоянии двух областей – светской и сакральной, власти политической и власти религиозной, а на истоках и способах разделения сфер компетенции, сформировавшихся в ходе исторического пути западных христианских обществ.

Выход из религиозного, начавшийся с образования государственности, положил начало историческому мышлению, идее движения к некой цели. Идея трансцендентного Бога определила устроение социума на пути к намеченной религией цели – спасению. Но именно логическое развитие этой идеи, включая и другие положения из христианской догматики, стало основанием для, с одной стороны, разделения ответственности в устроении миров по эту сторону и по ту в виде образования политической власти и институциональной религии. А с другой стороны, положило фундамент для теории естественного права.

На основе анализа исторического материала ученый демонстрирует, что главенствующей целью обеих сфер является обеспечение существования человеческого общежития. При этом именно социальное единство, считает М. Гоше, на данном этапе развития демократических обществ, оказалось крайне проблематизировано. А все потому, М. Гоше это особо подчеркивает, что борьба широких народных масс за право на суверенность, будучи на определенном этапе выражением индивидуальной позиции человека, обернулась со временем замкнутостью индивида на своих личных интересах и их защите.

Теория французского ученого обладает определенным прогностическим потенциа-

лом. На исходе XX в. он предрекал, что в ситуации отсутствия четкого ценностно-смыслового ориентира автономия субъекта в определении своих жизненно важных целей в управляемой рыночной логикой среде грозит обернуться распадом больших социальных единств на текучие и нестабильные объединения, что порождает конкуренцию всех со всеми. При этом религиозность, пусть и заключенная в приватную сферу, не утратила своей значимости, а напротив, становясь одним из ключевых компонентов идентичности, снова являет себя в общественном поле. Акцент и отстаивание своих различий в обществе, созданном на принципе репрезентации, должны выступать условием для осуществления диалога, контакта с другими, но в действительности наделяют социум центробежными силами.

В такой ситуации общество, настаивает М. Гоше, остро нуждается в пересмотре своей теории истории, политической власти и природы социальных связей. По его мнению, обращение к собственному культурному багажу является способом обретения утраченного коллективного смысла, способного остановить саморазрушительную линию развития современных европейских демократий.

Литература

Куделич, Г.П. Ислам и проблематика культурной идентичности в современном обществе (на примере Франции) // Человек в социокультурном измерении. 2023. № 1. С. 50-59.

Памяти Юлии Юрьевны Синелиной. Научные труды, воспоминания / ред.-сост.: Карепова, С.Г., Кублицкая, Е.А. М.: ИСПИ РАН, 2014. 592 с.

Узланер, Д.А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.

Флиер, А.Я. Избранные работы по теории культуры / Науч. ассоц. исследователей культуры, Науч. об-ние "Высш. шк. культурологии". М.: Артём: Изд-во «Согласие», 2014. 560 с.

Bobineau O. Le religieux et le politique: Suivi de Douze réponses de Marcel Gauchet. Paris: Éditions Desclée de Brouwer, 2010. 63 p.

Gauchet, M. Comprendre le malheur français. Editions Stock, 2016. 227 p.

Gauchet, M. La démocratie contre elle-même. Editions Gallimard, 2002. 398 p.

Gauchet, M. La religion dans la démocratie. Editions Gallimard, 1998. 193 p.

Gauchet, M. Le désenchantement du monde. Editions Gallimard, 1996. 191 p.

References

Bobineau, O. (2010), *Le religieux et le politique: Suivi de Douze réponses de Marcel Gauchet* [Religion and Politics: Followed by Marcel Gauchet's Twelve Responses], Éditions Desclée de Brouwer, Paris, France (in French).

Flier, A. Ja. (2014), *Izbrannye raboty po teorii kul'tury* [Selected works on cultural theory], Publisher “Soglasie” Moscow, Artiom, Russia (in Russ.).

Gauchet, M. (1996), *Le désenchantement du monde* [The disenchantment of the world], Editions Gallimard, France (in French).

Gauchet, M. (1998), *La religion dans la démocratie* [Religion in democracy], Editions Gallimard, France (in French).

Gauchet, M. (2002), *La démocratie contre elle-même* [Democracy Against Itself], Editions Gallimard, France (in French).

Gauchet, M. (2016), *Comprendre le malheur français* [Understand the French misfortune], Editions Stock, France (in French).

Karepova, S. G. and Kublitskaya, E. A. (ed. & comp) (2014), *Pamyati Yulii Yurievny Sinelinoy. Nauchnye trudy, vospominaniya* [In memory of Yulia Yurievna Sinelina. Scientific works, memoris], Publishing House of the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).

Kudzelich, H. P. (2023), “Islam and the problems of cultural identity in modern society (on the example of France)”, *Human in the socio-cul-tural dimension*, 1, 50-59 (in Russ.).

Uzlaner, D. A. (2020), *Postsekulyarny povorot. Kak myslit o religii v XXI veke* [The Post-Secular Turn. How to Think About Religion in 21th Century], Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Куделич Галина Петровна, старший преподаватель, факультет международных отношений, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, д. 4, г. Минск, 220030, Республика Беларусь; *kudelich@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-4593-5945

ABOUT THE AUTHOR:

Halina P. Kudzelich, Senior Lecturer, Faculty of International Relations, Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Belarus; *kudelich@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-4593-5945

УДК 091 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-4**

Тинус Н. Н. **В. Ф. Асмус и критика фашистской интерпретации Гегеля***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация; *tiinusnn@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена советскому философу Валентину Фердинандовичу Асмусу (1894–1975) и его критике фашистской (в том числе нацистской) апроприации философии Гегеля. Вопрос о статусе гегелевского наследия был одним из самых острых в марксистко-ленинской теории на протяжении всего сталинского периода. В отличие от многих других советских авторов этой эпохи, Асмус не признавал, что за идеями немецкого фашизма стоит хоть сколько-нибудь серьезная интеллектуальная традиция. В частности, Асмус подверг мощной критике попытки представить Гегеля в качестве профашистского мыслителя. Но если для многих системных советских философов было важно отстоять только метод – диалектику, то Асмус защищает и социально-правовые взгляды Гегеля как гуманистические и либеральные. В первой части статьи описывается контекст советской «официальной философии», в котором приходилось работать Асмусу. Во второй части предлагается содержательный анализ критики фашистской интерпретации Гегеля в памфлете Асмуса «Фашистская фальсификация классической немецкой философии» (1942).

Ключевые слова: советская философия; Г. Гегель; В.Ф. Асмус; марксизм-ленинизм; гегельянство; фашистская идеология

Для цитирования: Тинус Н. Н. В. Ф. Асмус и критика фашистской интерпретации Гегеля // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 38-49. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-4

N. N. Tinus **V. F. Asmus and criticism of the fascist interpretation of Hegel***

Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; *tiinusnn@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the Soviet philosopher Valentin F. Asmus (1894–1975) and his criticism of the fascist (including Nazi) appropriation of Hegel's thought. The question of the interpretation of the Hegelian heritage was one of the main ones in the Marxist-Leninist theory in the Stalin era. Unlike many other Soviet authors of this era, Asmus did not acknowledge that German fascism was associated with any great intellectual tradition. In particular, Asmus strongly criticized attempts to interpret

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог» (https://rscf.ru/project/19-18-00100/).

* The research has been performed within the project supported by the Russian Science Foundation No 19-18-00100 *"Domestic Philosophy of the 19th-21st Centuries in the Intellectual Space of the West: Criticism, Reception, Dialogue"* (https://rscf.ru/project/19-18-00100/).

Hegel as a pro-fascist thinker. Many Soviet philosophers tried to defend only the method – dialectics, but Asmus defends both Hegel's social and political views as humanistic and liberal. The first part of the article describes the context of the Soviet "official philosophy" in which Asmus worked. The second part contains an analysis of the criticism of the fascist interpretation of Hegel in Asmus' essay "The Fascist Falsification of Classical German Philosophy" (1942).

Keywords: Soviet philosophy; G. Hegel; V. F. Asmus; Marxism-Leninism; Hegelianism; fascist ideology

For citation: Tinus N. N. (2023), “V. F. Asmus and criticism of the fascist interpreta-tion of Hegel”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 38-49, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-4

Введение

Фигура Г. Гегеля всегда составляла объект особого внимания со стороны советской философии – материалистически и критически переработанный Гегель был одним из главнейших источников марксизма-ленинизма. Еще большее значение гегелевская мысль приобрела с началом идеологического, а потом и военного противостояния СССР и нацистской Германии. В конце 1920-х – в 1930-е годы в советской научной среде шел процесс формирования жесткого идеологического канона и регулярно проходили дебаты о месте Гегеля в нем, тогда как на западе Европы развивалось неогегельянство, в том числе его правые профашистские версии. С началом Второй мировой войны вопрос о статусе Гегеля стал принципиальным. В этой связи можно вспомнить расхожее замечание, приписываемое Э. Карру, согласно которому «под Сталинградом сошлись в смертельной схватке две школы гегелевской философии» (Перов, Сергеев, 1993: 7) или суждение артиллериста Э. Ильенкова, который в конце войны у надгробия философа в Берлине поблагодарил его за то, что левое гегельянство оказалось надежнее (Цветков, 2016: 6). В период войны вся мощь институциональной философии была направлена на борьбу с германской идеологией: стояла необходимость доказать преимущество марксистских основ советского строя перед теоретическим фундаментом гитлеровской Германии. Это ставило перед философами в том числе задачу по разоблачению притязаний нацистов на гегелевское наследие. Валентин Асмус (1894–1975), выдающийся историк философии и один из самых крупных советских исследователей немецкого идеализма, также был вовлечен в эту работу.

В этой статье я сосредоточусь на том, как Асмус описывал философскую базу гитлеризма и критиковал попытки некоторых ее составителей апроприировать гегелевское учение. В отличие от других советских авторов той эпохи, Асмус стремился доказать, что толкование Гегеля в фашистской манере не просто опирается на наиболее реакционные элементы его философии, но и нелегитимно в целом, поскольку основано на существенных манипуляциях и искажениях. Точка зрения Асмуса отличалась от прямолинейных высказываний некоторых его коллег. Если мейнстрим заключался в том, чтобы защитить диалектический метод, отбросив все остальное как идеалистический и реакционный хлам, то Асмус, как мы увидим, стремился отстоять как можно полнее наследие Гегеля. В первой части статьи я постараюсь кратко осветить интеллектуальный и политический контекст, в котором приходилось действовать Асмусу. Во второй части будет предложен содержательный анализ критики нацистской апроприации Гегеля Асмусом, выраженной, главным образом, в его памфлете «Фашистская фальсификация классической немецкой философии» (1942).

Сразу следует оговориться, что обсуждение идей советских (тем более фашистских) мыслителей не означает их легитимации в какой бы то ни было форме – речь идет об эпохе, в которой философия сливалась воедино с пропагандой, порой крайне циничным образом. Задача состоит в том, чтобы представить более-менее достоверное описание обозначенного сюжета, не углубляясь в детали идеолого-политических перипетий и мотиваций, для чего понадобилось бы отдельное исследование.

Против фашизма: советский идеологический контекст

Итак, статус немецкого идеализма в рамках советской идеологической доктрины задолго до войны был одной из наиболее болезненных и дискутируемых тем. В особенности это касалось гегелевского наследия – одного из основных источников марксизма. Так, в двадцатые годы основная борьба разворачивалась между «диалектиками» (группа Деборина), отстаивающими универсальную значимость материалистически перевернутой гегелевской диалектики, и «механистами» (Аксельрод, Скворцов-Степанов и др.), продвигающих метод и обобщенные достижения естествознания в качестве фундамента марксистской науки. Это противостояние из научной довольно скоро перенеслось в политическую и идеологическую плоскость. В 1929 г. «механицизм» был осужден как вульгарный эволюционизм и позитивизм, препятствующий «проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания» (Деборин, 1929: 243). Итогом этого события можно считать окончательное закрепление диалектического материализма как основной теоретической догмы в советском официальном марксизме. Впрочем, как известно, триумф группы Деборина был недолгим – молодое поколение икапистов[1] (во главе с М. Митиным и П. Юдиным) при поддержке Сталина атаковало диалектиков, обвинив их в гегельянщине, «меньшинствующем идеализме» и т. п. Философия как самостоятельная область знания прекратила свое развитие на долгие два десятилетия, будучи помещенной под жесткий и всесторонний партийный контроль. При этом позиция в отношении гегелевского наследия оставалась двоякой. В сущности, речь о Гегеле велась в двух регистрах: с одной стороны, его философия была важной опорой марксизма-ленинизма, особенно когда речь шла о диалектике, с другой стороны – подвергалась критике как буржуазный идеализм. Впоследствии официальная оценка философии Гегеля была закреплена в печально известном «Кратком курсе истории ВКП(б)», где утверждалось использование ее «рационального зерна», очищенного от всей «идеалистической шелухи» (История всесоюзной…, 1938: 100).

Любопытно, что В. Виндельбанд, одна из важных фигур в становлении неогегельянства, в период «гегелевского ренессанса» использовал почти эту же известную формулу: «В этом смысле “возвращение к Гегелю” определенно является своего рода способом выздоровления, и его миссия будет исполнена, если оно освободится от причудливого облика и метафизических промахов старого гегельянства, если оно сможет отбросить скорлупу и сохранить ядро»[2] (Windelband, 1910: 7-8). Этот факт отмечал советский юрист М. Аржанов в своем сочинении «Гегельянство на службе немецкого фашизма». Вышедшее в 1933 г., оно было сфокусировано на критике европейских тенденций в восприятии Гегеля. Неогегельянская ревизия начинается с того, что у Виндельбанда ядром объявляется оптимизм, антииндивидуализм и монизм Гегеля, а скорлупой – диалектический метод

[1] Так называли выпускников Института красной профессуры (ИКП) – учебного заведения, созданного в 1921 г. для быстрой подготовки новой, идеологически надежной научной элиты.

[2] Здесь и далее цитаты из иноязычных источников приводятся в переводе автора. – *Н. Т.*

(Аржанов, 1933: 44). В этом смысле советский и европейский Гегель оказываются антиподами. Созданный в 1930 г. Гегелевский союз (Internationalen Hegel-Bund) Аржанов называет антимарксистским интернационалом, члены которого заняты разработкой наиболее реакционных, иррациональных и спекулятивных сторон гегелевской философии, зачастую в интересах расцветающего в Европе фашизма. Действительно, мы знаем, что многие правые неогегельянцы, от И. Ильина до Дж. Джентиле, поддерживали фашизм напрямую или, по крайней мере, выражали свои к нему симпатии. Более того, если советская догма определяет Гегеля как преодоленное наследие, то неогегельянцы, напротив, объявляя клич «назад к Гегелю», стремятся спрятаться в великом прошлом в предчувствии неизбежного краха империализма. «Лозунг “нааазаааад!!!” является одной из наиболее характерных черт идеологии умирающего капитализма» (Аржанов, 1933: 47). В советской печати 30-х годов господствовала точка зрения, согласно которой итальянский и немецкий фашизм есть последняя конвульсия империалистической стадии капитализма, а возврат к Гегелю со стороны правых гегельянцев – это попытка включить задний ход перед тем, как рухнуть в пропасть.

Вполне можно говорить о том, что в 30-е годы вырос целый жанр, в рамках которого сталинские авторы яростно критиковали фашистских теоретиков, и в том числе правых неогегельянцев. Например, в 1936 г. был выпущен сборник «Против фашистского мракобесия и демагогии», в котором разные авторы обличали фашистских интеллектуалов, а заодно и добрую половину западной философской традиции, в реакционности и вредоносном пустословии. За редким исключением они писали таким образом, используя одинаковые клише и специфический «марксистско-ленинский» стиль, что авторство того или иного текста опознать было почти невозможно. Так, например, Григорий Баммель, который через год после выхода сборника будет репрессирован и вскоре умрет в заключении, пишет о немецком неогегельянстве: «Фашистское отребье хватается за полы великого мыслителя, <…> подбирая реакционный хлам в философии Гегеля» (Баммель, 1936: 159-160). Если в отношении Гегеля следовали многочисленные оговорки, то в остальном под удар попадала почти вся немарксистская философия: Ницше, философия жизни; впрочем, даже бывшие товарищи Зиновьев с Троцким объявлялись фашистами.

Конечно, работы Асмуса ярко выделялись своей компетентностью на этом странном фоне. В отличие от подавляющего большинства научных работников получивший фундаментальное философское образование в Киевском университете еще в дореволюционные годы, он был одним из немногих, кто действительно обладал глубокой компетенцией в области зарубежной философии. Примкнув в 20-е годы к группе Деборина, впоследствии он вместе с остальными «диалектиками» был обвинен в гегельянщине и «меньшинствующем идеализме», однако избежал серьезных репрессий. Вместе с тем, на его работу «Маркс и буржуазный историзм» (1933), вышедшую к 50-летию смерти Маркса, был выпущен крайне негативный отзыв со стороны Митина (который занимал ключевую роль в разгроме группы Деборина и был на тот момент главной фигурой «официальной философии»). В последующие годы, как сообщает В. Соколов, Асмус снова оказался в опасности из-за короткого эпизода сотрудничества с Н. Бухариным, когда после разоблачения «правотроцкистского блока» искусствовед В. Кеменов назвал Асмуса в одной из статей «тенью Бухарина» (Соколов, 2010: 15). Асмус все время находился под угрозой, и что помогло ему избежать тяжелой судьбы многих других ученых в сталинскую эпоху – везение, дипломатичность или другие, менее приятные качества, сказать трудно.

Впрочем, можно утверждать наверняка: в отношении своей интеллектуальной

работы Асмус отличался особой принципиальностью. Хотя обстоятельства сталинской эпохи вынуждали его делать определенные ритуальные высказывания, он всегда старался проводить собственную линию мысли. Так, в работе «Маркс и буржуазный историзм» описывается традиция буржуазной рационалистической философии истории от Бэкона до Гегеля, которая была творчески переосмыслена Марксом. Эту традицию Асмус противопоставляет новым течениям (представленным, в первую очередь, Баденской школой и О. Шпенглером), склонным к алогическому и иррациональному толкованию сути исторического процесса (Асмус, 1971). Хотя Асмус и рассматривает эту иррациональную тенденцию в философии как теоретическое преддверие фашизма, он воздерживается от прямых обвинений в адрес ее выразителей. В. Ойттинен справедливо отмечает: «Асмус не представлял Шпенглера напрямую как фашистского идеолога так, как это делали более поздние писатели в период высокого сталинизма. По его словам, новая популярность Шпенглера в 1930-е годы была связана с кризисом мировой капиталистической экономики и капиталистической политической системы и служила поддержкой фашистским наклонностям немецкой буржуазии, что сделало книгу Шпенглера значимой в контексте 1930-х годов» (Oittinen, Viljanen, 2023: 195). Причина популярности Шпенглера в том, что он уловил настроения юнкерства, классовые интересы которого после Первой мировой войны совпали с интересами крупной немецкой буржуазии. Несмотря на то что «Закат Европы» был продуктом феодально-романтического мировоззрения автора, для быстро фашизирующихся юнкеров и буржуа эта книга послужила источником самооправдания и извращенного вдохновения в условиях развернувшегося кризиса.

Есть еще один характерный пример, показывающий, что Асмус не спешил развешивать ярлыки даже на самых, казалось бы, «враждебных» мыслителей. Ю. Синеокая, комментируя архивную лекцию о Фридрихе Ницше, прочитанную профессором в 1936 г., выделяет подход Асмуса на фоне официального советского антиницшеанства того периода (Синеокая, 2019: 27-29). Синеокая сообщает: в этой лекции Асмус утверждает, что учение Ницше фальсифицируется национал-социалистами так же, как и наследие других философов, таких как Фихте или Гегель. На самом деле Асмус полагал, что мысль Ницше атеистична и аполитична, к тому же отказывается признавать национальную ограниченность, шовинизм и антисемитизм (Синеокая, 2019: 28). Как видим, мозг философа отказывался упрощать отношения между крупными мыслителями и безумием национал-социалистской идеологии.

С началом Великой Отечественной войны, однако, места для полутонов не осталось, даже в философии нужно было решать, кто теперь союзник, а кто враг. Директор Института философии П.Ф. Юдин, чувствуя запрос со стороны партии, писал коллегам в эвакуации, что в существующих условиях надо с особым вниманием отнестись к немецкой буржуазной философии. Это означало, что нужно, с одной стороны, противопоставить великую философскую классику нацистской идеологии, а с другой – выявить в истории немецкой мысли и культуры корни гитлеризма (Корсаков, 2016: 165). Сотрудники Института выполняют задание руководства – они отстаивают высокий немецкий идеализм, назначая при этом протофашистами Ницше, Шопенгауэра, Якоби и других не столь важных для марксизма мыслителей. Эта установка, исходящая от Юдина, напрямую относилась к работе над третьим томом «Истории философии», вокруг которого позднее развернулось драматическое дело, о котором нужно здесь упомянуть.

Еще до войны Институтом философии был инициирован проект фундаментальной «Истории философии», в котором планировалось семь томов, но в итоге вышло только три, поскольку последний был объявлен недоброкачественным. Половина

объема третьего тома, который был закончен в 1942 г., была посвящена немецкому идеализму. Коллектив авторов, в том числе Асмус, написавший раздел о Канте, за создание этих трех томов был награжден Сталинской премией, высшей наградой за достижения в области науки. Однако незадолго до этого, еще в ходе обсуждений при работе над третьим томом, один из сотрудников Института, З.Я. Белецкий, сделал неожиданный ход, а именно «заявил декларативно, что немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля – это аристократическая реакция на Французскую революцию и один из источников нацистской идеологии» (Корсаков, 2016: 166). В следующем году Белецкий не прошел плановую аттестацию и был уволен, формально – за бездеятельность, потому что не сумел в срок представить свою диссертацию. Хотя, конечно, в ходе аттестационного заседания он был подвергнут жесткой критике и обвинен в дилетантизме.

Нужно заметить, что Д. Лукач, защитивший в 1942 г. свою знаменитую диссертацию о молодом Гегеле, был вовлечен в эту историю. В.Ф. Асмус и Б.Э. Быховский (заведующий сектором истории философии и ответственный редактор третьего тома) выступали официальными оппонентами его диссертации. Оба хвалили работу Лукача, а эмоциональная речь, которую на защите произнес Быховский, была направлена против возмутительных тезисов Белецкого. Позже, на собрании, в результате которого Белецкий был уволен, Лукач в числе прочих осудил идеи последнего как антиисторические и антинаучные (Корсаков, 2016: 174). Что касается самого Лукача, то для него немецкий идеализм, и в особенности Гегель, был изначально враждебен нацизму. Лукач, как и другие сотрудники, после начала войны по заданию администрации института исследовал источники нацистской идеологии. Позже эта деятельность легла в основу «Разрушения разума», одной из самых неоднозначных работ Лукача (Корсаков, 2015: 187). В этом сочинении венгерский философ предлагал свою концепцию истории идеологии в Германии; ядром этой концепции была критика иррационализма как симптома реакции на экономическую отсталость. Лукач полагал, что именно иррационалистические тенденции, а не буржуазный рационализм, стали почвой для национал-социализма. Похожее мнение господствовало в Институте философии, по крайней мере, до инцидента с третьим томом «Истории философии».

Итак, уязвленный Белецкий решился написать письмо Сталину, в котором утверждал, что в третьем томе немецкая философия описывается политически и исторически неверно – якобы положительные оценки философии Канта, Фихте, и особенно Гегеля приводятся при полном отсутствии критики реакционных аспектов их наследия. Особенно Белецкого раздражало признание идейного родства Гегеля и Маркса, описанное в третьем томе. Он акцентирует внимание на высказываниях Гегеля об особой роли Прусского государства, характеризует гегелевскую диалектику как «мистическую и антинаучную» (Косичев, 2007: 43). Кроме прочего, в этом письме Белецкий доносит также на Асмуса лично: «Бывший меньшевиствующий идеалист Асмус – один из авторов 3-го тома – опубликовал в конце 1942 г. брошюру под названием: “Фашистская фальсификация немецкой классической философии”. В этой брошюре он объявил, что для нас философия немецкого классического идеализма действительна не как прошлое, а как настоящее. <…> Утверждая, что философия немецкого классического идеализма принадлежит всецело нам, Асмус призывает нас к борьбе со всякого рода фальсификаторами этой философии, за сохранение ее идейной чистоты, ее революционной действенности. Однако в своем благородном рвении Асмус заходит настолько далеко, что сам беззастенчиво фальсифицирует эту философию. Все, что было реакционного, что явилось в ней выражением пруссической идеологии, Асмус изображает как истинно великое, гениальное и ре-

волюционное. Призывая к борьбе с фашистскими фальсификаторами, он незаметно приписывает философии немецкого классического идеализма взгляды нашей философии, тем самым возвеличивает немецкий идеализм и умаляет значение нашей философии» (Косичев, 2007: 46).

В результате Сталин поддержал Белецкого, но, вероятно, исходя из политических соображений, а не из-за заботы о судьбах советской философии. П.Ф. Юдин и М.Б. Митин потеряли лидерство, их место занял Г.Ф. Александров и его группа. Этот процесс сопровождался привычными для того времени арестами и репрессиями. Авторы «Истории философии» также пострадали в той или иной степени. Например, автор раздела о гегелевской логике Б.С. Чернышев, вероятно, не выдержав скандала, умер от инфаркта. Асмус же удалился в область логики, которая была тогда более безопасной сферой. В 1944 г. выходит постановление коммунистической партии «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.», а Сталинская премия отзывается с третьего тома. В роковом постановлении речь шла в основном о неверном изложении гегелевской философии. В нем утверждалось, что в третьем томе «смазано противоречие между прогрессивной стороной философии Гегеля – его диалектическим методом – и консервативной стороной – его догматической системой» (О недостатках и ошибках…, 1944: 16-17). С новой силой в официальной философии закрепляется фундаментальный разрыв – метод Гегеля может быть использован в прогрессивных целях, а вот его система является консервативной, и ее значение должно быть оценено строго отрицательно.

Асмус: в защиту гегелевского наследия

Обратимся наконец к конкретному содержанию критики фашистской апроприации Гегеля, предложенной Асмусом. Основные положения этой критики концентрированно содержатся именно в том памфлете конца 1942 г., который был предметом упомянутого доноса Белецкого. Асмус начинает с того, что есть подлинная Германия авторитетных творцов и мыслителей, а есть «Германия» нацистских пропагандистов и политиков. Этот прием нужен, чтобы показать – нацизм ищет свои корни в наследии подлинной Германии, а не находя их, он вынужден прибегать к масштабным фальсификациям. Одной из основных идей, заимствованных у философской классики, использованных нацистской пропагандой, была идея вечного изменения и движения в историческом процессе. На примере метафизики Германа Шварца и его «потока становления» Асмус показывает, что принцип историзма модифицируется здесь в абстрактно-эзотерическом духе: «Для обоснования этого понимания исторического развития фашистские философы подвергли самой беззастенчивой оценке и прямой фальсификации всю классическую историю философии и философию истории от Гердера до Гегеля. Если рассматривать общую тенденцию этой переоценки, то она сводится к перетолковыванию философии истории в духе крайнего мистического алогизма» (Асмус, 1942: 10).

Смысл такой процедуры, согласно Асмусу, состоит в том, чтобы удалить субъект из исторического процесса. Человек погружен в пучину исторической жизни, которая превосходит его, и он, «истинный немец», должен отказаться от себя в пользу мистического становления истории. Политически это означает полное исключение не только революционной активности, но и вообще любой самодеятельности масс. Поток исторического развития, с точки зрения Шварца или Розенберга, не подлежит разумному познанию. В определенном смысле этот вариант алогической и эзотерической философии истории, полагает Асмус, есть отрицание научного познания как такового (Асмус, 1942: 10). Мы бы могли сказать, что такая интерпретация была призвана способствовать, пользуясь

выражением Арендт, развитию «неспособности мыслить» (a failure to think).

Посмотрим, как конкретно Асмус описывает несоответствие классической философской мысли и основных черт фашистской теории на примере гегелевского наследия. Какие тезисы вменяются нацистскими идеологами учению Гегеля? В этой связи Асмус выделяет четыре пункта:

1. Государство стоит вне норм обычной морали.

2. Подчинение личного начала всеобщему.

3. Целесообразность войны как средства для предотвращения стагнации в народе и обществе.

4. Мысль об особой глобально-исторической миссии германских народов.

Действительно, с позиции Гегеля всемирная история должна рассматриваться как более общая, чем та, в которой действуют отдельные индивиды: «Всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приурочена моральность, чем та сфера, которую составляют образ мыслей частных лиц, совесть индивидуумов, их собственная воля и их образ действий; всему этому самому по себе присущи ценность, вменяемость, награда или наказание» (Гегель, 1993: 114-115). Соответственно, если мы рассуждаем в таком крупном масштабе, как всемирно-историческая жизнь (или даже если мы размышляем о государстве), то узкое понятие индивидуальной морали теряет здесь свою значимость. Означает ли это, что Гегель – имморалист, раз он так релятивизирует концепцию морали? Ответ Асмуса – нет, ни в коей мере не означает. Индивидуальное измерение, по Гегелю, действительно подчиняется народной, но также по-своему нравственной точке зрения. Асмус обращается здесь к гегелевскому концепту государства: «Государство есть действительность конкретной свободы» (Гегель, 1990: 286). Эта конкретная свобода, то есть развитие личности и признание ее права, возможна, когда сама личность сознательно и добровольно признает себя частью всеобщего. Государство и личность, всеобщая историческая и частная индивидуальная жизнь находятся в двустороннем, взаимном отношении. Обязанности индивидов в отношении государства неотъемлемы от обязанности государства принимать во внимание права и интересы индивидов. Как полагает Асмус, при добросовестном и внимательном отношении к текстам Гегеля не может идти никакой речи о том, что личность у него якобы поглощается государством. Вместе с тем, ограничение сферы применения понятия морали Гегелем не означает, что крупным государственным деятелям позволено совершать любые аморальные действия. Это лишь значит, что рассуждать об их действиях нужно, принимая во внимание цели и задачи государства, а не просто руководствуясь абстрактными моральными предписаниями.

Высказывания Гегеля против морали трактуются здесь как высказывания против формализации морали. В том же ключе Асмус рассматривает и гегелевскую критику совести. Речь идет не об отрицании совести как таковой, а о недостатке чисто субъективного, формального понятия совести. Однако при этом, когда субъективное понятие соединяется с истинным (то есть объективным) понятием, иными словами, когда то, что индивид считает добром, и есть добро, тогда понятие совести приобретает содержательность. Для Гегеля такое содержательное понятие совести, по сути являющееся субъективной рефлексией самосознания, «святыня, посягать на которую было бы святотатством» (Гегель, 1990: 179).

Анализ, развернутый Асмусом, четко дает понять, что в заявлении Гитлера об освобождении немцев от унизительной химеры совести не было ни капли Гегеля: «Гегель осуждает мораль не как мораль, а как недостаточно содержательную мораль, как слишком еще формальную ступень этического развития. Поэтому он не просто “отрицает” или “упраздняет” мораль – совесть, долг и т. п., но ставит на место формальных

понятий морали содержательные понятия нравственности <…> Мораль, как ее понимает Гегель, есть не просто упраздняемая ступень, но необходимая, хотя и недостаточная, стадия в диалектическом развитии нравственного» (Асмус, 1942: 37-38). Очевидно, что Асмус в этом памфлете изображает Гегеля как буржуазного либерального теоретика. Если у гегелевской философии, как было принято считать, два противоположных политических ориентира – прусский консервативный режим и Французская революция с Просвещением, то для Асмуса важнее показать именно вторую, прогрессивную сторону.

Другим существенным пунктом фальсификации Гегеля был пункт об апологии войны. Асмус признает, что в ранних текстах и в «Философии права» Гегель высказывался в пользу войны как средства от губительного застоя в жизни народов. Действительно, Гегель заявлял, что государствам претит статика, им нужно движение, а движение – это война. Асмус решает проблемы этих высказываний следующим образом: он настаивает, что суждения эти носят не абстрактно-теоретический характер, а отсылают к конкретному событию, а именно к наполеоновским войнам. Известно, что Гегель стоял на профранцузских позициях и полагал, что эти войны, особенно поражение в 1806 г., показали неудовлетворительное состояние немецкого общества. Парадоксальным образом поражение Германии послужило ее дальнейшему развитию! Так или иначе, потенциальный «оздоровляющий» эффект войны, с точки зрения Гегеля, не может стать оправданием для инициирования войны – причина войны и ее правомерность должны оцениваться конкретно в каждом отдельном случае. Более того, анализ «Лекций по философии истории» Асмусом показывает, что, с точки зрения Гегеля, агрессивная война не может быть оправдана; руководимая жаждой завоеваний, она не может нести за собой никаких положительных последствий. Не всегда смелость и преодоление опасности можно оценить положительно: «Жертвовать <…> жизнью есть, конечно, нечто большее, чем просто не бояться смерти, но тем не менее это нечто только негативное и поэтому не имеет значения и ценности для себя; значение придает этой смелости только позитивное, цель и содержание; разбойники, убийцы, целью которых является преступление, искатели приключений, преследующие цель, созданную их мнением, и т. д. также обладают смелостью, заставляющей их рисковать своей жизнью» (Гегель, 1990: 363). Как очередное доказательство несостоятельности нацистского образа Гегеля, Асмус рассматривает критику, выдвинутую в «Философии права» против Карла Людвига фон Галлера. Галлер обвиняется в пренебрежении силой закона в пользу хаотической силы природы, этот подход характеризуется как «фанатизм, слабоумие и лицемерие» (Гегель, 1990: 282).

Заключительным пунктом, который эксплуатируется нацистской теорией, является представление Гегеля об исключительной исторической миссии германского народа. Советский философ не отрицает, что для Гегеля было свойственно определенное национальное высокомерие в этом вопросе, особенно в берлинский период, когда была создана «Философия права». Вместе с тем, в отличие от нацистов, отрицание уникальной ценности и суверенных прав других народов не было обратной стороной этого высокомерия. Кроме того, Асмус особенно упирает на тот факт, что Гегель, как нам известно, не был антисемитом. В целом, многие высказывания Гегеля в этом отношении выдают достаточно заметную степень прогрессивности, особенно для представителя его эпохи. Так, например, в «Философии права» мы читаем: «Образованию, мышлению как сознанию единичного в форме всеобщего, свойственно понимать Я как всеобщее лицо, в котором все тождественны. Значение человека в том, что он человек, а не в том, что он еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.» (Гегель, 1990: 246).

Подводя итог своему анализу, Асмус называет Гегеля не иначе как «великим гуманистом» (Асмус, 1942: 45). Неудивительно, что Белецкий, слабо знакомый с классикой философии, в письме Сталину обвиняет самого Асмуса в фальсификации немецкого идеализма – очень уж комплиментарным выглядит образ Гегеля, предложенный в рассматриваемой работе. Но эта апология вполне компетентна – Асмус сопровождает всякий свой тезис ссылкой на первоисточник, избегает некорректных и голословных суждений. У фашистской теории и гегелевского учения нет ничего общего, заключает он.

Заключение

Нужно упомянуть, что далеко не все нацистские теоретики пытались присвоить наследие Гегеля. Многие из ключевых идеологов, например, такие персоны, как А. Боймлер, А. Розенберг или Э. Крик, настаивали на том, что гегелевское учение вредно и должно быть забыто. Это косвенно подтверждает правоту Асмуса – адекватно прочитанный Гегель был несовместим с оправданием тоталитарной формы государства, насаждаемой нацизмом. Более осведомленные фашистские интеллектуалы противопоставляли национал-социализм и Гегеля. К. Шмитт, один из крупнейших нацистских теоретиков, резюмирует: «В тот день, когда Гитлер пришел к власти, Гегель, так сказать, умер» (Schmitt, 2001: 35). Хотя итальянский фашизм, без сомнения, использовал Гегеля, так же, как правое неогегельянство поддерживало гитлеризм на его начальных этапах, в определенный момент все-таки стало очевидно, что, несмотря на всю авторитетность этого философа, эксплуатация его работ в идеологических целях трудна – слишком многие элементы гегелевского учения несовместимы со строительством тоталитарного государства.

Если искать того, кто мог бы поддержать точку зрения Асмуса в отношении Гегеля, можно без сомнения назвать Г. Маркузе. В своей книге «Разум и революция: Гегель и становление социальной теории» (1941) он показывает Гегеля как защитника правового и гражданского общества, сторонника гуманистической и либеральной культуры (Marcuse, 1999: 409-420). С точки зрения Маркузе, превознесение разума, рационально устроенное государство, защищающее интересы и права своих граждан, – это именно то, что нацизм стремился искоренить из культуры и памяти немецкого общества. Анализ социальной теории Гегеля здесь совпадает с Асмусом. Нужно понимать при этом, что Маркузе мог высказываться более свободно, а Асмус постоянно находился в большой опасности и был вынужден тщательно взвешивать каждое слово, учитывая сложный контекст сталинского режима (особенно в таком чувствительном для марксистско-ленинской догматики вопросе, как философия Гегеля).

Сегодня мы можем с большой долей уверенности сказать, что Асмус был в основном прав, по крайней мере, его тезисы не сильно расходятся с современными тенденциями в изучении Гегеля. Пожалуй, самой громкой попыткой возложить ответственность за фашистские режимы в Европе на Гегеля была предпринята в сочинении «Открытое общество и его враги» (1945) К. Поппера. Во многом именно благодаря книге Поппера отношение к Гегелю на Западе в послевоенные годы, особенно в Британии, было очень напряженным. Однако, как известно, впоследствии рассуждения Поппера были нейтрализованы В. Кауфманом в работе «Миф о Гегеле и технология его создания» (1959). Спустя почти двадцать лет Кауфман воспроизводит те же самые, что мы видели у Асмуса, аргументы в защиту Гегеля (Кауфман, 2021). Этот факт говорит нам о том, что мысль советского философа Валентина Асмуса могла бы быть оценена не только в СССР, но и за его пределами.

Литература

Аржанов, М. Гегельянство на службе германского фашизма: Критика неогегельянских теорий национализма. М.: Партийное издательство, 1933. 152 с.

Асмус, В.Ф. Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М.: Госполитиздат, 1942. 48 с.

Асмус, В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Избранные философские труды: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 206-430.

Баммель, Г.К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии / под ред. И. Дворкина, А. Деборина и др. М.: Соцэгиз, 1936. С. 216-264.

Деборин, А.М. Резолюция о современных проблемах марксизма- ленинизма // Вестник коммунистической академии. 1929. № 32 (2). С. 242-244.

Гегель, Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной. М.: Мысль, 1990. 525 с.

Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. СПб: Наука, 1993. 477 с.

История всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 346 с.

Кауфман, В. Миф о Гегеле и технология его создания // Vox. Философский журнал. 2021. № 32. С. 25-50.

Корсаков, С.Н. Институт философии и Великая Отечественная война // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 179-192.

Корсаков, С.Н. Начальный этап «дела» З.Я. Белецкого (архивная публикация) // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 164-179.

Косичев, А.Д. Философия, время, люди. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 383 с.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // Большевик. 1944. № 7. С. 16-17.

Перов, Ю.В., Сергеев, К.А. Философия истории Гегеля – от субстанции к историчности // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. СПб: Наука, 1993. С. 5-61.

Синеокая, Ю.В. Предисловие. Творчество Ницше в историко-философском контексте // Ницше сегодня / под ред. Ю.В. Синеокой. М.: ЯСК. С. 7-40.

Соколов, В.В. Асмус и драматические моменты его философского творчества и философской жизни // Валентин Фердинандович Асмус / под. ред. В.А. Жучкова и И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 10-19.

Цветков, А.В. Марксизм как стиль. М.: АСТ, 2016. 352 с.

Marcuse, H. Reason and revolution: Hegel and the rise of social theory. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1999. 457 p.

Oittinen, V., Viljanen, E. The anti-fascist cultural theory of Nikolai Bukharin and the concept of socialist humanism // In Stalin era intellectuals: Culture and Stalinism / eds. V. Oittinen and E. Viljanen. London: Taylor & Francis, 2023. Pp. 175-201.

Schmitt, C. State, movement, people (includes the question of legality) / trans. S. Draghici. Corvallis: Plutarch Press, 2001. 84 p.

Windelband, W. Die Erneuerung des Hegelianismus. Universitäts- und Landesbibliothek. Tirol: Universitäts- und Landesbibliothek Tirol, 1910. 15 p.

References

Arzhanov, M. (1933), *Gegelyanstvo na sluzhbe germanskogo fashizma: Kritika neogegelyanskikh teoriy natsionalizma* [Hegelianism in the service of German fascism: Criticism of Neo-Hegelian theories of nationalism], Partiynoe izdatel'stvo, Moscow, USSR (in Russ.).

Asmus, V. F. (1942), *Fashistskaya falsifikatsiya klassicheskoy nemetskoy filosofii* [Fascist falsification of classical German philosophy], Gospolitizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Asmus, V. F. (1971), "Marx and Bourgeois historicism", *Izbrannye filosofskie Trudy: V 2 t. T. 2* [Selected philosophical works: In 2 vol. Vol. 2], Moscow State University Publishing House, Moscow, USSR, 206-430 (in Russ.).

Bammel, G. K. (1936), "On the fascization of the history of philosophy in Germany", *Protiv fashistskogo mrakobesiya i demagogii* [Against fascist obscurantism and demagoguery], in Dvorkin, I., Deborin, A. et al. (eds.), Sotsegiz, Moscow, USSR, 216-264 (in Russ.).

Deborin, A. M. (1929), "Resolution on contemporary problems of Marxism-Leninism", *Vestnik kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of the Communist Academy], 32 (2), 242-244 (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (1990), *Filosofiya prava* [Elements of the philosophy of right], Translated by Stolpner, B. G. and Levina, M. I., Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).

Hegel, G. W. F. (1993), *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history], Translated by Voden, A. M., Nauka, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Istoriya vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov): Kratkiy kurs (1938) [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course], Pravda, Moscow, USSR (in Russ.).

Kaufmann, W. A. (2021), "The Hegel myth and its method. Philosophical Review", *Vox. Filosofskiy zhurnal* [Vox. Philosophical journal], 2021, 32, 25-50 (in Russ.).

Korsakov, S. (2015), "The Institute of Philosophy and the Great Patriotic War", *Philosophy of Science and Technology*, 20 (2), 179-192 (in Russ.).

Korsakov, S. (2016), "The initial stage of the Beletsky 'case' (archival publication)", *Philosophy Journal*, 9 (1), 164-179 (in Russ.).

Kosichev, A. D. (2007), *Filosofiya, vremya i lyudi* [Philosophy, time and people], OLMA Media Group, Moscow, Russia (in Russ.).

Marcuse, H. (1999), *Reason and revolution: Hegel and the rise of social theory*, Humanities Press, Atlantic Highlands.

Oittinen, V. and Viljanen, E. (2023), "The anti-fascist cultural theory of Nikolai Bukharin and the concept of socialist humanism", *In Stalin era intellectuals: Culture and Stalinism*, in Oittinen, V. and Viljanen, E. (eds.), Taylor & Francis, London, UK, 175-201.

"On shortcomings and mistakes in the coverage of the history of German philosophy in the late 18th and early 19th centuries" (1944), *Bolshevik* [Bolshevik], 7, 16-17 (in Russ.).

Perov, Yu. V. and Sergeev, K. A. (1993), "Hegel's philosophy of history – from substance to historicity", *Hegel, G.V.F. Lektsii po filosofii istorii* [Hegel, G. W. F. Lectures on the philosophy of history], Nauka, Saint Petersburg, Russia, 5-61 (in Russ.).

Schmitt, C. (2001), State, movement, people (includes the question of legality), Translated by Draghici, S. Plutarch Press, Corvallis.

Sineokaya, Yu. V. (2019), "Preface. Nietzsche's work in the historical and philosophical context", *Nitsshe segodnya* [Nietzsche today], in Sineokaya, Yu. V. (ed.), YaSK, Moscow, Russia, 7-40 (in Russ.).

Sokolov, V. V. (2010), "V. F. Asmus and the dramatic moments of his philosophical work and philosophical life", *Valentin Ferdinandovich Asmus* [Valentin Ferdinandovich Asmus], in Zhuchkov, V. A. and Blauberg, I. I. (eds.), ROSSPEN, Moscow, Russia, 10-19 (in Russ.).

Tsvetkov, A. V. (2016), *Marksizm kak stil* [Marxism as a style], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Windelband, W. (1910), *Die Erneuerung des Hegelianismus* [The renewal of Hegelianism], Universitäts- und Landesbibliothek Tirol, Tirol, Austria-Hungary (in Germ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Тинус Никита Николаевич, научный сотрудник, Школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Российская Федерация; *tinusnn@gmail.com*

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita N. Tinus, Research Assistant, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; *tinusnn@gmail.com*

УДК 347.193.4 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5**

Пенская Т.М.

Почему Россия смогла? (к онтологии имперскости в русском историческом самосознании)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *penskaya@bsu.edu.ru*

Аннотация. В последние десятилетия в России и за ее пределами получило популярность изучение ее истории через призму "имперского" дискурса. В рамках т.н. "имперских исследований" российскими и зарубежными исследователями рассматриваются самые разные аспекты развития ее политических и общественных институтов и отношений в самой России, особенности ее взаимодействия с соседними народами и другие вопросы, многие из которых были поставлены на повестку дня бурными событиями конца XX – начала XXI столетий. Правда, в отличие от прежней "имперской истории", которая была сосредоточена на изучении проблем, связанных прежде всего с историей политической и военной, нынешняя "новая имперская история" большее внимание уделяет вопросам, ранее не приоритетным – истории культуры, повседневности, гендера и пр. Вместе с тем имперский статус России как в "старой", так и в "новой" "имперской истории" продолжает восприниматься как некая данность, существовавшая всегда. Исследований, в которых рассматривались бы проблемы обретения Россией имперского статуса, немного. В данной статье автор предлагает обратиться к этому вопросу и предлагает свой ответ на вопрос – почему Россия, не имевшая формально объективных предпосылок к обретению имперского статуса, тем не менее, смогла не только завоевать его, но и сохранить себя в качестве великой державы на последующие столетия

Ключевые слова: Позднее Средневековье; раннее Новое время; государство; право; общество; империя; Европа; Россия

Для цитирования: Пенская Т.М. Почему Россия смогла? (к онтологии имперскости в русском историческом самосознании) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 50-68. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5

T. M. Penskaya

Why was Russia able to do it? (toward the ontology of imperialism in Russian historical self-consciousness)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *penskaya@bsu.edu.ru*

Abstract. In recent decades, the study of Russia's history through the prism of "imperial" discourse has gained popularity in Russia and abroad. Within the framework of the so-called "imperial studies", Russian and foreign researchers consider various aspects of the development of its political and social institutions and relations in Russia

itself, the specifics of its interaction with neighbouring nations and other issues, many of which were put on the agenda by the turbulent events of the late twentieth and early twenty-first centuries. However, unlike the previous "imperial history", which focused on the study of problems related primarily to political and military history, the current "new imperial history" pays more attention to issues that were not prioritised before – the history of culture, everyday life, gender, and so on. At the same time, Russia's imperial status in both the "old" and "new" "imperial history" continues to be perceived as a given that has always existed. There are few studies that address the problems of Russia's acquisition of imperial status. In this article, the author proposes to address this issue and offers her answer to the question – why Russia, which did not have formally objective prerequisites for acquiring imperial status, nevertheless managed not only to win it, but also to preserve itself as a great power for the following centuries.

Key words: Late Middle Ages; Early Modern; state; law; society; empire; Europe; Russia

For citation: Penskaya T.M. (2023), “Why was Russia able to do it? (toward the ontology of imperialism in Russian historical self-consciousness)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 50-68, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-5

Почему Россия смогла стать империей и сохранить, несмотря на все политические и социальные пертурбации Нового и Новейшего времени, статус если и не великой державы, то, во всяком случае, одного из ведущих игроков на мировой политической сцене, в отличие от многих других бывших великих держав, которые не только утратили свой статус, но и в значительной степени политическую субъектность? Вопрос отнюдь не праздный, принимая во внимание современные реалии, и имеющий злободневное не только чисто политическое, но и социо-культурное звучание, почему «имперский дискурс» в изучении российской истории Нового и Новейшего времени сегодня более чем популярен и характеристика историографии проблемы, отечественной и зарубежной, легко может вылиться в монументальной по объему исследование[1]. Не случайно один из ведущих отечественных специалистов по «имперскому дискурсу» А.И. Миллер отмечал, что с начала 90-х гг. минувшего века число больших и малых исследований о России как империи неизмеримо выросло[2], так что составить обобщающий труд, подобный исследованиям А. Каппелера (1992, рус. перевод 2000 г.) или Д. Ливена (2000, рус. перевод 2007), сегодня представляется крайне сложным, если вообще возможным. Стоит обратить внимание, что Россия и империя соотносятся едва ли не как синонимы, при этом созвучность эта воспринимается как некая аксиома – настолько очевидная, что будто и обсуждать нечего, поскольку это и так всем известно.

[1] Краткий обзор наиболее значимых последних работ по теме см., например: (Имперский поворот…, 2019).

[2] Достаточно указать, что имперские штудии в России популярны настолько, что им посвящен отдельный российско-американский исторический журнал *Ab Imperio*, который выходит ежеквартально с 2000 г. Отметим также немалый вклад и в издание исследований, затрагивающих самые разнообразные аспекты «новой имперской истории» России, издательства «Новое литературное обозрение», в котором регулярно выходи в свет как переводные работы по имперской тематике Р.Д. Круза (2020), Р. Мальте (2020) Ш. Сартори (2019), так и отечественные – Е.Н. Марасиновой (2017), Е.М. Болтуновой (2022) и др.

Показательной в этом отношении является книга известного американского русиста и специалиста по истории Российского государства и общества раннего Нового времени Н.Ш. Коллманн «Россия и ее империя. 1450-1801» (Kollmann, 2017. Русский перевод: Коллманн, 2023). Рассматривая процесс государственного строительства в России с середины XV в. (с того самого времени, когда, согласно концепции *la longue durée* Ф. Броделя и начался «долгий XVI век», составивший большую часть раннего Нового времени), Коллманн видит преемственность в политике последних Рюриковичей и первых Романовых на московском, а затем и на петербургском тронах. «В задачи правителей России – великих князей до 1547 года, царей до 1721 года, императоров после этой даты – входили расширение территории государства для приобретения производительных ресурсов (людских и материальных) и поддержание стабильности, достаточной для того, чтобы мобилизовывать приобретенные ресурсы» (Kollmann, 2017: 1).

Характеризуя приемы и методы строительства империи русскими государями, исследователь не только исходит из того, что в действиях московских и петербургских монархов просматривается определенная преемственность, но и ставит Российскую империю (в ее московском и петербургском «изводах») в одни ряд с другими великими континентальными империями раннего Нового времени – «империями различий», такими, как Османская, Могольская, Сефевидская, Цинская и Габсбургская («в империях, о которых идет речь, обнаруживаются одни и те же военные технологии, методы делопроизводства, языки, коммуникационные сети, идеология и подходы к управлению, основанные на уважении к различиям» (Kollmann,2017: 2)).

Между тем путь России к империи и к статусу великой державы был далеко не прост, особенно если принять во внимание явное несоответствие объективных реалий и предпосылок официальным и неофициальным декларациям (достаточно указать хотя бы на знаменитую «доктрину» «Москва – Третий Рим», которая родилась в церковных кругах в начале XVI в. и многими исследователями рассматривается как своего рода внешнеполитическая «программа» московских государей раннего Нового времени). В процессе имперского строительства русским государям «приходилось сталкиваться со всевозможными проблемами». При этом «главной из них были расстояния,.. к которым добавлялись яростные бунты, постоянное бегство податного населения, сопротивление элит некогда суверенных государств» (Kollmann, 2017: 1). Однако эти проблемы являются, по большому счету, общими для всех континентальных раннемодерных империй – едва ли не классическим примером может служить противостояние Эскориала и Нидерландов во второй половине XVI – первой половине XVII вв., когда Филипп II и его преемники столкнулись и с расстояниями, этим подлинным проклятием ранних империй, и с сопротивлением местных элит, и с яростным бунтом, накал которого подогревался религиозными противоречиями.

Однако наряду с этими общими для всех раннемодерных «лоскутных империй»[3] проблемами у империи Российской были и свои собственные. Упомянутая Н. Коллманн писала о них в другой своей, более ранней, чем «Россия и ее империя», работе (Kollmann, 2012. Русский перевод: Коллманн, 2016). Сравнивая Российскую империю с другими раннемодерными «империями различий», исследовательница подчеркивала, московские, а затем и петербургские власти не только сталкивались с «проклятием империей», которое усугублялось традиционной для России неразвитостью внутренней инфраструктуры, но к этой традиционной проблеме добавлялись

[3] Термин П. Шоню, который полагал раннее Новое время временем именно таких сшитых на живую нитку политических образований (Chaunu, 1966: 39).

суровый климат (не будем забывать о том, что процессы имперского строительства в России происходили на фоне так называемого «малого ледникового периода», что для России как страны с аграрной экстенсивной экономикой имело особенно негативные последствия. – *Т.П.*), острая нехватка не только образованных, но даже просто грамотных людей, общая малонаселенность страны, ее относительная бедность ресурсами и пр. (Kollmann.2012: 27, 416, 417, 535) Отмечая эти проблемы, Коллманн, тем не менее, ограничилась указанием на них, никак не касаясь их влияния на процессы имперского строительства в сравнительно-историческом разрезе. Ставя Россию в один ряд с другими раннемодерными континентальными империями, рано или поздно задаешься вопросом: стартовые позиции, с которых начиналось строительство империи в османском, в могольском, в габсбургском или иных случаях, были несравненно более благоприятными, чем в русском, а вот результаты оказались разными. Почему же так получилось, и почему Россия смогла сохранить свой статус, а другие раннемодерные империи – нет? Попробуем сформулировать свой ответ на этот вопрос.

Принимая тезис, выдвинутый Н. Коллманн относительно сохранения преемственности в политике между московским царством и петербургской империей, рассмотрим начальный этап формирования России как государства имперского типа. Этот начальный этап приходится на русский «долгий XVI век», отсчет которого можно начинать с момента окончания «Войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем и племянниками Юрьевичами и подписания Яжелбицкого договора между Москвой и Новгородом, а финальной точкой можно полагать земский собор 1649 г. и принятие Соборного уложения. В эти два столетия закладывались основы тех политических, социальных, культурных, идеологических и иных механизмов и институтов, которые и сделали Россию империей.

Далее мы будем исходить из того, что раннемодерные государства, которые по традиции принято именовать еще «централизованными», на деле были далеко не столь централизованными и внутренне сплоченными. Они таковы на фоне своих рыхлых и неконсолидированных средневековых предшественников с их «фрагментированным суверенитетом» (Ч. Тилли (Tilly, 1990: 21)), полицентризмом и дисперсией власти (Цатурова, 2019: 115). Тем не менее, преувеличивать степень «централизованности» раннемодерных государств все же не стоит (Kollmann, 2012: 2). Процесс формирования раннемодерных государств носил ярко выраженный эволюционный характер – новое медленно прорастало сквозь «старину», которая еще долго оставалась фактором, определявшим логику и вектор действий как власти, так и общества. Этому в немалой степени способствовал консерватизм мышления и вообще менталитета раннемодерного социума на всех его уровнях (хотя, несомненно, во время Ренессанса с его гуманистической и «ницшеанской» идеологией правящие элиты были менее скованы требованиями «старины», чем низы).

Такой общий настрой общества на сохранение и воспроизводство «старины» был обусловлен тем, что ранннемодерное общество при всех его растущих отличиях от средневекового оставалось аграрным обществом «Первой волны» (Э. Тоффлер) с присущими ему патриархальностью, господством авторитета, приверженностью к обычаю и отрицанием необходимости каких-либо радикальных перемен. Такие социумы, которые, как подметил К. Леви-Стросс, можно назвать «холодными», «стремятся, благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы». Когда же перемены, несмотря на противодействие, оказываются необходимыми, то «холодные» сообщества «желают его [неизбежный процесс изменений основ жизни] игнорировать

и *пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояния, считаемые ими "первичными" относительно своего развития* (курсив мой. – *Т.П.*)…» (Леви Стросс, 2008: 439). «Мы старины не рушаем, а новины не уводим» (Lietuvos Metrica, 2007: 170) – под этими словами великих литовских князей могли бы подписаться многие, если не все, раннемодерные государи.

Переломить этот востребованный социумом тренд на сохранение и воспроизводство «старины» было возможно при условии, что, во-первых, сама власть стремилась к этому, а во-вторых, она обладала не только волей, но и необходимыми инструментами для реализации своего плана по отказу от воспроизводства «старины». Однако и с первым, и со вторым были определенные проблемы, в особенности с последним. Если предположить вслед за М. Чернявским, что тот же Иван Грозный, как ренессансный князь, воплощал в своей персоне «ренессансный сплав двух направлений мысли и чувства: идеи государя, жестокого в своей функции правителя, гарантирующего посредством беспощадного террора справедливость и порядок в мире слабых и злых людей и развивающихся сильных централизованных монархий; и идеал внушающей благоговение свободной личности, независимой от старых стандартов, стоящей выше человеческого закона и независимой от божественного закона в мире, где можно было рассматривать и использовать любые средства для достижения бессмертия» (Cherniavsky, 1968: 210-211), то неизбежно встает вопрос о том, располагал ли ренессансный князь соответствующим инструментарием для достижения своей цели?

Ответ на этот вопрос применительно к «долгому XVI веку» стоит признать отрицательным. Процесс формирования соответствующих «жил власти» (*sinews of power* – см., напр., (Brewer, 1989)), под которыми мы понимаем вслед за Н. Коллманн «новые налоги и бюрократические институты, учреждаемые для территориального управления, сбора податей и мобилизации людских и материальных ресурсов», а также новые кодификации права и централизованные судебные системы вкупе с мерами по политической и идеологической (религиозной) консолидации общества вокруг монархии и династии (Kollmann, 2012: 1-2), явно был не одномоментным, но существенно растянутым во времени. При этом процессы формирования новой властной инфраструктуры на разных ее уровнях протекали с разной скоростью – А.А. Смирнов еще тридцать лет назад отмечал, что если брать в качестве примера формирование Русского централизованного государства, то в военной сфере эта централизация прошла быстрее и успешнее всего и уже к концу XV в. в общем и целом была завершена (Смирнов, 1994: 34-38). Этого нельзя сказать о централизации политической и тем более юридической – здесь путь к созданию единой властной инфраструктуры оказался более сложным и неоднозначным. Применительно к России ликвидация удельной системы (которая проводилась отнюдь не целенаправленно, но явочным порядком – и Иван III. и Василий III, и Иван IV, борясь с удельной стариной, выступали не против системы, но против конкретных личностей) была в общем закончена столетием позже завершения централизации военной, к концу XVI в., а юридическая централизация приобрела необратимый характер[4] лишь с принятием знаменитого Соборного уложения 1649 г.

В результате на протяжении всего русского «долгого XVI века» в отношениях между властью и обществом функциониро-

[4] Необратимый, хотя и незаконченный в силу того, что раннемодерная Россия, как уже было отмечено, была типичной «империей различий» и сохранила это свойство до самого конца своего существования. См., например: (Северный Кавказ в составе Российской империи, 2007; Западный окраины Российской империи, 2006; Центральная Азия в составе Российской империи. 2008 и др.).

вала своеобразная система взаимоотношений, которую К.В. Петров характеризовал в следующих выражениях: «Возможности российского государства (как институционального образования) в XVI – XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». И далее историк подчеркивал, что «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, относительно *слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения* (курсив мой. – *Т.П.*)…» (Петров, 2008: 376).

Итак, одна из главных проблем, с которой сталкивались власти раннемодерных государств – это институциональная слабость, неадекватность имевшихся в распоряжении верховной власти инструментов тем целям и задачам, которые им приходилось решать. Между тем сложность (и стоимость) этих задач возросла существенно по сравнению со временами Средневековья. К середине XV в. Европа в общем сумела оправиться от последствий тотального кризиса, в который она медленно вползала, начиная с первой половины XIV в., и который достиг своего апогея в середине – третьей четверти XIV в., когда субконтинент оказался под ударом сразу всех четырех всадников Апокалипсиса – Чумы, Голода, Войны и Смерти. Завершение кризиса ознаменовалось началом медленного подъема в экономической и в демографической сферах. Главным зримым следствием подъема стало переформатирование средневековой мир-экономики, основанной на одновременном сосуществовании двух подсистем, средиземноморской и фламандско-ганзейской, в раннемодерную, основанную на соединении этих двух раздельных экономических и финансовых «блоков», в единую систему, центр финансовой и экономической (а следовательно, и политической) активности которой к исходу «долгого XVI века» сместился из Средиземноморья на Северо-Запад Европы (Валлерстайн, 2015: 78-79; Chaunu, 1966: 38).

В политической сфере признаком завершения кризиса и перехода к новой фазе развития стало, по словам того же И. Валлерстайна, появление во второй половине XV в. «великих восстановителей внутреннего порядка в Западной Европе: Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в Испании». Их успешная деятельность была обусловлена стабилизацией в финансовой сфере, а эта последняя достигалась «путем энергичного формирования гражданской и военной бюрократии, достаточно сильной для внедрения системы налогообложения, которая требовалась для финансирования еще более мощного государственного аппарата» (Валлерстайн, 2015: 33). Система получила необходимый импульс для развития, причем стала самоподдерживающейся – совершенствование «жил власти», накачивание властной «мускулатуры» позволяли верховной власти получить в свое распоряжение существенно большие ресурсы, чем прежде, обратив их на решение тех проблем, которые полагались важными и значимыми.

Совершенствование властной инфраструктуры, которое позволяло монархам раннего Нового времени мобилизовать и использовать большие, чем прежде, ресурсы, открыло пред ними новые перспективы для экспансии, прежде всего территориальной. Любопытное наблюдение сделал С.Д. Домников. Он отмечал, что в традиционных социумах верховный правитель выступал как «собиратель земель, расширение территории – это функция власти в аграрных обществах. Колонизационная природа земледельческой цивилизации порождает и колонизационный характер внешней политики аграрного государства. *Власть – от земли; чем больше земли, тем больше власти и силы* (курсив мой. – *Т.П.*)…» (Домников, 2002: 380-381).

Мы не случайно выделили в этой фразе именно концовку – в традиционных

обществах с экономикой, близкой к натуральной, в первую очередь именно земля (или ее экономические аналоги) рождает влияние, авторитет и, в конечном итоге, власть (Джонсон, Эрл, 2017: 292-299; Салинс, 2018: 18-41). Больше земли, больше ресурсов, больше власти, отсюда и стремление традиционных обществ и политий «Первой волны» к территориальной экспансии. В условиях, когда расширенное воспроизводство проще обеспечить посредством экстенсивного развития, она становилась неизбежной. Применительно к нашему случаю первой виток такой экспансии пришелся на эпоху классического Средневековья (которое совпадает по времени со средневековым климатическим оптимумом) (Bartlett, 1993), однако был прерван наступлением кризиса середины XIV в. (и снова начало кризиса примерно совпадает с началом «малого ледникового периода»), а к концу XV в. начался новый этап экспансии, направленный преимущественно вовне (ибо внутри самой Европы, если не считать ее периферии, территорий, которые можно было захватить или колонизировать, к тому времени практически не осталось). Как результат, процесс формирования первых колониальных заморских империй – прежде всего португальской и испанской. Собственно говоря, эта вторая волна экспансии и привела к формирования тех самых «лоскутных» раннемодерных империй, о которых писал П. Шоню.

А что происходило в это время в Восточной Европе? Раннее Средневековье в регионе ознаменовалось формированием Древнерусского государства, которое вплоть до середины XII в. (или даже до конца столетия) доминировало здесь на политической сцене. Однако с началом нового XIII столетия ситуация начала меняться, и не в лучшую для Руси сторону. Первая треть XIII в. Руси – это не только «золотая осень», но и «темное время», закат цивилизации, сложившейся во времена средневекового климатического оптимума, начало глубокого кризиса, который постепенно принял всеобъемлющий характер и затронул все сферы жизни средневекового русского государства и общества (Макаров, 2003: 5-11; Феннел, 1989). Ордынское вторжение окончательно добило Древнюю Русь – не имея ресурсов для восстановления «старины» во всей ее полноте, русское общество после нашествия архаизировалось. В известном смысле можно говорить о том, что во второй половине XIII в. на смену «Гардарике», Руси городов, пришла «Аграрика», Русь деревенская с соответствующими изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах .Эти перемены выразились для Северо-Восточной Руси, с одной стороны, в начале экономического подъема (и связанного с ним демографического роста), затронувшего прежде всего именно аграрный сектор экономики (так называемый «взлет на холмы» в ходе расширяющейся внутренней колонизации), а с другой – завершение процесса складывания «служилой» организации общества (первая половина XIV в.) и последующего складывания системы вотчинного землевладения и землепользования (Чернов, 2008: 16-30).

Аграризация и архаизация Северо-Восточной Руси имела далеко идущие последствия. Стартовые условия, в которых тамошним Рюриковичам (московского и тверского домов в первую очередь, поскольку именно они выступают в качестве главных действующих лиц в борьбе за власть и доминирование на политической сцене региона в первой половине XIV в.) пришлось начинать свою деятельность по организации территориальной экспансии с последующим освоением благоприобретенных новых территорий, были не в пример хуже, чем у монархов Западной Европы. Еще в середине XIX в. С.М. Соловьев писал по этому поводу, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» (Соловьев, 1991: 8). Суровый и неустойчивый климат, малоплодородные (по преимуществу) почвы, скудость минеральных ресурсов, в первую очередь металлов,

регулярные эпидемии, редкое и рассеянное на огромной территории население (для Северо-Восточной Руси, да и для Северо-Западной тоже, были характерны деревни-малодворки), неразвитая инфраструктура, отсутствие широкого и удобного выхода к морю, пребывание на экономической, политической и культурной периферии равно Европы и Азии – все это накладывало серьезные ограничения на размах и масштабы политической активности русских князей.

Однако нельзя не упомянуть и о влиянии ряда социокультурных факторов, причем влиянии негативном, степень которого недооценена в отечественной и тем более зарубежной науке. Культурная периферийность средневековой русской цивилизации, обусловленная ею архаичность и ярко выраженная консервативность русской культуры и общественного сознания, коллективного бессознательного, во многом были связаны с особенностями механизмов рецепции византийского культурного наследия на Руси в предшествующие столетия и формирования соответствующей традиции, той самой «старины», которая почиталась едва ли не как святая и подлежала безусловному воспроизводству.

Безусловно, отрицать значительное влияние византийской культуры на формирование культуры русской было бы бессмысленно – Византия выступала по отношению к Руси на протяжении нескольких столетий культурной метрополией. Однако вопрос относительно того, каким было византийское культурное влияние и насколько велико оно было, остается открытым. С.С. Аверинцев писал в свое время, что византийцы были искренне убеждены в том, что их государство, «по критериям собственного самосознания, внутри этого самосознания достаточно логичным, связным и убедительным, не то что первое в мире, а единственное в мире… Критериев всего три: во-первых, это правильно – православно – исповедуемая христианская вера; *во-вторых, это высокоцивилизованный стиль государственной и дипломатической практики* (курсив мой. – *Т.П.*), дополняемый литературной и философской культурой античного типа; в-третьих, это законное преемство по отношению к христианскому имперскому Риму Константина Великого» (Аверинцев, 2005: 321).

Из этих трех критериев мы не случайно выделил именно второй, касающийся византийской традиции организации административной деятельности, унаследованной ромеями от «Ветхого Рима». В домонгольской Руси эта традиция воспринята не была, судя по всему, практически никак. Если в той же Западной Европе, используя выражение В.М. Живова, «римская прививка» подействовала в полной мере и даже в пресловутые «Темные века» бюрократия и связанный с нею документооборот худобедно существовали, а со временем получили развитие, то на Руси ничего этого не было. Та же письменность, как отмечал С. Франклин, существовала здесь длительное время в двух непересекающихся сферах – церковной (книжность церковного круга, включая не только богослужебную литературу, но и летописи) и обыденной, повседневной (которая нашла свое отражение в знаменитых берестяных грамотах). Административная же письменность, которая использовалась властью, развивалась, по сравнению с церковной и обыденной, замедленными темпами.

Поясняя причины этого явления, исследователь писал далее, что «заторможенное усвоение на Руси формальной административной письменности объясняется относительной надежностью и – одновременно – устойчивостью традиционных способов общественного контроля», ибо «способы регулировать поведения людей, эффективные и весьма изощренные, вполне могли поддерживаться традицией, не предполагая обязательного обращения к формальным операциям с письмом». Эта особенность развития административной сферы и механизмов, с нею связанных, по мнению историка, с которым мы согласны, «указывает на *устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную*

обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции (курсив мой. – *Т.П.*) и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» (Franklin, 2004: 185, 277, 279. Ср.: Clanchy, 1993: 41). Примерно к тем же выводам пришел и А.И. Груша, изучавший процессы внедрения письменных практик в административную традицию Великого княжества Литовского в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени (Груша, 2019). (Подчеркнем, что бывшие земли Древнерусского государства составили бóльшую и наиболее «продвинутую» в культурном отношении часть этого политического образования, вместе с тем являясь своего рода «заповедником» древнерусских политических, административных и юридических практик). И по всему выходит, что развитие в Северо-Восточной Руси административных практик, опирающихся на все более широкое применение письменности, было связано с влиянием Золотой Орды.

Подведем предварительные итоги: с каким «наследством» Русская земля вступала в раннее Новое время, в эпоху экспансии и создания империй? Перед нашим взором предстает слабо заселенная и освоенная обширная территория. С.М. Каштанов приводит данные, согласно которым на конец XV в. в Русском государстве проживало около 2,1 млн. чел, тогда как во Франции – в 6-7 раз, в Италии – в 4,5-5, в Германии – в 4,5-8 раз больше (Очерки демографической истории России, 2022: 77). Редкое население разбросано по множеству небольших деревенек, немного городов опять же с немногочисленными населением и, соответственно, с неразвитой городской культурой, с архаичной и крайне консервативной культурой (в том числе и административной) и менталитетом, причем как «вверху», так и «внизу». Добавим к этому уже упомянутые не слишком благоприятные природно-климатические условия и периферийное расположение Руси по отношению к центрам тогдашней культуры. Единственным преимуществом молодого Русского государства перед западноевропейскими соседями было лишь то, что, с одной стороны, непосредственные соседи России по региону, та же Литва или Крым, от нее мало чем отличались. С другой стороны, в отличие от Западной и Центральной Европы, где границы за прошедшие столетия более или менее устоялись, в Европе Восточной они были расплывчаты, так что экспансия была облегчена.

Тем не менее, при таких неблагоприятных стартовых условиях, Русское государство включается в имперскую гонку и к исходу XVI в. сомневаться в том, что оно становится империей, не приходится, хотя оно по-прежнему уступает Франции, империи Габсбургов, в пределах которой никогда не заходило солнце, и той же Османской империи. Примечательно, что XVI в. в Восточной Европе проходит под знаком столкновения двух имперских проектов – русского и крымского, и в напряженной борьбе Москва одолела Бахчисарай и поставила крест на золотой мечте постордынских татарских элит возродить Ордынскую империю в ее прежнем величии. Однако, возвращаясь к русскому имперскому проекту, который развился из идеи возвращения так называемого «Ярославова наследия», утраченного во второй половине XIII – начале XV вв. во время безудержной экспансии Великого княжества Литовского (и при великом князе Витовте Литва на время превратилась в главную политическую силу в Восточной Европе, которая безусловно доминировала здесь, имея в подручниках северо-восточных русских князей и поставляя на стол ханов Золотой Орды), отметим, что в начале этого пути, на заре правления Ивана III, вряд ли кто-либо мог предположить, что Москва в не столь отдаленном будущем превратится в одно из сильнейших государств Восточной Ев-

ропы. И то изумление, с которым европейскими монархами было встречено появление России на европейской политической сцене в конце XV – начале XVI вв., было вполне понятно, ибо для того чтобы стать империей, Россия не обладала необходимыми объективными предпосылками – ни финансовыми, ни материальными, ни экономическими, ни людскими, ни интеллектуальными, ни культурными. И все-таки это случилось – почему?

Прежде чем сформулировать наше видение ответа на этот вопрос, сделаем шаг назад и посмотрим, в чем заключались особенности политического устройства раннемодерных европейских государств. Отмеченные ранее эволюционность трансформации средневековых государств в раннемодерные и институциональная слабость последних обусловили сохранение в их политическом, административном, правовом и ином устройстве множества пережитков «старины». «Старина» нашла свое отражение прежде всего в том, что раннемодерные государства, будучи собраны из территорий с разным уровнем социально-экономического, политического и культурного развития и, как следствие, разными традициями, «стариной», по своему внутреннему устройству напоминали «лоскутное одеяло» (Elliott, 1992: 48-71). Неразвитость и слабость властной инфраструктуры, *sinews of power*, неизбежно вела к тому, что для того, чтобы организовать более или менее эффективное управление не только доменальными землями монарха, но и всеми остальными, верховная власть вынуждена была искать некий компромисс между своими интересами и интересами местных элит. В результате на практике этот компромисс выражался в том, что, как отмечала К. Барки, верховная власть, стремясь сохранить управляемость входившими в подконтрольные ей владения землями, вынуждена была «разделять контроль с разнообразными опосредующими организациями и с местными элитами, религиозными структурами и органами местного управления, а также с другими многочисленными привилегированными институтами» (Barkey, 2008: 10).

Такая ситуация в сфере управления неизбежно вела к тому, что верховная власть, по словам Н. Коллманн, была настолько связана необходимостью вести постоянные переговоры с местными сообществами для получения средств и осуществления контроля, что исследователи именуют ее суверенитет «многослойным», «разделенным» и «делегированным» (Kollmann, 2021: 3). В раннее Новое время, отмечала Л. Бентон. «суверенитет часто был больше мифом, чем реальностью, больше речами политиков о том, чем является их власть, но не ее реальными возможностями», и все потому, что в «политической сфере непрерывно воспроизводились нарушения: политии и субполитии сохраняли льготы и исключения из законодательства, юридически оформленную защиту их автономий, а субъекты и граждане добивались расширения или сохранения своих исключительных прав и привилегий» (Benton, 2010: 279). В результате для политической и административной сфер раннемодерных государств «специфические формы неполного и частичного суверенитета были столь же обычны, как и акты коррупции, со всеми вытекающими отсюда далеко идущими политическими последствиями» (там же).

Эти далеко идущие политические последствия кратко обрисовал П. Шоню. По его словам, в XVII в. «государства принимают оптимальный размер <…> XVII век обеспечивает торжество государств над империями», поскольку «классическое государство, проигрывая в пространстве, выигрывает в глубине». Это означало, что «классические государства» «не стремятся добавить себе проблем присоединением новых территорий к другим плохо контролируемым территориям и учесть своих теоретически существующих подданных, обеспечивающих ему скорее дополнительные хлопоты, чем могущество» (Chaunu, 1966: 38-39). Не отказываясь на практике от империалистической политики (которая прини-

мает иные формы, не прямые, но косвенные, через выстраивание системы вассальных и патрон-клиентских связей или же баланса сил и интересов), эти государства главное внимание уделяют теперь организации более четкого и эффективного управления уже имеющимися территориями и контроля за населением. На смену «лоскутным», «составным» (*composite*) государствам «долгого XVI века» приходят военно-фискальные государства эпохи абсолютизма.

Этот переход был обусловлен теми проблемами, с которыми столкнулись раннемодерные монархии в деле организации эффективного и. главное, регулярного контроля за территориями и их населением, номинально находившимися под их властью. Отмеченные выше необходимость постоянных согласований верховной властью своих действий с мнением влиятельных местных элит и сохранение за ними немалых прав и привилегий, в том числе и во властной сфере (на местах в особенности) неизбежно вело к росту трений и противоречий между властью и местными элитами, между столицей и провинциями, между необходимостью внесения в существующую систему отношений изменений и стремлением сохранить все как есть. О.А. Дмитриева, анализируя ход парламентских дискуссий в елизаветинские времена между представителями королевской власти и коммонерами относительно финансирования расходов короны, в том числе на военные нужды, отмечала, что палата общин, обсуждая вотирование короне средств на ведение войны, исходя из традиционных представлений о том, что «пока ему [королевству] не угрожала опасность, корона в соответствии со средневековой доктриной таксации должна была обходиться собственными средствами, не посягая на имущественные права подданных, однако, в случае очевидной и признанной обществом угрозы, она с согласия парламента побуждала их внести свой вклад в дело защиты королевства» (Дмитриева, 2021: 850). Однако, во-первых, «для власти основная проблема состояла не в том, чтобы получить согласие палаты общин на субсидии, а в том, чтобы собрать их в условиях нежелания общества платить налог и прочие взносы на военные нужды». Во-вторых, «другой стороной этой проблемы была неадекватность вотируемых парламентом сумм потребностям короны». И хотя английский «истеблишмент» елизаветинской эпохи выступал за активную, если не сказать агрессивную политику по отношению к Испании, палата общин отнюдь не торопилась полностью профинансировать корону для успешной реализации именно такой политики. Больше того, «разрыв между максимальными суммами, которые был готов даровать парламент, и минимальными потребностями воюющего государства неуклонно расширялся в последние годы правления Елизаветы» (Дмитриева, 2021: 851).

Подобного рода ситуация была «привилегией» не только одной лишь Англии. С трудностями столкнулись, к примеру, Карл V, а затем его сын Филипп II в отношениях с нидерландскими элитами и местными представительными органами. Активная внешняя политика Габсбургов, требовавшая колоссальных расходов, не могла не вызвать стремления верховной власти задействовать финансовые ресурсы Нидерландов для противостояния с главным противником Империи – Францией. Однако, как отмечал Дж. Израэль, «Штаты Голландии традиционно придерживались точки зрения, что конфликт с Францией никоим образом их не касается», а потому местный «истеблишмент» полагал чем дальше, тем в большей степени – «император использует Нидерланды в качестве своего главного стратегического бастиона и источника ресурсов, *преследуя цели, которые были жизненно важны для него, но имел мало общего с интересами Нидерландов* (курсив мой. – *Т.П.*)…» (Израэль, 2018: 149). Попытки верховной власти усилить налоговый пресс привели к тому, что местные элиты север-

ных провинций Нидерландов дружно выступили против императора Карла V, обвиняя его в том, что он нарушает условия компромисса, на которых они согласились признать его своим сюзереном (Израэль, 2018: 150). Разрешить конфликт не удалось, в дальнейшем он только нарастал, пока не вылился в открытое противостояние и 80-летнюю войну между Испанией и семью северными провинциями Нидерландов, будущей Голландской республикой.

Однако даже там, где как будто восторжествовал абсолютизм, во Франции, финансовые проблемы при *Ancien Régime* не были решены. Причиной тому, как отмечали Д.Ю. Бовыкин и А.В. Чудинов, было все то же несоответствие существенно выросших в условиях военной революции, обусловленной переменами в тактике и стратегии европейских армий в связи с внедрением в военную практику пороха и огнестрельного оружия (О военной революции см., напр., (Roberts, 1967: 195-225)), запросов короны с возможностями старой, унаследованной от Средневековья системы налогообложения. «Отсюда и парадокс существования бедного государства в богатой стране, и постоянный дефицит средств» (Бовыкин, Чудинов, 2020: 15). Изменить же существующий порядок монархи не могли именно в силу институциональной слабости раннемодерных государств – в конечном итоге партикулярный интерес оказывался сильнее. Потребовались великие потрясения Великой Французской революции, чтобы эта ситуация была изменена.

Общий итог нам известен – как метко заметил П. Шоню, «лоскутные империи» были сменены «классическими государствами». Но не в случае с Россией, которая поэтапно сумела преодолеть трудности, с коими не справились ни Испания, ни Франция, ни Османская империя (самый яркий пример «империи различий»), ни империя Габсбургов, и эволюционировать от «лоскутной империи» последних Рюриковичей в военно-фискальное государство-империю не на словах, но на деле. Причины успеха России там, где другие претенденты на имперский статус были вынуждены отступиться, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Для начала еще одно важное наблюдение, сделанное академиком Н.Н. Покровским. В предисловии к работе Ю.Г. Алексеева об Иване III и его эпохе он писал, что «власть эта [Ивана III] была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве», поскольку «система власти [в Русском государстве] базировалась не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними». По обоснованному мнению историка, «центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины-миры, служилые корпорации-«города» и пр. – *Т.П.*). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны…» (Алексеев, 1991: 5-6).

Нетрудно заметить, что наблюдения, сделанные Н.Н. Покровским относительно характера взаимодействия между властью и обществом (естественно, его верхушкой, но опиравшейся при этом на развитую сеть горизонтальных и вертикальных социальных связей) в молодом Русском государстве (и эти его выводы получили развитие в работах других отечественных историков (Аракчеев, 2014; Бовыкин, 2012) и др.) совпадают в общем и в целом с теми выводами, которые были сделаны специалистами, исследовавшими на протяжении последних десятилетий особенности развития раннемодерных государств. Европейские и азиатские государства «долгого XVI века», не обладая развитой и совершенной властной инфраструктурой, были вынуждены взаимодействовать с местными сообществами, что создавало в итоге серьезные проблемы

в том случае, если интересы власти расходились с партикулярным интересом отдельных сообществ. Эти противоречия, по большому счету, и поставили крест на истории «лоскутных империй» раннего Нового времени. Тем не менее, активное участие местных сообществ и элит в управлении государством (как минимум, на местном уровне) и необходимость верховной власти договариваться с «лутчими людьми» не помешали России (в отличие от той же Испании), не только стать «лоскутной империей» в «долгий XVI век», но и сохранить имперский статус позднее.

И снова длинная цитата – на этот раз одного из крупнейших специалистов по русскому раннему Новому времени, Ю.Г. Алексеева. В одной из своих работ он писал о том, что раннемодерное Русское государство «можно назвать *земско-служилым* – русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья». Характеризуя сущность этого государства, историк подчеркивал, что «*реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России*», но еще более важной его особенностью было то, что «обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – *патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными*». Этот патернализм, указывал Алексеев, «не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом (вот где сказалось отсутствие на Руси той самой римской прививки, о которой писал В.М. Живов. – *Т.П.*)…». Как результат, «*в силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений было не проявлением "бесправия", "восточного деспотизма", а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования* (курсив мой. – *Т.П.*)…» (Алексеев, 2001: 431-433).

Итак, земско-служилое государство, основанное на служилых отношениях и концепте службы (причем этот концепт касался всех сверху донизу, от последнего мужика до самого государя) и патернализме – государь суровый и строгий «отец» для своих подданных, а они – его «дети» (случайно ли посадские люди и крестьяне в челобитных на имя государя называли себя его «сиротами»?). «Отец» ожидал от своих «детей» верной службы и повиновения, а «дети», свою очередь, заботы со стороны «отца». «Его [государя] обязанностью было защищать подданных от врагов на войне и оказывать им благодеяния», – писала Н. Коллманн, – «он должен был покровительствовать церкви, кормить бедных и быть внимательным к тяготам своего народа; от него ожидали, что он будет восстанавливать справедливость и подавать всем пример нравственной жизни» (Kollmann, 2012: 417). Его власть носила в значительной степени неформальный характер и покоилась на удовлетворенности общества, «земли» тем, как «царь-батюшка» исполняет свою часть «общественного договора» – в противном случае в действие вступала триединая формула народного недовольства, артикулированная В. Кивельсон – «совет, челобитная, недовольство, бунт» (Kivelson. 2002: 474), причем верховная власть молчаливо признавала за «землей» право на открытое возмущение. Но если государь соответствовал представлениям «земли» об истинном,

«прямом» правителе, то он мог рассчитывать на поддержку и верность своих подданных даже в самых сложных условиях. В этом отношении характерно правления Ивана IV – после того, как в Москве отбушевали в июне 1547 г. масштабные народные волнения, сопровождавшиеся убийствами и погромами тех, кого посадские люди подозревали в лихоимстве и прочих злодеяниях, остальное время правления грозного царя прошло спокойно, «земля» более не подвергала сомнению царские прерогативы. Больше того, в 1565 и 1566 гг. она выдала ему кредит доверия, поддержав введение опричнины и продолжение Полоцкой войны с Великим княжеством Литовским.

Конечно, в условиях, когда Русское государство развивалось, как и прочие раннемодерные политии, эволюционным путем, пережитки времен удельной старины еще долго давали о себе знать, и партикулярные интересы никуда не исчезали, оказывая порой определенное политическое влияние на действия верховной власти (Шапошник, 2006: 334-337, 340-343). Однако *служебные отношения и «кредит доверия», выданный обществом «прямому» государю, позволял справиться (хотя и не без издержек) с подобного рода проблемами и не только обеспечить, но и поддерживать длительное время необходимый уровень мобилизации ресурсов для ведения войны и осуществления экспансии*, причем сразу на 2,5 «фронтах» – «западном» (литовском), «южном» (крымском) и в Поволжье (где «пацификация» завоеванного Казанского ханства потребовала немалых усилий, трат и времени), – и все это на протяжении более чем трех десятилетий. Уровень напряжения, сравнимый только с испанским, но без золота и специй обеих Индий.

Касаясь генезиса служилых отношений и того самого патернализма, отметим, что, на наш взгляд, их появление и сохранение на протяжении длительного времени было обусловлено общей архаичностью и традиционностью всей системы социальных связей и отношений в русском обществе в эпоху Средневековья и Нового времени. Еще раз подчеркнем: Россия что в XIV, что в XV, что в XVI и в последующие столетия, оставалась аграрным обществом «Первой волны» со всеми присущими ему признаками и характерными чертами. И если на Западе эта архаика была сильно размыта еще в Средневековье развитием городской культуры и влиянием «римской прививки» (во всех ее проявлениях), то в Русской земле – нет. Эта архаичность, консервативность всей социальной системы способствовали формированию эффективных мобилизационных механизмов, причем механизмы работали, опираясь на поддержку и содействие «снизу», ибо, в силу своей бедности, Русское государство в еще меньшей степени, чем страны Западной Европы, обладало соответствующей инфраструктурой власти. В результате эффективное решение стоящих пред властью проблем (размеры и сложность которых только нарастали со временем) было бы невозможно без согласия на это «земли». В ситуации, когда вставал вопрос о том, что важнее, первостепеннее, «прибытки торговые» или же «государская голова, честь и в землях прибытки», выбор «землей» делался в пользу последнего.

Однако не только формирование и развитие институтов земско-служилого государства на протяжении нескольких столетий обеспечило завоевание и сохранение за Россией статуса империи и великой державы. Не менее важной причиной этого было периферийное положение России по отношению к центрам политической, экономической и культурной активности и экспансии в Европе. На это обращал внимание, к примеру, П. Кеннеди в нашумевшей книге «Взлеты и падения великих держав» (Kennedy, 1987: 15) (любопытно, что И. Валлерстайн видел в этой периферийности России несомненный плюс, но с точки

зрения экономики и складывания раннемодерной мир-экономики (Валлерстайн, 2015: 389)).

С военной и геополитической точек зрения эта периферийность России давала ей существенные преимущества перед той же Испанией. П. Кеннеди отмечал, что «в Европе существовало несколько экономических и военно-политических центров», так что «ни один “новый монарх” не мог бы расширить свои владения, не возбудив у соперников желания сделать то же самое», причем все они находились в примерно равных условиях и «никто <…> не мог вырваться вперед и захватить власть на всем континенте» (Kennedy, 1987: 21-22). Сосредоточенные на борьбе за влияние в Европе ведущие европейские монархии, Габсбурги, Валуа-Бурбоны, Тюдоры-Стюарты и пр., не обращали внимания на события, которые происходили на периферии субконтинента. В результате, пока они истощали взаимно силы друг друга в погоне за имперским статусом и господством в регионе, Москва, овладев в конце XV – начале XVI в. «пороховыми» технологиями и имея более эффективную государственную машину, способную лучше мобилизовать скудные ресурсы, чем это могла сделать, к примеру, Литва, получила свой шанс и сполна использовала его. Используя возможности земско-служилого государства и архаизированную социальную структуру, а вместе с ними и слабую заинтересованность европейских держав в событиях на востоке субконтинента (показательна в этом случае беззубая и вялая реакция той же Священной Римской империи на вторжение России в Ливонскую конфедерацию в 1558 г.), Россия сумела пережить болезненный процесс трансформации раннемодерного государства в модерное, который растянулся на пару столетий. К исходу раннего Нового времени (напомним, что мы исходим из того, что раннее Новое время завершается в начале Великой Французской революции) она, нарастив *sinews of power* и добавив к этому ресурсы, захваченные в результате успешной экспансии на периферии субконтинента, она стала империей и великой державой не на словах, а на деле. И фраза, приписываемая канцлеру Екатерины II А.А. Безбородко, «не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела», в известной степени подвела успешный итог длившейся три столетия борьбы России за имперский статус и звание «великой державы».

Литература

Аверинцев, С.С. Другой Рим. СПб.: Амфора, 2005. 364 с.

Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.

Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.

Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

Бовыкин, Д.Ю. Чудинов, А.В. Французская революция. М.: Альнина нон-фикшн: Постнаука, 2020. 468 с.

Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.

Груша, А.И. Кризис доверия? Появление и утверждение документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.) М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 608 с.

Джонсон. А., Эрл, Т. Эволюция человеческих обществ: От добывающей общины к аграрному государству. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.

Дмитриева, О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М.: Квадрига, 2021. 1112 с.

Домников, С.Д. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002. 672 с.

Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Израэль, Дж. Голландская республика. Ее подъем. Величие и падение. 1477-1806. Т. I. 1477-1650. М.: Клио, 2018. 608 с.

Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2019. 180 с.

Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Коллманн, Н.С. Россия и ее империя. 1450-1801. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 783 с.

Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // К. Леви-Стросс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143-501.

Макаров, Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 5-11.

Очерки демографической истории России XI–XXI века. Т. II. XVI–XVII века. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 624 с.

Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.

Салинс, М. Бедняк, богач, бигмен, вождь: политические типы в Меланезии и Полинезии // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 18-41.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.

Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. 708 с.

Феннел, Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.

Цатурова, С.К. Судьбы проекта État moderne в России (заметки участника конференции) // Средние века. Вып. 80 (1). М., 2019. С. 112-121.

Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Чернов, С.З. Микрегиональные исследования сельской Руси XIII–XV веков как форма сопряженного изучения археологических и письменных источников: возможности, проблемы, перспективы // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 16-30.

Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. 569 с.

Barkey, K. Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press. 2008. 342 p.

Bartlett, R. The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350. London: Penguin Books Ltd., 1993. 432 p.

Benton, L. A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900. Cambridge – New York, Cambridge University Press, 2010. 340 p.

Brewer, J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman,1989. 253 p.

Chaunu, P. La Civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 708 p.

Cherniavsky, M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince // Slavic Review, Jun., 1968. Vol. 27. No. 2 (Jun., 1968). P. 195-211.

Clanchy, T.M. From Memory to Written Record. England 1066-1307. Oxford: Blackwell Publishers, 1993. 407 p.

Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. Pp. 48-71.

Franklin, S. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 325 p.

Kennedy, P. The rise and fall of the great powers / Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987. 677 p.

Kivelson, V. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. No. 3. Pp. 465-489.

Kollmann, N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Kollmann, N.S. The Russian Empire. 1450–1801. Oxford: Oxford University Press, 2017. 497 p.

Lietuvos Metrica. Kn. № 6 (1494-1506). Vilnius: LII Leydikla, 2007. 516 p.

Roberts, M. The Military Revolution, 1560-1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1967. Pp. 195-225.

Tilly, Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Oxford, Basil Blackwell, 1990. XI. 269 p.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of all Rus'], Nauka Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma* [Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast i «zemlya» Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and "land" Government policy towards taxable estates in Russia in the second half of the 16th - early 17th centuries], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

Averintsev, S. S. (2005), *Drugoy Rim* [Another Rome], Amfora, St. Petersburg Russia (in Russ.).

Barkey, K. (2008), *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge.

Bartlett, R. (1993), *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*, Penguin Books Ltd., London, UK.

Benton, L. (2010), *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*, Cambridge University Press, Cambridge, New York.

Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI v.* [Local self-government in the Russian state of the XVI century], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bovykin, D. Yu. and Chudinov, A. V (2020), *Frantsuzskaya revolyutsiya* [French revolution], Alpina non-fikshn, Postnauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Chaunu, P. (1966) *La Civilisation de l'Europe classique* [The Civilization of Classical Europe], Arthaud, Paris, France.

Cherniavsky, M. (1968), "Ivan the Terrible as Renaissance Prince", *Slavic Review*, June, 27 (2), 195-211.

Chernov, S. Z. (2008), "Micro-regional studies of rural Rus' in the 13th-15th centuries as a form of conjugated study of archaeological and written sources: opportunities, problems, prospects", *Selskaya Rus v IX – XVI vekakh* [Rural Rus'], Nauka, Moscow, Russia, 16-30 (in Russ.).

Clanchy, T. M. (1993), *From Memory to Written Record. England 1066-1307*, Blackwell Publishers, Oxford, UK.

Dmitrieva, O. V. (2021), *Parlament i politicheskaya kultura Anglii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII v.* [Parliament and political culture of England in the second half of the 16th - early 17th centuries], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Domnikov, S. D. (2002), *Mat zemlya i Tsargorod. Rossiya kak traditsionnoe obschestvo* [Mother Earth and Tsar City. Russia as a traditional society], Aleteya, Moscow, Russia (in Russ.).

Elliott, J. H. (1992), "A Europe of Composite Monarchies in Past & Present", The *Cultural and Political Construction of Europe*, 137, 48-71.

Fennel, D. (1989), *Krizis Srednevekovoy Rusi*. 1200-1304 [Crisis of Medieval Rus'], Progress Moscow, Russia (in Russ.).

Franklin, S. (2004), *Writing, Society and Culture in Early Rus*, 950-1300, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Grusha, A. I. (2019), *Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV – pervaya tret XVI v.)* [Crisis of confidence? The appearance and approval of the document in the Grand Duchy of Lithuania (the end of the 14th - the first third of the 16th century)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Imperskiy povorot v izuchenii istorii Rossii: Sovremennaya istoriografiya: sbornik obzorov i referatov [The Imperial Turn in the Study of Russian History: Modern Historiography: collection of reviews and abstracts]. (2019), RAN INION, Moscow, Russia (in Russ.).

Izrael, D. (2018), *Gollandskaya respublika. Ee podiem. Velichie i padenie. 1477-1806* [Dutch Republic. Her rise. Greatness and fall. 1477-1806], Vol. I. 1477-1650, Klio, Moscow, Russia (in Russ.).

Johnson, A. and Erl, T. (2017), *Evolyutsiya chelovecheskikh obschestv: Ot dobyvayuschey obschiny k agrarnomu gosudarstvu* [Evolution of Human Societies: From Extractive Community to Agrarian State], Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Kennedy, P. (1987), *The rise and fall of the great powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Random House, New York.

Kivelson, V. (2002) "Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom" *The Journal of Modern History*, 74 (3), 465-489.

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. (2023), *Rossiya i ee imperiya. 1450-1801* [Russia and its empire. 1450-1801], Academic Studies Press / Bibliorossika, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2017), *The Russian Empire. 1450–1801*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Levi Stross, K. (2008), "The Wild Thought" ("La Pensée sauvage"), *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya mysl* [Totemism today. The Wild Thought (Totémisme aujourdhui. La Pensée sauvage)], Akademicheskiy proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Lietuvos Metrica [Lithuanian Metrica] (2007), 6 (1494-1506), LII Leydikla, Vilnius, Lithuania.

Makarov, N. A. (2003), "Rus' in the XIII century: the nature of cultural changes", *Rus v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the XIII century: Antiquities of the Dark Age], Nauka, Moscow, Russia, 5-11 (in Russ.).

Ocherki demograficheskoy istorii Rossii XI–XXI veka. T. II. XVI–XVII veka [Essays on the demographic history of Russia in the 11th – 21st centuries] (2022), Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Petrov, K.V. (2008), "Did the Sudebnik of 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev "The Grand-Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century")", *Ocherki feodalnoy Rossii. Vypusk 12.* [Essays on feudal Russia. Issue 12], Alyans-Arkheo, St. Petersburg, Russia, 365-382 (in Russ.).

Roberts, M. (1967), "The Military Revolution, 1560-1660", *Essays in Swedish History*. Weidenfeld and Nicolson, London, 195-225, UK.

Salins. M. (2018), "Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia", *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], 1, 18-41 (in Russ.).

Severny Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii [The North Caucasus as part of the Russian Empire] (2007), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Shaposhnik, V. V. (2006), *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Rossii v 30– 80-e gody XVI veka* [Church-State Relations in Russia in the 30s - 80s of the 16th century], Publishing house of Saint-Petersburg university, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Smirnov, A. A. (1994), "The State of the Fighting Nation" *Rodina*, 9, 34-38 (in Russ.).

Soloviev, S. M. (1991), "History of Russia since ancient times", Vol. 13, *Sochineniya v vosemnadtsati knigakh* [Essays in eighteen books], Book VII, Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Tilly, Ch. (1990), *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*, Basil Blackwell, Oxford, UK.

Tsaturova, S.K. (2019), "The fate of the État moderne project in Russia (notes of a conference participant)", *Srednie veka* [Middle Ages], 80, (1), Moscow, Russia (in Russ.), 112-121 (in Russ.).

Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii [Central Asia within the Russian Empire] (2008), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russ.).

Vallerstayn, I. (2015), *Mir-sistema Moderna. T. I. Kapitalisticheskoe selskoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century], Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii [Western outskirts of the Russian Empire] (2006), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *penskaya@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *penskaya@bsu.edu.ru*

УДК 7.046.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-6**

Ермолович В. В.

Иерархия и соборность: к религиозно-исторической идентичности древлеправославных христиан (Поморское согласие)

Местная религиозная организация «Старообрядческая Поморская община» г. Белгород Древлеправославной Поморской Церкви, пр-д имени протопопа Аввакума, д. 2, стр. 1, г. Белгород, 308009, Россия; *ermolov.v2021@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагаются обзорно-систематические характеристики религиозно-исторической идентичности древлеправославных христиан Поморского согласия, длительно пострадавших в своем стоянии в христианской вере. Обращаясь к основополагающим «Поморским ответам» («Ответам пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита», 1723 г.) и иным документам исторической памяти староверов Поморского согласия, автор указывает на традиционное (старoверное) соборное устроение православной жизни, базовые смыслы народной веры и особенности исторического, византийско-государственного положения церковной иерархии Русского Православия. Намечаются возможные пути устранения разногласий между староверами (старообрядцами) различных согласий и современной Русской Православной Церковью в порядке достижения оптимального соотношения принципов иерархии и соборности в церковной жизни, с учетом философско-богословских рефлексий русских мыслителей-славянофилов.

Ключевые слова: соборность; иерархия; священство; Символ Веры; славянофилы; религиозно-историческая идентичность

Для цитирования: Ермолович В.В. Иерархия и соборность: к религиозно-исторической идентичности древлеправославных христиан (Поморское согласие) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 69-79. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-6

V. V. Yermolovich

Hierarchy and ‘Sobornost: Toward the Philosophy of Religious Identity of Old Orthodox Believers (Pomorian Church)

Pomorian Old Believers Community, Belgorod Old Orthodox Pomorian Church, bld. 1, 2 Archpriest Avvakum Drv., Belgorod, 308009, Russia; *ermolov.v2021@mail.ru*

Abstract. The article offers an overview and systematic characterisation of the religious and historical identity of the Old Orthodox Christians of the Pomorian concord, who suffered for a long time in their standing in the Christian faith. Turning to the fundamental "Pomor answers" ("Answers of the hermits to the questions of Hieromonk Neofit", 1723) and other documents of historical memory of the Old Believers of the Pomor concord, the author points out the traditional (Old Believer) cathedral organisation of Orthodox life, the basic meanings of the people's faith and the peculiarities

of the historical, Byzantine-state position of the church hierarchy of Russian Orthodoxy. Possible ways of eliminating the disagreements between the Old Believers (Old Believers) of various concordances and the modern Russian Orthodox Church are outlined in order to achieve an optimal correlation between the principles of hierarchy and sobornost in church life, taking into account the philosophical and theological reflections of Russian Slavophile thinkers.

Key words: sobornost; hierarchy; priesthood; Creed; Slavophiles; religious identity

For citation: Yermolovich V. V. (2023), "Hierarchy and 'Sobornost': Toward the Philosophy of Religious Identity of Old Orthodox Believers (Pomorian Church)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 69-79, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-6

Введение

Исследование образа веры и жизненных устоев древлеправославных христиан Поморского согласия весьма оживилось в последние три десятилетия, на рубеже XX и XXI вв. Публикуются основополагающие документы, происходит гармоническое восполнение социально-экономической и политической истории России сведениями о важных моментах участия в ней староверов-поморцев. Еще только намечаются систематические философско-теологические исследования поморского письменного наследия (в том числе сравнительный анализ разного рода достижений тех, кто изучает установки и формы дониконовского православия и поморских ответов на вызовы никонианства). Мало проясненными остаются глубинные области вероучительного и жизненного опыта поморских древлехристиан, изложенные в обширных «Поморских ответах» – своего рода учительном, диалогическом компендиуме Древлеправославия (точное название – «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита»)[1]. Хорошо известно, что в этих ответах на сто шесть вопросов иеромонаха Российской Православной Церкви много внимания уделено старому богослужебному чину; однако существенным является здесь обращение к началам христианской веры на переломе эпох, в конце XVII – начале XVIII вв., их ясная выверка по трудам духовных писателей (М. Грека, Кирилла и других). Как указывал В.Г. Сенатов, «сочинения братьев Денисовых и других выговских пустынножителей поражают изяществом слога, разнообразием и глубиною догматических, канонических и церковно-исторических знаний, пониманием человеческой жизни. В литературном и фактическом отношениях они не ниже, если не выше, самых первых тогдашних писателей господствующего исповедания Феофана Прокоповича и Димитрия Ростовского <…> диалектические приемы, склонность к схоластике, философствованию, – все это весьма ярко бросается в глаза как в сочинениях самого Андрея Денисова, так и его брата Симеона и других выговских писателей. В числе книг, вышедших из Выговского монастыря, здесь сочиненных или только переписанных, встречаются и чисто философские сочинения. Начала образованности, в смысле приемов правильного логического мышления и грамматической речи, в среде старообрядческой распространялись быстрее и глубже, чем в

[1] Ключевое издание: (Филиппов, 1862), переизданное по рукописи в 2005 г. (М.: Третий Рим); см. также: (Маркелов, 2004) и др. Жанр «ответов» весьма соответствовал стилистике древлеправославного мышления, ориентированного на ясность как богословского, дидактического, так и философского, риторико-топологического характера. См., напр: (Кожурин, 2007; Юхименко, 2002; Юхименко, 2008; Юхименко, 2019).

среде господствующего исповедания» (Сенатов, 1908, 1: 34). На подступах к исследованиям поморского письменного наследия важно, на мой взгляд, принять во внимание те общие места, без которых не обойтись при построении методологий, которые были бы познавательно эффективными для уточнения религиозно-исторической идентичности древлехристиан, их опыта познавательно ответственного самопонимания, или, по слову В.Г. Сенатова, «особого упругого характера, как в жизни бытовой, так в религиозной и общественной» (Сенатов, 1908, 1: 32).

Соборность как духовное единение, общение в братстве и любви

Понятие соборности стало своего рода речевым маяком Русского Православия – его особенным вкладом в герменевтику единой, сообщаемой в Слове Божием христианской веры. «Соборность» – это творческий перевод-аналог позднеэллинского «καθολικός» (всеобщный); впрочем, еще в языке Аристотеля можно было встретить «καθολικῷ λόγῳ» как «общее правило» или, буквальнее, «всеобщее слово», а у Секста Эмпирика – «καθολικότεροι λόγοι» как «общие места», «вселенские слова»; «История» Полибия именно κἀθολικός «всеобщная» речь о произошедшем и случившемся, и т.д. (Дворецкий, 1958: 853). Речевую, онтологическую смысловую перспективу слова «κἀθολικός» и проявляет переводное слово «соборность». Верующие в Единую, Святую и Соборную Церковь тем сам оказываются ясно, «право» и вселенски призванными в общение[2].

А.С. Хомяков, обстоятельно размышлявший о семантике слов «кафолический» и «соборный», особенно указывал на онтологическое усиление смысла при переводе греческого слова «καθολικός» на язык русский: «слово καθολικός (из κατὰ и ολα, с подразумеваемым ἔθνη – народы, или другим однородным существительным) может иметь и значение всемирности; но я утверждаю, что не в таком смысле было оно понято Славянскими первоучителями. Им и на мысль не пришло определить Церковь географически или этнографически; такое определение, видно, не имело места в их богословской системе. Они остановились на слове *соборный; собор* выражает идею собрания не только в смысле проявленного видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею *единства во множестве*» (Хомяков, 1886: 326). Это единство не абстрактно, не математично; ему «основанием служит не научный рационализм и не произвольная условность учреждения, а нравственный закон взаимной любви и молитвы» (Хомяков, 1886: 253): иными словами, это «единство, в котором, при всем различии в степени иерархических полномочий на совершение таинств, никто не порабощается, но все равно призываются быть участниками и сотрудниками в общем деле, словом – единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению». Словом, «таково единство Церкви» (Хомяков, 1886: 253).

Понятие соборности, с его глубинным, исконным церковным смыслом, далекое от наносного интеллектуализма, как известно, привлекало несколько поколений русских мыслителей, от А.С. Хомякова до В.С. Соловьёва; довольно сильно разнящихся по своим философским и богословским предпочтениям Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова,

[2] Прояснение это происходит, насколько можно судить, в начале второго тысячелетия христианской истории: в Загребской Кормчей книге 1262 г., в Символе веры уже можно встретить «единая соборная и апостольская церковь», а не «единая католическая и апостольская церковь». На Руси вплоть до XIV в. применялось только транслитерированное «католическая» («кафолическая») или использовались буквальные (и потому неточные) абстрактные славянские «двойники» слова – «вселенская» и «всеобщая». См., напр: (Гезен, 1884).

Н.Ф. Фёдорова и Н.А. Бердяева и др.[3] Впрочем, в истории философии соборности немало и попыток некоторой партийной узурпации понятия, представления его как славянофильского, национального. Между тем, как уточнял А.С. Хомяков, Церковь Соборная «есть Церковь "согласно всему" или "согласно единству всех"» (Хомяков, 1994: 242); это «Церковь свободного единодушия, единодушия совершенного, Церковь, в которой нет больше народностей, нет ни греков, ни варваров, нет различий по состоянию, нет ни рабовладельцев, ни рабов» (Хомяков, 1994: 242). Соборность не есть исключительно *идея* русской мысли XIX-XX вв.; в своей смысловой глубине, на которую указывает и А.С. Хомяков, она есть онтологическое условие староверия, «старообрядчества», которое сумело жить под историческим спудом, вопреки всем стремлениям (особенно со времени Петра I) структурировать, переиначить его – подчинить его идее монархо-синодального иерархизма. Идеологическое пленение этого онтологического понятия не было полным и вечным. К XIX столетию власть монархо-синодального иерархизма как идеи, убийственной и неприемлемой для Церкви Бога Живаго, ослабилась в государственной же идеологии православия, самодержавности и народности; тупиковыми при этом оказывались искания автономных смыслов или носителей этих *идей* – в том числе и философскими партиями, когда, например, крестьянская община со славянофильским энтузиазмом объявлялась источником народности и т.п.

Основой «соборной» философии познания славянофилов стало *представление* о вере как своего рода собирающем начале личности, принципиально неединственной и принципиально не повторимой, просветившейся со Христом и о Христе, – вере, основанной на любви к Богу и исполнении Его заповедей. Однако ни вера, ни соборность не являются некими автономными идеями или подобными им познавательными представлениями. Соборность – понятие, которое, строго говоря, не имеет никакого социального референта; это понятие – «общее место» речи христианина, его историчный топос, не столько означающий, сколько выражающий *согласие* – единство, целостность Церкви, при котором все вошедшие в общение о Христе Боге единятся под водительством Её Главы, Исуса Христа. Такое понимание соборности отстаивал, можно думать, святой протопоп Аввакум, для которого обряды – плоть веры, ее зримая действительность и определенность, несводимая, однако, к существу веры. Заботы Аввакума о своих последователях, о крепости старой веры делали его признанным наставником староверия, историчность которого событийна и может быть понята прежде всего в связи с исполнением воли людей к общению, добротному и добровольному церковному соединению на основе любви к Богу и друг к другу о Бозе Спасе.

Коротко говоря, соборность – это общение людей в вере и любви, держание собора со всеми – в полноте онтологических координат, ключевым при этом является церковный собор со Христом. Соборность для христианина, его личности, – нетленная, исконная жизненная ценность. Исторически ей противостоит раскол, рассогласование соборности – во внесоборной, внецерковной иерархии «всеобщих ценностей», ценностного универсализма, который чаще всего оказывается неуниверсальным, проявлением некоего познавательного своенравия и властным обособлением носителей иерархии от исконной соборности, которой иерархия в состоянии раскола противостоит, или которую вольно или невольно эксплуатирует.

Онтологические смыслы «обрядовой ломки»

Церковные реформы Патриарха Никона исторически вполне показали цену его

[3] Из новых работ о дискуссиях и истории понятия см.: (Задорнов, Кырлежев, Ореханов, 2013; Хондзинский, Кырлежев, 2019; Лурье, 2020; Гайда, 2022).

онтологического беспамятства: своенравная и внешне обоснованная иерархическая «обрядовая ломка» по существу была переустройством девятого элемента Символа Веры – «И во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь», – в котором не случаен самый *порядок* следования, в котором апостолическая иерархия, будучи важной, оказывается только четвертой характеристикой Церкви Христовой. Такая реформа оказалась отходом от основополагающей христианской установки на соборность, ее идейно-политическим обмирщением и искажением, привела к нарушению жизненного единства Церкви. В.Г. Сенатов обоснованно пишет, что инициированная Никоном «чисто обрядовая ломка была только покрышкой, или только обдуманным церковно-политическим ходом. Внутреннее содержание реформы заключалось в новом начале относительно самих основ церковной жизни и управления <…>. Он желал быть самодержцем в церкви, бесконтрольным, безответственным и верховным распорядителем церковной жизни. В этих домогательствах Никоном руководило не одно властолюбие, но и своеобразное понимание церковной жизни» (Сенатов, 1908, 2: 40-41, 53).

Жизненно опасным, смертельным для церковной жизни становится то, что «вводя единоличное “самодержавное” начало в церковную жизнь, Никон давал понять, что народная вера и благочестие держатся и действуют не Духом Божиим, а властью, что свободная вера должна быть заменена полицейским послушанием, добровольное благочестие – государственным режимом. Против этой замены свободой христианской жизни патриаршим или иерархическим произволом, против этого подавления священнейших человеческих прав, дарованных Духом Божиим и освященных кровью Христовой, восстали и возмутились первые вожди старообрядчества» (Сенатов, 1908, 2: 70).

Незыблемо соборная, Церковь является прежде всего всецелым единством всех верующих, самим Телом Христовым, порядок устроения которого есть порядок единства каждого во всех, и каждого, и всех в едином строе всего организма. Церковь, будучи соборной, тогда и Апостольская: святые Апостолы, называемые Им друзьями, следуя Его путем, вослед Ему и вместе с Ним, благовествовали всем народам; они через своих преемников, иерархическую *преемственность*, донесли до нас Слово Божие. Символ Веры, указывая на необходимые смыслы устроения Церкви, не связывает иерархию с какой-то особой миссией спасения «не видевших и уверовавших», а только с их просвещением. В таком следовании Символу веры просвещены и православные староверы, не допуская никакого раскола соборности и иерархии, возражая каким бы то ни было попыткам сугубого признания авторитета высшего иерарха, решительно отстаивая соборный *порядок* принятия церковных решений, с безусловным уважением к различным точкам зрения. «Соборность не есть собрание одних епископов <…>. Единство верующих, всех вообще, без всяких разграничений между епископом и мирянином в деле веры и благодатного общения всех с Богом, – именно это единство есть действительная соборность <…> Равночестность и равномерность в Духе Святом каждого верующего перед всеми и всех перед каждым, – вот истинное и полнейшее выражение соборности» (Сенатов, 1908, 2: 68-69).

Поморская тропа «отцов духовных»

Старообрядчество означает убежденность в том, что устроение Церкви совершается отнюдь не вследствие повиновения некоей овнешненной или автономной иерархической власти внутри Церкви; такому разделенному мышлению противостоит понимание того, что единство «Пути, Истины и Жизни» достигается в соборном устроении Вселенской Церкви как общины.

Весьма поучительным примером следования такому пониманию стало историческое наставничество Семена Денисова, который обосновывал необходимость неукоснительного соблюдения «соборного» начала, особенно тогда, когда им

начинает пренебрегать и тем самым угнетает его политически ангажированная иерархия. Устраиваемое духовно, при опытном наставничестве братьев Денисовых, Выговское общежительство не предполагало никакого согласия с самодержавием «грозных владык епископов»; вопреки искушениям и фактам лживо-самодержавного попустительства иерархии совершалось умное стояние в вере – оплотом Господней благодати становилось «святое равноапостольское собрание общины» (Поморские ответы).

Вопрос о священстве остался открытым, непростым вопросом исторического опыта староверов, в котором неприемлемой, разрушительной и тем опасной для церковного устроения является нераскаянная ложь «новоообрядных» священников, осознанно или бессознательно живущих в никонианском иерархическом согласии, под никонианской «покрышкой» самовластья и богословского самочиния. I Всероссийский Собор староверов-поморцев, понимая важность священства для восстановления единства Церкви Христовой, согласился в том, что «наших отцов духовных не следует считать простецами, так как они получают, по избрании приходом и по благословению другого отца духовного, преемственно передаваемую благодать Святого Духа на управление церковью»[4] (Уложение Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев).Увы, по слову председательствующего на том Соборе Л.Ф. Пичугина, староверы «разнятся между собой из-за нового священства и крещения, от нового священства произошедшего. От этого происходят жаркие споры между самих же старовервцев, но к обоюдному соглашению, к великому сожалению, и по настоящее время прийти не могут» (Пичугин, 2004: 13).

На Всероссийском Соборе новообрядческой (Русской Православной) Церкви, который состоялся в 1917-1918 гг., спустя чуть менее десятилетия спустя после Собора староверов-поморцев и впервые после двух с половиной столетий синодальной паузы, началось своего рода возвратное реформирование – возвращение к соборным началам церковной жизни и управления, что фиксировалось в новой редакции Устава церкви (соборная подотчетность и выборность епископата, широкое участие членов церковных общих во всех делах Церкви) и т.д. Наставники Поморской церкви сразу откликнулись на начавшиеся перемены: на нижегородском соборе 1926 г. ими была выработана рекомендация о восстановлении в Поморской церкви института священства в его соборно-иерархической полноте, с принятием всех именований и исконных прав, – в порядке принятия священников и епископов уже рукоположенных, или избрания таковых из чиста своих наставников (Мельников, 2009). Но история внесла свои поправки в этот процесс. Из обширного множества определений и решений Собора, оставшихся за пределами последующей исторической действительности жизни Русской Православной Церкви (и по сию пору актуальных), самая трудная судьба оказалась как раз у соборности как основания церковной жизни (Обозный, 2018: 45-50). На сравнительно недавнем III Всероссийском соборе староверов-поморцев[5] не было высказано одобрение попыткам поиска «благочестивого священства»; утвердилось мнение о поверхностности таких поисков, которые велись в Древлеправославной Поморской Церкви некоторыми ее общинами; исторический компромисс, который претерпело церковное основоположение о соборности, привело к пониманию того, что эти поиски исчерпали свой потенциал.

[4] Уложение Первого Всероссийского Собора христиан-поморцев, приемлющих брак, л. 2 [электронный ресурс] URL: https://samstar-biblio.ucoz.ru/load/112-1-0-700 (дата обращения 10.06.2022)

[5] См.: Деяния Третьего Всероссийского Собора Древлеправославной Поморской Церкви. СПб.: Церковное издание, 2008. 216 с.

Историки Православия и филологи, исследовавшие наши древности, сделали свое дело: нет сомнения в том, что никонианство не было проектом просветительским; оно затемняло и искажало православную традицию некоторой игрой в правду, было, скорее, парадоксальным фарисейством – хитроумной церковно-политической игрой, имевшей трагические последствия. В этом следовало бы каяться, но покаяние – перемена ума, следствие глубинного церковного общения, а не послушание по принуждению. Такого общения покамест нет; требуется пока что уяснение философских подступов к этому новому богословскому и церковному общению в полноте уже состоявшегося исторического опыта. Менее всего речь может идти о каких-то экуменических компромиссах или взаимных уступках. Философские подступы к такому общению проясняются не путем релятивизации или забвения исторических фактов; дело обстоит совершенно иначе. Как по-своему проницательно заметил Н.А. Бердяев, философы «слишком мало внимания» обращали на проблему лжи. Как возможно общение в мире, который «захлебывается от лжи»? Когда «наибольшее значение имеет ложь социальная, утверждаемая как долг», которая «заполняет жизнь государств и обществ, поддерживает цивилизацию <…> ею гордятся, как предохранением от распада и анархии»? Время практической философии, которая проясняла бы и обосновывала, что «свобода есть начало, противоположное лжи. И подлинное освобождение человека есть освобождение от власти лжи». И что «даже если весь мир заражен ложью, то все-таки есть Истина, чистая от всякой запятнанности ложью, и в борьбе против лжи мы должны соединиться с этой Истиной. Личная совесть определяет наше отношение к этой высшей Силе-Истине, но это не есть совесть, изолированная от других людей, это есть совесть, проникнутая чувством духовного братства людей, братства в Истине, а не во лжи» (Бердяев, 1939: 279).

Жизненной для староверов-поморцев была и остается тропа неложного исповедания веры, которое требует все нового духовного просвещения истинным светом Иисуса Христа, новых старых «поморских ответов» на накопившиеся вопросы нашего жизненного устроения и нашей крепкой деятельной веры в то, что «Его же царствию *несть* конца». Памятуя о девятом элементе Символа веры, актуально вспомнить и седьмой – выделить и напомнить значимое в нем, и не убояться лжи, источника страхов и разобщенности, расколотости и неволи.

Староверы-поморцы сохраняют общность, основанную на нравственном осознании церковной свободы, равенства и братства во Христе. Именно самобытность их жизни, в которой отчетливы стремления к единству, святости, соборности, духовному наставничеству, служит нам сегодня ориентиром для устроения исконного православного общества. Историческое примирение с реформами с церковными реформами патриарха Никона и их последствиями невозможно уже в силу того, что в этом случае угнетены будет именно нравственные опоры их древлеправославного самопонимания. Это обстоятельство укрепляет строгую позицию последователей старой веры в дискуссии с представителями Русской Православной Церкви, стремящимися к скорейшему уврачеванию раскола, юридически уже как будто изжитого, но не изжитого именно нравственно. В постсоветский период наметилось определенное сближение позиций Московского Патриархата и некоторых староверческих согласий; однако реальная перспектива объединения верующих остается по-прежнему только утопией, малоуместной мечтой, которая чревата не полнотой общения, а единой иерархической церковной структурой, преследующей свои «корпоративные» интересы, в некотором абстрактно-иерархическом предпочтении «любви к дальнему» (С.Л. Франк), которая может быть нивелирована субординативной конкретностью иерархических структур. Дело может идти

прежде всего (и пока что только) о духовном единстве, в непреложном минимуме жизненного общения, «ибо где двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них» (Мф 18,20). Освоив христианскую философию такого общения, можно будет приступить и к новому богословию старообрядчества, потребность в котором испытывают прежде всего и более всего сами старообрядцы-поморцы (будет ли такое богословие и богословием тех, кто травмирован или увлечен никонианским образом мышления, – пока что вопрос совсем праздный).

Заключение

Религиозную идентичность старообрядчества как «старообрядчества» нужно искать не в обрядах и не в замене одного обряда другим, а в самом смысле христианской народной веры и в исконном положении иерархии, разумно и ответственно усваиваемой через онтологическую фактичность обряда. Избегая чрезмерного иерархического давления духовенства на общины, ее члены самой своей жизнью соизмеряют византийско-государственные иерархические образцы и исторические практики их применения, основываясь на авторитете Священного Писания, суждения Святых Апостолов, мужей Апостольских, Отцов и Учителей Церкви (Сенатов, 1908, 2: 86). В своем существе религиозно-историческая идентичность старообрядцев-поморцев определяется, прежде всего, основоположением соборности, упрочение и осмысление которого является философско-богословским горизонтом современного нового богословия старой веры.

Литература

Бердяев, Н.А. Парадокс лжи // Современные записки. LXIX. Париж. 1939. С. 272-279.

Винокурова, Э.П. О художественном наследии Выго-Лексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса) // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.). Вып. 2. М.: Языки славянских культур, 1994. С. 139–162.

Гайда, Ф.А. «Соборность»: к вопросу о понимании термина в общественных кругах России в XIX – первой четверти XX вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1 С. 17–40.

Гезен, А.М. Очерки и заметки из области филологии, истории и философии. Вып. 1. История славянского перевода символов веры: критико-палеографические заметки; с приложением 4 снимков. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1884. 128 с.

Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.

Журавель, О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: СО РАН, 2013. С. 14–18.

Задорнов, А., Кырлежев, А., Ореханов, Г. О термине "соборность" в Символе веры и истории // Нескучный сад [Электронный журнал]. 30.01.2013. URL: http://www.nsad.ru/articles/sobornost-slovo-kotorogo-net-v-simvole-very (дата обращения 10.01.2023)

Кожурин, К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси. СПб.: Питер, 2007. 320 с.

Лазарев, С.Е., Курдюмов, О.Г. Церковный раскол XVII века в произведениях русской живописи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. Вып. 36. № 19 (216). С. 77-83.

Лурье, В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2020. № 1. С. 72-88.

Маркелов, Г.В. Писания выговцев: [Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома]. Каталог-инципитарий. Тексты / ред. Новикова О.Л. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 422 с.

Мельников, Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. СПб.: Лествица, 2009. 568 с.

Обозный, К.П. К вопросу о несостоявшейся рецепции определений Поместного Собора в 1917-18 гг. в практике церковной жизни Русской Православной Церкви Московского Патриархата // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: Мат-лы IX междунар. науч.-богосл. конф., посвящ. 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви, 28-29 сентября 2017 года. СПб.: Изд-во СПбДА, 2018. С. 45-50.

Панченко, Ф.В. «Древо высоко от земли возрасте»: выговские настенные листы с изображением родословия братьев Денисовых //

Труды отдела древнерусской литературы. Т. 64. СПб.: Росток, 2016. С. 734-768.

Панченко, Ф.В. Рукописи Ивана Евстафьева Второго в Библиотеке РАН: (Материалы к истории родословия братьев Денисовых) // Материалы по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2013. С. 143-186.

Поморские ответы. М.: Криница, 2016. 407 с.

Понырко, Н.В. Эстетические позиции писателей Выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII век: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1994. С. 104-112.

Пичугин, Л.Ф. Старая вера. Апологетическое исследование. 3–е изд. М.: Издание Российского Совета Древнеправославной Поморской Церкви, 2004. 96 с.

Сенатов, В.Г. Философия истории старообрядчества. Вып. 1, 2. М.: Т-во типо-литографии И.М. Машистова, 1908. 104 с., 95 с.

Успенский, Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры., 1994. С. 333-367.

Филиппов, И.Ф. История Выговской старообрядческой пустыни: издана по рукописи Ивана Филипова, с соблюдением его правописания, 11 портр. знаменитых старообрядцев и 2 видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1862. XIV, 480, V с.

Хондзинский, П.В., Кырлежев, А.И. Соборность в русской богословской традиции // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 427-440. DOI: 10.21638/spbu28.2019.307

Хомяков, А.С. Еще несколько слов Православного Христианина о западных вероисповеданиях по поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. 3-е изд. М.: Университетская типогр., 1886. С. 169-262.

Хомяков, А.С. Письмо к редактору «L'Union Chrétienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. 3-е изд. М.: Университетская типогр., 1886. С. 319-328.

Хомяков, А.С. Полемические сочинения на французском языке // Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. М.: Моск. философский фонд; изд-во «Медиум»; ж-л «Вопросы философии». Т. 2. 1994. С. 25-308.

Юхименко, Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: монография. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1-2. 544 с., 490 с.

Юхименко, Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: в 2 т. / науч. ред. Н.В. Понырко. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1-2: 688 с., 567 с.

Юхименко, Е.М. «Слава Богу за все!»: Переписка И.Н. Заволоко и М.И. Чуванова (1959–1983): 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2019. 263 с.

References

Berdyaev, N. A. (1939), "The paradox of lies", *Annales contemporaines*, [Contemporary Annals], LXIX, Paris, 272-279 (in Russ.).

Dvoretsky, I. H. (1958), *Drevnegrecvheskorusskiy slovar. Tom 1.* [Ancient Greek-Russian dictionary], 1, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, Moscow, Russia, (in Russ.).

Filippov, I. F. (1862), *Istoriya Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni: izdana po rukopisi Ivana Filipova, s soblyudeniyem yego pravopisaniya, 11 portretov znamenitykh staroobryadtsev i 2 vidami Vygovskikh muzhskogo i zhenskogo obshchezhitel'nykh monastyrey* [History of the Vygov Old Believer Hermitage: published based on the manuscript of Ivan Filipov, observing his spelling, 11 portraits of famous Old Believers and 2 types of Vygovsky male and female cenobitic monasteries], Edition by D. E. Kozhanchikov, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Gaida, F. A. (2022), "Sobornost": on the question of understanding the term in public circles in Russia in the 19th – first quarter of the 20th centuries, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 6 (1), 17-40 (in Russ.).

Gezen, A. M. (1884), *Ocherki i zametki iz oblasti filologii, istorii, i filosofii Vypusk 1. Istoriya slavyanskogo perevoda simvolov veruy: kritiko-paleograficheskie zametki s prilozheniem 4 snimkov* [Essays and notes from the field of philology, history and philosophy. Vol. 1. History of the Slavic translation of creeds: critical and paleographic notes; with 4 pictures attached], Printing house of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Khomyakov, A. S. (1886), "A few more words from an Orthodox Christian about Western faiths regarding various Latin and Protestant writings on objects of faith", *Full composition of writings*, vol. 2, 3rd ed., University Printing House, Moscow, Russia, 169-262 (in Russ.).

Khomyakov, A. S. (1886), "Letter to the editor of '*L'Union Chrétienne*' on the meaning of the words 'catholic' and 'soborny' regarding the speech of Father Gagarin, the Jesuit", *Full composition of writings*, vol. 2, 3rd ed., University Printing House, Moscow, Russia, 319-328 (in Russ.).

Khomyakov, A. S. (1994), "Polemical works in French", *Works in 2 volumes*, vol. 2, Moscow Philosophical Foundation; publishing house "Medium"; magazine "Voprosy filosofii", Moscow, Russia, 25-308 (in Russ.).

Khondzinsky, P. V. and Kyrlezhev, A. I. (2019), "Sobornost' in the Russian theological tradition", *Issues of Theology*, 1 (3), 427-440 https://doi.org/10.21638/spbu28.2019.307 (in Russ.).

Kozhurin, K. Ya. (2007), *Dukhovnyye uchitelya sokrovennoy Rusi* [Spiritual teachers of hidden Rus'], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lazarev, S. E. and Kurdyumov, O. G. (2015), "Church schism of the 17th century in works of Russian painting", *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: History. Political Science*, iss. 36, no. 19, 77-83 (in Russ.).

Lurie, V. M. (2020), "'Sobornost': the emergence of the term and concept in the works of Pseudo-Khomyakov", *Studia Religiosa Rossica: scientific journal about religion*, 1, 72-88 (in Russ.).

Markelov, G. V. (2004), *Pisaniya vygovtsev* [Writings of the Vygovites: (Writings of Pomeranian Old Believers in the Ancient Repository of the Pushkin House), Catalog-incipitary, in Novikova, O. L. (ed.), Dmitry Bulanin, St. Petersburg, (in Russ.).

Melnikov, F. Ye. (2009), *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoy (staroobryadcheskoy) tserkvi* [A Brief History of the Old Orthodox (Old Believer) Church], Lestvitsa, St. Petersburg, (in Russ.).

Obozny, K. P. (2018), "On the issue of the failed reception of the definitions of the Local Council in 1917-18, in the practice of church life of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate", *Proc. 9th international scientific and theological conf. dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the martyrdom and confessional feat of the Russian Orthodox Church, September 28-29, 2017 "Current issues of modern theology and church science",* Publishing House of St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, 45-50, (in Russ.).

Panchenko, F. V. (2016), "'A tree high from the ground in age': Vygov wall sheets depicting the genealogy of the Denisov brothers", *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 64, Rostock, St. Petersburg, Russia, 734-768 (in Russ.).

Panchenko, F. V. (2013), "Manuscripts of Ivan Evstafiev the Second in the Library of the Russian Academy of Sciences: (Materials on the history of the genealogy of the Denisov brothers)" *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisey BAN* [Materials and communications on the funds of the Manuscripts Department of the Library of the Academy of Sciences], Publishing house of the Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, 143-186 (in Russ.).

Pomorskiye otvety [Pomeranian answers] (2016), Krinitsa, Moscow, Russia (in Russ.).

Ponyrko, N. V. (1994), "Aesthetic positions of writers of the Vygov literary school", *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: XVII vek: Raznyye aspekty issledovaniya* [Book centers of Ancient Rus': 17th century: Different aspects of research], Nauka, St. Petersburg, Russia, 104-112 (in Russ.).

Pichugin, L. F. (2004), *Staraya vera. Apologeticheskoye issledovaniye* [The Old Faith. Apologetic research], 3rd ed., Publication of the Russian Council of the Ancient Orthodox Pomeranian Church, Moscow, Russia, (in Russ.).

Senatov, V. G. (1908), *Filosofiya istorii staroobryadchestva* [Philosophy of the history of the Old Believers], vol. 1-2, I. M. Mashistov Typolithography Partnership, Moscow, Russia (in Russ.).

Uspensky, B. A. (1994), "Schism and cultural conflict of the 17th century" *Selected works*, vol. 1, Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia, 333-367 (in Russ.).

Vinokurova, E. P. (1994), "On the artistic heritage of the Vygo-Leksinskaya Old Believer hermitage (state of the issue)", *Staroobryadchestvo v Rossii XVII-XVIII vekov* [Old Believers in Russia (17ht-18th centuries)], iss. 2, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, 139-162 (in Russ.).

Yukhimenko, E. M. (2008), *Literaturnoye naslediye Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva* [Literary heritage of the Vygov Old Believer hostel]: in 2 volumes, in Ponyrko, N. V. (ed.), Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, (in Russ.).

Yukhimenko, E. M. (2019), *«Slava Bogu za vse!»: Perepiska I.N. Zavoloko i M.I. Chuvanova (1959–1983)* ["Thank God for everything!": Correspondence of I. N. Zavoloko and M. I. Chuvanova (1959–1983)], 2nd ed., Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, (in Russ.).

Yukhimenko, E. M. (2002), *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn. Dukhovnaya zhizn i literature* [Vygovskaya Old Believer Hermitage. Spiritual life and literature], volumes 1-2, Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, (in Russ.).

Zadornov, A., Kirlezhev, A. and Orekhanov, G. (2013), "About the term 'sobornost' in the Creed and History", *Neskuchny Sad* [Electronic journal], available at: http://www.nsad.ru/articles/sobornost-slovo-kotorogo-net-v-simvole-very (Accessed 10 January 2023) (in Russ.).

Zhuravel, O. D. (2013), *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII –nachala XXI veka. Temy, problemy, poetika* [Literary creativity of the Old Believers of the 18th – early 21st centuries: Themes, problems, poetics], SO RAS, Novosibirsk, Russia, 14-18 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ермолович Вячеслав Васильевич, кандидат технических наук, магистр теологии, председатель Белгородской общины староверов-поморцев, местная религиозная организация «Старообрядческая Поморская община» г. Белгород Древлеправославной Поморской Церкви, пр-д имени протопопа Аввакума, д. 2, стр. 1, г. Белгород, 308009, Россия; *ermolov.v2021@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Vyacheslav V. Ermolovich, Candidate of Technical Sciences, Master of Theology, Chairman of the Belgorod Community of Old Believers-Pomeranians, Local religious organization "Old Believer Pomeranian Community" Belgorod Old Orthodox Pomorian Church, bld.1, 2 Archpriest Avvakum Drv., Belgorod, 308009, Russia; *ermolov.v2021@mail.ru*

УДК 7.01:74/76 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-7**

Першина И. Л. **Эстетика аттрактивности в архитектуре (динамические смыслы)**

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова»,
ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; *irina.pershina@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагаются обзорные характеристики семантического поля понятия аттрактивности; обосновывается методологическая уместность понятия для исследований в области философии архитектуры и в связи с концептуально-эстетическими аспектами архитектурного проектирования. Показывается, что архитектура как целостное и творческое явление в своей эстетической динамике не сводима к чистой объективности стандартизирующих архитектурных парадигм. Ставится вопрос об эстетике взаимодействия, множественного соприсутствия различных участников архитектурной среды, ее в пределе неисчисляемых «аттракторов», доминантных аттрактивных структур и стилистически взаимных архитектурных влечений (как со стороны архитектора и его опыта, так и других участников культурно незавершенной, открытой архитектурной среды). Автор статьи рассматривает этот вопрос, аргументируя к перформансу как практике аттрактивности в градостроительной среде; при этом уточняются условия возможности и перспективы исследовательской (эстетико-эпистемологической) установки на перформанс.

Ключевые слова: философия архитектуры; аттрактивность; эстетика аттрактивности; архитектурный перформанс; смысловая динамика аттрактивности; событийные смыслы аттрактивности

Для цитирования: Першина И.Л. Эстетика аттрактивности в архитектуре (динамические смыслы) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 80-87. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-7

I. L. Pershina **Aesthetics of attractiveness in architecture (dynamic meanings)**

Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia;
irina.pershina@mail.ru

Abstract. The article offers an overview characteristic of the semantic field of the concept of attraction; it substantiates the methodological relevance of the concept for research in the field of philosophy of architecture and in connection with conceptual and aesthetic aspects of architectural design. It is shown that architecture as a holistic and creative phenomenon in its aesthetic dynamics is not reducible to the pure objectivity of standardising architectural paradigms. The question is raised about the aesthetics of interaction, multiple co-presence of various participants of the architectural environment, its ultimately uncountable "attractors", dominant attractive structures and stylistically mutual architectural attractions (both on the part of the architect and his experience, and other participants of the culturally incomplete, open architectural

environment). The author of the article considers this issue, arguing for performance as a practice of attraction in the urban environment; at the same time, the conditions of possibility and prospects of research (aesthetic-epistemological) installation on performance are clarified.

Key words: philosophy of architecture; attractiveness; aesthetics of attractiveness; architectural performance; semantic dynamics of attractiveness; event-based meanings of attractiveness

For citation: Pershina I. L. (2023). "Aesthetics of attractiveness in architecture (dynamic meanings)", *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (3), 80-87, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-7

Концепт аттрактивности (контуры семантического поля)

Концептуализация аттрактивности архитектурных явлений позволяет уточнить особую открытость архитектурного творчества, эстетико-художественную неповторимость «индивидуального сознания» архитектора, перспективы раскрытия его «чувственно-психического потенциала» и т.д. (Ковалёва, 2017: 39). Между тем, остается вполне актуальным вопрос о смысловой определенности самого концепта, его логической содержательности и когнитивных постоянных его семантического поля (Казыдуб 2011: 96–102). Конвенционально, «это выглядит серьезной проблемой», поскольку аттрактивность «является одной из сущностных характеристик в искусстве и дизайне вообще. Без выделения аттрактивности как ценностной (аксиологической) категории искусства, ее эмпирического и аналитического изучения, невозможно понять факторную основу искусства, раскрыть механизмы его воздействия на человека» (Степанов, 2019: 50).

В материалах искусствоведческих исследований концепт аттрактивности встречается, как правило, в виде контекстного элемента. Здесь «зачастую выявление аттрактивности происходит на уровне субъективном, в ситуации интуитивного усмотрения целостных качеств конкретного произведения» (Степанов, 2019: 51). В ходу оказывается понятие «неясной аттрактивности», которая соотносится с математическими «неясными значениями» Ф. Заде, поскольку «…присутствие в этом мире какого-нибудь явления в неотчетливом виде еще не есть свидетельство его отсутствия, несуществования» ((Степанов, 2019: 51); ср.: (Заде, 2001)).

Не вполне теоретически адаптированный и развитый, концепт аттрактивности оказывается эпистемологически востребованным; эксплуатируется при этом некое «аттрактивное бессознательное» – провокативные схемы эстетического эксцесса, эпатажа, в основании которых некоторое желание новизны: удивить, поразить, для того, чтобы привлечь «в настоящее время», поскольку «никогда объекты такого типа не были столь массово востребованы» (Казакова, 2014: 3). Хорошо заметно, что эпистемологическая мобилизация концепта аттрактивности применительно к архитектурным явлениям возникает в маркетологическом контексте, в связи с культурно-архитектурной привлекательностью туристических территорий, – как некое «основное системное свойство рекреационных ресурсов, природных и культурно-исторических объектов, свидетельствующих об их рекреационной ценности» (Лазовская, 2011: 229) (см. также: (Сафарян, 2015)). В рамках общей стратегии создания и развития архитектурной среды уточняются теоретические основы проектирования «предельно положительных аттракций» (Проектирование туристских аттракций, 2019: 4), где архитектурное пространство все чаще представляется в перформативном аспекте – как огромное, яркое зрелищное действие – «аттракцион» как художественное явление, с

его нацеленностью на «привлечение», «изумление», «неожиданность» и т.д. (Липков, 1990).

Концепт аттрактивности, надо полагать, возникает не столько из потребностей метатеоретической объективирующей рефлексии архитектурных явлений, сколько телеологически, с практической определенностью, как некоторое актуальное «зачем». «Если столетие назад искусство поставило во главу угла не что, а как, то сегодня актуальнее было бы и то, и другое поставить в подчинение “зачем”» (Лазарева, 2007). Своего рода эпистемологической призмой, позволяющей уточнять понятие аттрактивности в его актуальном «зачем», является «поле художественной интеграции новейшей архитектуры», которое «сегодня регулируют, прежде всего, несколько ориентиров – “концепция”, “театр”, “дизайн” и “естественно-природное начало”» (Дуцев, 2013: 158). В архитектурной эстетике происходит поворот в сторону эффекта и иллюзии; при этом стирается грань между арт-объектом, архитектурной формой и пространством, когда само архитектурное пространство вовлекает и, одновременно, развлекает – узнаваемыми метафорами или «говорящими» формами. Доминантным оказывается стремление освоить концепт аттрактивности как понятие междисциплинарного и поискового характера, позволяющее уточнить оппозиции «нового» и «привычного» (Раппапорт, Рефлексивная механика), «актуального» (Раппапорт, Ситуация 65), «переживаемого» (Раппапорт, Визуальность и проблематизация), некоторую «высокую степень» положительных эмоций и т.д. (Раппапорт, Стечения обстоятельств и стилей) и др.; при этом критериальными являются уникальность, экзотичность архитектурных явлений, характеризуемых как аттрактивные.

Эстетика архитектурного перформанса (событийные смыслы аттрактивности)

Перформанс становится возможным в архитектурной среде, перестающей быть незаметной, отсылая «к таким выражениям, которые не просто описывают действительность, но утверждают ее, являются “автореферентными” – создают то, о чем говорят» (Невлютов, 2018: 2). Для архитектурного перформанса характерны изменения, которые как будто десубстантивируют архитектурное явление как некий «архитектурный объект»; под вопросом, стало быть, оказывается и эстетико-художественная субъектность архитектурного явления. Едва ли не спасительным в связи с этим является концепт аттрактивности, который запечатлевает динамические моменты архитектурного перформанса – позволяет выйти в некоторый континуум рефлексии архитектурной среди, за границы ее очевидной пространственной объектности, уточнить динамизм архитектурного пространства в его перформативной, зрелищной временности.

Исследовательские результаты, полученные в целом ряде работ (Лапшина, 2011; Лапшина, 2016; Ладовский, 1926; Заяц, 2016: 95-105; Винницкий, 2021: 52-57; Лапшина, 2012: 17-21; Раппапорт, Пространство среды и др.) позволяют заметить междисциплинарный дрейф концепта аттрактивности – в гибридных конструктах эстетико-филологического или психологического характера (фабула освоения динамического пространства, соотношение законов зрительного восприятия с экономией психической энергии человека и т.д.), которые тем самым структурируют особую смысловую подвижность, или, иначе, перформативную выразительность – «многообразные выражения» современной архитектурной среды (ср.: Раппапорт, Пространство среды). В контексте перформативных инсталляций актуальными становятся «рекреационные пространства» (когнитивные метафоры М. Дженкинса, Н. Полисского, Д. Хейна и др.); некоторой экзистенциальной границей жизненности архитектурного перформанса является его

эпатажная репеллентность, «отвратительность»[1]; «постоянное обновление, ремонт здания, разрушающегося под воздействием природных сил, привносит в архитектуру новое значение, конструирует непреднамеренный смысл, который изначально в ней не присутствовал» (Невлютов, 2018: 181), – в своей конкретности «архитектура стремится принять время и среду как изначальные основания своей деятельности, тем самым утверждая перформативную природу архитектуры» (Невлютов, 2018: 179).

Концепция аттрактивности применительно к архитектурному перформансу позволяет, как представляется, зафиксировать некоторые спонтанные и часто эстетически решающие моменты архитектурной динамики. В пределах уже состоявшихся исследований общетеоретических аспектов перформативности в архитектуре (Mostafavi, 1993; Vesely, 2004; Kolarevic, 2003; Leatherbarrow, 2020) и др.) вполне можно поставить вопрос об уместности конкретно-событийного языка описания архитектурного перформатива, который имеет своей смысловой доминантой изменчивость, ориентированную как будто «извне вовнутрь», на локализацию эстетическую действительности, онтологическое упрочение ее непрестанной перформативной динамики.

Примечательно, что аттрактивная событийность архитектурного перформатива выразительным образом интенсифицируется в виртуальной среде, при создании некоторых иллюзорных медийных поверхностей, с их эффектами визуальной дематериализации. Одним из исторически устойчивых прецедентов перформатива вполне можно считать анаморфизм, когда вследствие определенных визуальных решений некая архитектурная форма возникает из некоторой разрозненности деталей, перформативно прочитывается как единый образ (см.напр: Люсый, 2012: 109-126; Лакан, 2004: 8-100 и др.)[2]. Интерактивные изображения изменяют визуальные характеристики архитектурной постройки, конструируя новый реально-виртуальный, перформативно-событийный ее образ. Архитектурные сооружения-аттракционы, эстетические свойства которых заданы перформативно, вовлекают человека в определенную перформативную игру «сможешь – не сможешь», с очевидным условием динамической стабилизации. При этом одна-единственная точка местоположения смотрящего может «собирать» фрагментность перформативных деталей в целостное изображение, которое может быть как плоскостным, так и объемным[3]. Ко всему, особым аттрактивным условием перформативной

[1] См., напр.: (В Индии обрушился мост через реку Ганг В Индии обрушился мост через реку Ганг [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/05/obrushenie/ (дата обращения 14.06.2023). Стремительно-короткий период разрушения архитектурного сооружения вызывает ажиотаж, глубокое эмоциональное потрясение; привлекает и реактивно ограничивает страх; репелелентность в перформансе оказывается своего рода изнанкой его аттрактивности и т.д.

[2] Еще в XVII в. прием анаморфизма был применен А. Поццо в церкви Св. Игнацио в Риме с целью визуального преобразования горизонтальной поверхности потолка в сферическую («перспективный плафон», изображенный на холсте «Апофеоз Св. Игнатия» купольно сферичен, бесшовно сопрягаются горизонтальная поверхность потолка и вертикальные поверхности стен ((Burda F., 2001: 105)). Анаморфизм в XVIII и XIX вв. пересекает дисциплинарные границы, становится массовым; популярное речевое зеркало анаморфизм – произведение Э. По «Лигейя» (описана комната, наполненная «простыми чудовищами», которые превращаются в бесконечную череду «ужасных форм», когда рассказчик идёт по комнате (По, 1976: 162-174)).

[3] Таковы мосты, бассейны, жилые капсулы над пропастью, туалеты и т.д.: конструктивно-экономическая целесообразность сооружений-аттракционов утрачивает свою первостепенную значимость, и это место занимает эпатирующий эстетизм (как в случае пешеходного моста Чжанцзяцзе в Китае (Born, How architects)); бассейна со стеклянным дном в лондонском жилом комплексе (Cherner, 2021).; отеля Skylodge Adventure Suites в перуанском Урубамба (Гамалей, 2022) общественного туалета в токийском Парке Йойо Фукамачи (Божко, О. Шигеру Бан построил в Токио прозрачные туалеты [Электронный ресурс]. URL: https://www.interior.ru/architecture/10426-shigeru-ban-postroil-v-tokio-prozrachnie-tualeti.html (дата обращения 11.05.2023).

динамики архитектурного явления является звук[4].

Атттрактивность является качественной и довольно парадоксальной стилистической характеристикой сдвига внимания в архитектуре с готового произведения на событие – «является стилистическим эффектом» (Бенн, 2011:71) архитектурной перформативности, ее «аутентичной» эмоциональности, формально неуловимой «привлекательности» (Винницкий, 2021: 53). Перформанс именно стилистически процессуален, является феноменом эстетико-архитектурного переживания в его крайних динамических позициях, которые могут описываться в стилистически нагруженных терминах эпатажа, сценарности, ухода от стереотипа, деформации и др. в смысловом поле концепта аттрактивности.

Современная философия архитектуры переживает некоторый особенный период своего экзистенциального расширения – уточнения уже существующих познавательных установок и радикального преобразования эпистемологического языка описания архитектурных явлений, восполнения концептуальной полноты историчных смыслов архитектуры, не формализуемых в привычных терминологических структурах эпистемологических объективаций. Открытым здесь становится вопрос о том, чтобы понять искомую полноту в ее целостности и эстетической подвижности, событийной динамике условий ее возможности. Современная архитектурная среда интенсивно ориентирована на разного рода перформативные эффекты, часто неподрасчетные, стилистически устроенные; тем самым архитектурная рефлексия сосредоточивается в некоторых пластичных концептуальных формах, среди которых наиболее заметной и семантически веской является концепция аттрактивности с ее динамическим смысловым полем. При этом ценностно-смысловой характеристикой архитектурного творчества становится перформативное событие, которое, как представляется, придает концептуальному устройству архитектурной рефлексии плодотворную исследовательскую перспективу.

Литература

Винницкий, М.В. Перформанс в архитектуре // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2021. № 3. С. 52-57.

Гамалей, А.А., Назарова, В.П. Анализ опыта проектирования глэмпинг-парков как объекта индустрии экологического туризма // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://esj.today/PDF/24SAVN222.pdf (дата обращения 14.06.2023).

Дуцев, М.В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013. 233 с.

Заде, Ф. Жизнь и путешествия с отцом нечеткой логики Фэй Заде. Баку: Чашыоглы, 2001. 308 с.

Заяц, И.С. Движение как категория архитектуры // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. № 1 (19). С. 95-105.

Казакова, С.А. Архитектурная среда: вопросы туристской аттрактивности // Сервис в России и за рубежом. 2014. Т. 8. № 6. С. 3-13.

Казыдуб, Н.Н. Дискурсивные значимости аттрактивности // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 96-102.

Ковалёва, С.В. Аттрактивность и пассионарность в системе научной парадигмы // Вестник КГУ: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 2. С. 39-44.

Ладовский, Н.А. Основы построения теории Архитектуры (Под знаком рационалистической эстетики) // АСНОВА. Известия Ассоциации новых архитекторов / под ред. Эль Лисицкого и Н.А. Ладовского. М.: Типография «ВХУТЕМАС», 1926. С. 3-6 [Электронный ресурс]. URL: https://tehne.com/assets/i/upload/library/izvestiia-asnova-1926-fx.pdf (дата обращения 10. 08.2023).

[4] Характерны множественные эхофоны в Дрездене (Flagge, 2004); Поющий дом https://heather-we.livejournal.com/662426.html; морской волновой орган в хорватском Задаре (Stamac, 2005: 203-206); органные трубы моста Чимекко (Montagnana, Bridge as interactive tool) и мн.др.

Лазарева, Е. Свежее дыхание // Художественный журнал. 2007. Вып. 67-68 [Электронный ресурс]. URL: http://moscowartmagazine.com/issue/25/article/409 (дата обращения 10. 08.2023).

Лазовская, С.В. Новые возможности развития сферы туристско-рекреационных услуг // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Серия 5: Экономика. Вып. 1. С. 229-234.

Лакан, Ж. Анаморфоза // Четыре основные понятия психоанализа. М.: Логос/Гнозис, 2004. С. 8-100.

Лапшина, Е.Г. Архитектурное пространство и моделирование его динамики в рамках современных информационных технологий // Архитектура и современные информационные технологии. 2011. № 1 (14). С. 1-12.

Лапшина, Е.Г. Архитектурное пространство как динамическая система: автореферат дис. ... доктора архитектуры. Нижний Новгород, 2016. 60 с.

Лапшина, Е.Г. Формула новой архитектуры – динамика пространства // Вестник МГСУ. 2012. № 1. С. 17-21.

Липков, А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. М.: Наука, 1990. 237 с.

Люсый, А.П. Всадник и Всадница: Лакономическая экскурсия по утаенному полюсу Петербургского текста // Человек. Культура. Образование. 2012. № 1 (3). С. 109-126.

Невлютов, М.Р. Перформативность архитектуры в феноменологических концепциях Дэвида Летербарроу // Архитектура и современные информационные технологии. 2018. № 1 (42). С. 178-186.

По, Э. Лигейя // Э. По Стихотворения. Проза. М.: Художественная литература, 1976. С. 162-174.

Проектирование туристских аттракций / сост. Н.И. Воробьёва, И.Д. Горшков; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. 40 с.

Раппапорт, А.Г. Визуальность и проблематизация [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2012/10/blog-post_6822.html (опубликовано 04.10.2012 г.) (дата обращения 10. 05.2023).

Раппапорт, А.Г. Пространство среды [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2011/10/1978_433.html (опубликовано 07.10.2011); (дата обращения 01. 02.2023).

Раппапорт, А.Г. Рефлексивная механика телесной свободы [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2018/10/blog-post_21.html (опубликовано 21.10.2018 г.); (дата обращения 10. 05.2023).

Раппапорт, А.Г. Ситуация 65 Ситуация и Интуиция [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2014/08/65.html (опубликовано 05.08.2014 г); (дата обращения 10. 05.2023).

Раппапорт, А.Г. Стечения обстоятельств и стилей [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.com/2012/05/blog-post_29.html (опубликовано 29.05.2012 г.); (дата обращения 10. 05.2023).

Сафарян, А.А. Туризм в Армении: дестинация, аттрактивность, информационные ресурсы: диссерт. … канд. географ. наук. Пермь, 2015. 210 с.

Степанов, А.В., Степанова, Т.М. Аттрактивность и репеллентность в визуальных искусствах // Оригинальные исследования (ОРИС). 2019. № 6. С. 49-55.

Born, A. How architects built China's terrifying glass bridge [Электронный ресурс]. URL: https://www.wired.co.uk/article/building-the-worlds-longest-glass-bridge (дата обращения 10. 05.2023).

Burda, F., Belting, H. Andrea Pozzo und die Videokunst: neue Überlegungen zum barocken Illusionismus. Berlin: Gebr. Mann, 2001. 142 S.

Cherner, J. (30 April 2021). Suspended 115 Feet in the Air, the World's First Floating Pool Is Unveiled in London". Architectural Digest. Archived from the original on 30 April 2021. Retrieved 2 June 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20210430161911/https://www.architecturaldigest.com/story/sky-pool (дата обращения 10.05.2023).

Flagge, I. Dresden, Stadtführer zeitgenössischer Architektur. Darmstadt: Das Beispiel, 2004. 80 S.

Kolarevic, B. Architecture In The Digital Age: Design and Manufacturing/ London: ImprintTaylor & Francis, 2003. 320 p.

Leatherbarrow, D. Building Time: Architecture, Event, and Experience. Bloomsbury: Visual Arts, 2020. 288 p.

Montagnana, M. Bridge as interactive tool. Anodized aluminium tubes moving in the wind [Электронный ресурс]. URL: https://www.arkitectureonweb.com/en/web/designonweb/-/bridge-as-interactive-tool-anodized-aluminium-

tubes-moving-in-the-wind (дата обращения 10. 05.2023).

Mostafavi, M. On Weathering: The Life Builddings in Time, with David Leatherbarrow. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. 139 p.

Stamac, I. Acoustical and Musical Solution to Wave-driven Sea Organ in Zadar // Proceedings of the 2nd Congress of Alps-Adria Acoustics Association and 1st Congress of Acoustical Society of Croatia, Zagreb, 2005. P. 203-206.

Vesely, D. Architecture in the Age of Divided Representation: The Question of Creativity in the Shadow of Production. Cambridge: MIT Press, 2004. 524 p.

References

Born, A. *How architects built China's terrifying glass bridge* [Online], available at: https://www.wired.co.uk/article/building-the-worlds-longest-glass-bridge (Accessed 10 May 2023).

Burda F. and Belting H. (2001), *Andrea Pozzo und die Videokunst: neue Überlegungen zum barocken Illusionismus* [Andrea Pozzo and video art: new reflections on Baroque illusionism], Gebr. Mann, Berlin, Germany (in Germ.).

Cherner, J. (2021), "Suspended 115 Feet in the Air, the World's First Floating Pool Is Unveiled in London", *Architectural Digest* [Online], available at: https://web.archive.org/web/20210430161911/https://www.architecturaldigest.com/story/sky-pool (Accessed 10 May 2023).

Dutsev, M. V. (2013), *Kontseptsiya khudozhestvennoy integratsii v noveyshey arkhitekture* [The concept of artistic integration in the latest architecture], Publishing House of Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia (in Russ.).

Flagge, I. (2004), *Dresden, Stadtführer zeitgenössischer Architektur* [Dresden, city guide of contemporary architecture], Das Beispiel, Darmstadt, Germany (in Germ.).

Gamaley, A. A. and Nazarova, V. P. (2022), "Analysis of the experience of designing glamping parks as an object of the ecotourism industry", *The Eurasian Scientific Journal*, 14(2) [Online], available at: https://esj.today/PDF/24SAVN222.pdf (Accessed 14 June 2023).

Kazakova, S. A. (2014), "Architectural environment: issues of tourist attraction", *Services in Russia and abroad*, 8 (6), 3-13 (in Russ.).

Kazydub, N. N. (2011), "Discursive significance of attraction", *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 4, 96-102 (in Russ.).

Kolarevic, B. (2003), *Architecture In The Digital Age: Design and Manufacturing*, ImprintTaylor & Francis, London.

Kovaleva, S. V. (2017), "Attraction and passionarity in the system of the scientific paradigm", *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2, 39-44 (in Russ.).

Lacan, J. (2004), "Anamorphosis", *Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza* [Four basic concepts of psychoanalysis], Logos/Gnozis, Moscow, Russia, 8-100 (in Russ.).

Ladovskiy, N. A. (1926), "Fundamentals of building the theory of Architecture (Under the sign of rationalistic aesthetics)", *ASNOVA. Izvestiya Assotsiatsii novykh arkhitektorov* [ASNOVA. News of the Association of New Architects], in Lisitskiy, E. and Ladovskiy, N. A. (ed.), VKHUTEMAS, 3-6 [Online], available at: https://tehne.com/assets/i/upload/library/izvestiia-asnova-1926-fx.pdf (Accessed 10 August 2023) (in Russ.).

Lapshina, E. G. (2011), "Architectural space and modeling of its dynamics within the framework of modern information technologies", *Architecture and modern information technologies*, 1 (14), 1-12 (in Russ.).

Lapshina, E. G. (2012), "The formula of the new architecture is the dynamics of space", *Vestnik MGSU* [Bulletin of the Moscow State University of Civil Engineering], 1, 17-21 (in Russ.).

Lapshina, E. G. (2016), "Architectural space as a dynamic system", Abstact of D. Sc. dissertation, Nizhniy Novgorod, Russia (in Russ.).

Lazareva, E. (2007), "Fresh breath", *Moscow Art Magazine*, 67-68 [Online], available at: http://moscowartmagazine.com/issue/25/article/409 (Accessed 10 August 2023) (in Russ.).

Lazovskaya, S. V. (2011), "New opportunities for the development of tourism and recreational services", *The Bulletin of the Adyghe State University, Series "Economics"*, 1, 229-234 (in Russ.).

Leatherbarrow, D. (2020), *Building Time: Architecture, Event, and Experience*, Visual Arts, Bloomsbury.

Lipkov, A. I. (1990), *Problemy khudozhestvennogo vozdeystviya: printsip attraktsiona* [Problems of artistic impact: the principle of attraction], Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).

Lyusy, A. P. (2012), "The Horseman and the Horsewoman: An astronomical tour of the hidden Pole of the St. Petersburg Text", *Human. Culture. Education*, 1(3), 109-126 (in Russ.).

Montagnana, M. *Bridge as interactive tool. Anodized aluminium tubes moving in the wind* [Online], available at: https://www.arkitectureonweb.com/en/web/designonweb/-/bridge-as-interactive-tool-anodized-aluminium-tubes-moving-in-the-wind (Accessed 10 May 2023).

Mostafavi, M. (1993), *On Weathering: The Life Builddings in Time, with David Leatherbarrow*, MIT Press, Mass., Cambridge.

Nevlyutov, M. P. (2018), "The Performativity of Architecture in the Phenomenological Concepts of David Leatherbarrow", *Architecture and modern information technologies*, 1(42), 178-186 (in Russ.).

Poe, E. (1976), "Ligeia", *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose], Khudozhestvennaya literature, Moscow, USSR, 162-174 (in Russ.).

Rappaport, A. G. (2011), *Prostranstvo sredy* [Environment space] [Online], available at: http://papardes.blogspot.com/2011/10/1978_433.html (Accessed 01 February 2023) (in Russ.).

Rappaport, A. G. (2012), *Stecheniya obstoyatel'stv i stiley* [Confluence of circumstances and styles] [Online], available at: http://papardes.blogspot.com/2012/05/blog-post_29.html (Accessed 10 May 2023) (in Russ.).

Rappaport, A. G. (2012), *Vizual'nost' i problematizatsiya* [Visuality and problematization] [Online], available at: http://papardes.blogspot.com/2012/10/blog-post_6822.html (Accessed 10 May 2023) (in Russ.).

Rappaport, A. G. (2014), *Situatsiya 65 Situatsiya i Intuitsiya* [Situation 65 Situation and Intuition] [Online], available at: http://papardes.blogspot.com/2014/08/65.html (Accessed 10 May 2023) (in Russ.).

Rappaport, A. G. (2018), *Refleksivnaya mekhanika telesnoy svobody* [Reflexive mechanics of bodily freedom] [Online], available at: http://papardes.blogspot.com/2018/10/blog-post_21.html (Accessed 10 May 2023) (in Russ.).

Safaryan, A. A. (2015), "Tourism in Armenia: destination, attraction, information resources", Abstract of Ph. D. dissertation, Perm, Russia (in Russ.).

Stamac, I. (2005), "Acoustical and Musical Solution to Wave-driven Sea Organ in Zadar", *Proceedings of the 2nd Congress of Alps-Adria Acoustics Association and 1st Congress of Acoustical Society of Croatia*, Zagreb, 203-206.

Stepanov, A. V. and Stepanova, T. M. (2019), "Attractiveness and repellency in visual arts", *Original research (ORES)*, 6, 49-55 (in Russ.).

Vesely, D. (2004), *Architecture in the Age of Divided Representation: The Question of Creativity in the Shadow of Production*, MIT Press, Cambridge.

Vinnitskiy, M. V. (2021), "Performance in architecture", *Akademicheskiy vestnik UralNIIproekt RAASN* [Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN], 3, 52-57.

Vorobyova, N. I., Gorshkov, I. D. (comp.) (2019), *Proektirovanie turistskikh attraktsiy* [Design of tourist attractions:], Publishing House of Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (in Russ.).

Zade, F. (2001), *Zhizn' i puteshestviya s otsom nechetkoy logiki Fey Zade* [Life and travels with the father of Fuzzy Logic Faye Zadeh], Chashyogly, Baku, Azerbaijan (in Russ.).

Zayats, I. S. (2016), "Movement as an archi-tecture category", *Ontology of Designing*, 6 (1(19)), 95-105 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Першина Ирина Леонидовна, старший преподаватель кафедры архитектурных конструкций, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; *irina.pershina@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Irina L. Pershina, Senior Lecturer, Department of Architectural Structures, Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia; *irina.pershina@mail.ru*

УДК 1:3:130.2: 304: 316.6: 316.7 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8**

Спичева Д. И.[1]
Винокурова Е. Н.[2]

Сетевые (виртуальные) артефакты как маркеры стиля жизни современного населения Сибири в контексте «новой нормальности»

[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *speecheva@mail.ru*
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinockurova@yandex.ru*

Аннотация. В статье описываются результаты методологического эксперимента по оценке психологического состояния членов современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной) на основе анализа маркеров стиля жизни современного населения Сибири. Эксперимент заключался в интеграции методов оценки психологического состояния человека в реальном мире и методики анализа больших данных – контента социальных сетей (в данном случае, сетевых сообществ о Сибири) – в виртуальном мире. Сетевые (виртуальные) артефакты рассматриваются нами как разновидность культурных артефактов, являющихся своеобразными идентификационными маркерами стиля жизни членов современного общества двойной онтологии. Цель эксперимента – проверить возможности интегрированных (реальных и виртуальных) инструментов для измерения психологического состояния людей, существующих в этой двойной онтологии. В результате было осмыслено такое психологическое состояние современного человека, как принятие/непринятие «новой нормальности», определяющей новый стиль жизни в эпоху глобального кризиса.

Ключевые слова: сетевые (виртуальные) артефакты; стиль жизни; двойная онтология; глобальный кризис; «новая нормальность»; Сибирь

Для цитирования: Спичева Д.И., Винокурова Е.Н. Сетевые (виртуальные) артефакты как маркеры стиля жизни современного населения Сибири в контексте «новой нормальности» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 88-102. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8

D. I. Spicheva[1],
E. N. Vinokurova[2]

Networked (virtual) artefacts as contemporary Siberian population's lifestyle markers in the context of the *New Normal*

[1] National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; *speecheva@mail.ru*
[2] National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia; *c.vinockurova@yandex.ru*

Abstract. The article describes the results of a methodological experiment to assess the contemporary psychological state of the members of a dual ontology society (real and virtual) through the analysis of lifestyle markers of the modern Siberian popula-

tion. The experiment consisted of integrating methods for assessing a person's psychological state in the real world and techniques for analyzing big data – the content of social networks (online communities about Siberia in this case) – in the virtual world. The aim of the experiment is to test the capabilities of integrated (real and virtual) tools to measure the state of the psychological condition of the people existing in this dual ontology. As the result, such state of the modern person's consciousness was conceived as acceptance / non-acceptance of the "New Normal" which defines a new "lifestyle" in the age of global crisis.

Key words: networked (virtual) artefacts; lifestyle; dual ontology; global crisis; "New Normal"; Siberia

For citation: Spicheva D. I., Vinokurova E. N. (2023), "Networked (virtual) artefacts as contemporary Siberian population's lifestyle markers in the context of the *New Normal"*, *Research Result. Social Studies and Humanities,* 9 (3), 88-102, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-8

Современную сложную мировую ситуацию называют в СМИ, в научном дискурсе, и даже в повседневной жизни, социальным, экономическим, продовольственным, ресурсным, экологическим, финансовым, энергетическим, и так далее, *кризисом*. Это говорит о том, что мы являемся свидетелями глобального кризиса, затрагивающего все сферы жизни общества. Он влияет на каждого без исключения человека на Земле, вынужденного адаптироваться к этой кризисной и посткризисной ситуации, чтобы выжить. Это значит, что меняется не только стиль жизни, меняется сама картина мира, способ существования человека. Как измерить этот новый стиль жизни, осмыслить психологическое состояние человека в сетевом информационно-коммуникативном обществе, по сути, обществе двойной онтологии (реальной и виртуальной) – актуальная проблема, на решение которой направлено данное исследование. Согласно нашей гипотезе, инструменты этого измерения тоже должны иметь двойную, так называемую «гибридную» онтологию. Именно такие инструменты необходимы для определения состояния стабилизации/дестабилизации социальной ситуации, где под стабилизацией понимается то, что члены сетевого информационно-коммуникативного общества принимают социальную ситуацию как «новую нормальность», которая теперь будет определять стиль жизни каждого человека.

Теоретико-методологическое основание данной работы составляет представление о двойной (гибридной) онтологии сетевого информационно-коммуникативного общества (Кужелева-Саган, 2017); а также понятия: «новая нормальность» (El-Erian, 2013; McNamee, 2004), «стиль жизни» (Adler, 1930), «сетевые (виртуальные) артефакты» (Izadi, Fraser, et al. 2002), «механизмы психологической защиты» (Фрейд, 1993; Леонтьев, 2003). Методология эмпирического уровня основана на использовании сервиса для парсинга TargetHunter.

Для анализа психологического состояния современного человека и выявления возможности измерения его стиля жизни были выбраны сообщества в социальной сети ВКонтакте, посвященные Сибири. В выборку вошли 2658 сообществ, содержащих в названии и описании такие слова, как «Сибирь», «Сибирский», «Сибирская», «Сибирское». Были проанализированы публикации и комментарии в выбранных сообществах за период с 01.01.2020 по 14.07.2023. Выбор данного временного промежутка для проведения исследования обусловлен началом нового глобального кризиса, о котором особенно громко заговорили после пандемии коронавируса,

начавшейся в 2020 г., и последовавших за ней событий мирового масштаба. О глобальном экономическом, социальном и политическом кризисе свидетельствуют многие ученые и эксперты (Банников, 2022; Глущенко, 2022; Krydowski, 2010 и др.).

В данной статье мы будем называть это проявлением «новой нормальности», которая формирует базис изменений стиля жизни.

«Новая нормальность» стала уточненным синонимом «новой реальности». Это понятие пришло к нам из английского языка («new normal»). Оно появилось в начале прошлого века, «пик его использования приходится на период Великой депрессии начала 1930-х годов в США и затем на 2008–2010 годы» (Тетерятников, 2017: 270). На авторство по отношению к данному понятию в современном его понимании претендуют экономисты Мохамед А. Эль-Эриан (El-Erian, 2013), Роджер Мак-Нэйми (McNamee, 2004) и др. Нами это понятие было выбрано потому, что оно имеет широкую коннотацию и отражает ситуацию кардинальных изменений стиля жизни, когда невозможно возвращение к старому, и новая кризисная или посткризисная ситуация этому старому явно проигрывает. О стабилизации социальной ситуации будет свидетельствовать то, что члены сетевого информационно-коммуникативного общества принимают ее как «новую нормальность», которая теперь будет определять стиль жизни каждого человека.

Понятие «стиль жизни» нами тоже выбрано не случайно. Мы сознательно отошли от более привычного и употребляемого понятия «качество жизни», поскольку в условиях глобального кризиса оно неминуемо снижается. А нам важно осмыслить психологическое состояние современного человека в контексте принятия/непринятия им «новой нормальности», определяющей новый «стиль жизни». Под стилем жизни мы будет понимать совокупность черт, способов поведения и привычек, определяющих уникальную картину мира человека (Adler, 1930).

Исходя из такого понимания стиля жизни, мы рассматриваем психологическое состояние современного человека, пытаемся понять, с помощью каких инструментов можно как бы «поставить диагноз» современному способу его существования, выявить, на каком этапе переживания этого кризисного периода он находится сейчас. По сути, мы пытаемся диагностировать, насколько человек принимает эту «новую нормальность», которая становится основой его нового стиля жизни.

Поскольку «новая нормальность» и новый стиль жизни в современном сетевом информационно-коммуникативном обществе имеет двойную онтологию (Кужелева-Саган, 2017), то есть представлен и реально, и виртуально в Сети, то описать современный стиль жизни мы решили через отражающие его сетевые (виртуальные) артефакты, содержащиеся в публикациях и комментариях в сетевых сообществах о Сибири.

Сетевые (виртуальные) артефакты являются нематериальными объектами (Izadi, Fraser, et al. 2002) и представляют собой разновидность социальных артефактов, созданных людьми и существующих виртуально в Сети. Поскольку сетевые (виртуальные) артефакты являются частным случаем социальных артефактов, то они способны проявить принятие или непринятие этой «новой нормальности». Кроме того, сетевые (виртуальные) артефакты как «продукты» деятельности человека выступают в роли носителей социально-культурной информации и жизненно-смысловых значений их создателей, а также отражают их социально-психологическое состояние и стиль жизни. Соответственно, сетевые (виртуальные) артефакты как новые культурные коды позволяют понять состояние современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной). Так, сетевые (виртуальные) артефакты и новые культурные коды современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной), с одной стороны, оказывают влияние на психологическое состояние людей и их стиль

жизни в реальном мире, а с другой стороны, представляют собой маркеры этого стиля жизни и социально-психологического состояния людей.

Выбор сетевых сообществ о Сибири для решения проблемы и проверки нашей гипотезы не случаен. Мы рассматриваем возможность наличия сходства между выходом из глобального жизненного кризиса людей, оказавшихся в Сибири не по своей воле, и наших современников, которые тоже не выбирали жизнь в эпоху глобального кризиса, «исследование похожих процессов, происходивших ранее офлайн, в данном случае, на территории Сибири, поможет делать более четкие прогнозы развития глобального общества в целом» (Спичева, 2017: 214), прогнозы выхода его из кризиса с минимальными последствиями для физического и психического здоровья. Для того чтобы выжить, современным людям (на примере современного населения Сибири), как и вынужденным переселенцам в Сибирь прошлого, необходимо принять и пережить кризис, то есть осмыслить «новую нормальность» своего существования и сформировать новый стиль жизни, поскольку «глобальный цивилизационный кризис <…> потребует долгих лет для преодоления его причин и последствий» (Яковец, 2020: 37).

Методология измерения стиля жизни современного человека, на наш взгляд, не может обойтись без опоры на классические методы психологической диагностики (анализ скрытых эмоциональных нарушений, механизмов переработки стресса, механизмов психологической защиты и пр.). Для обозначения комплекса данных методов в специальной литературе используется понятие «индекс жизненного стиля» (Plutchik, Kellerman, Conte, 1979; Клубова, 1994). Эти методы измерения психологического состояния человека, применяемые в реальном мире, были интегрированы с методами оценки состояния человека в виртуальном мире на основе анализа больших данных с помощью сервиса для парсинга TargetHunter. Таким образом, мы попытались измерить психологическое состояние современного человека в эпоху глобального кризиса и определить принятие/непринятие им «новой нормальности», что определяет освоение нового стиля жизни, имеющего двойную онтологию.

Итак, анализ контента сетевых сообществ, содержащего маркеры стиля жизни членов современного сетевого информационно-коммуникативного общества, проявил наличие следующих психологических состояний современников, которые можно идентифицировать как механизмы психологической защиты у их членов (и подписчиков, и авторов), в виде реакций на глобальный кризис, мешающих им принять «новую нормальность»: отрицание, подавление (вытеснение), регрессия, компенсация, проекция, замещение («смещение»), интеллектуализация («рационализация»), реактивные образования («гиперкомпенсация»). Под механизмами психологической защиты мы понимаем «систему регуляторных механизмов в психике, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта»[1]. Данные механизмы способствуют устранению или минимизации состояния тревоги, характерного для человека в ситуации кризиса. Описанные механизмы имеют универсальный характер, но методы их измерения как реакции членов сетевого информационно-коммуникативного общества на глобальный кризис имеют двойную онтологию. Поэтому для измерения и определения этих «классических» механизмов психологической защиты, которые могут проявляться как в офлайн, так и в онлайн среде, мы применили онлайн-инструмент для измерения стиля жизни – ресурс TargetHunter.

[1] Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2002. С. 153.

Рассмотрим каждый из обозначенных механизмов.

1. Механизм психологической защиты ***отрицание*** может проявляться в отрицании субъективно неприемлемых ситуаций, которые вызывают раздражение или тревогу, а также в отрицании некоторых сторон своего «Я». Так, личность не воспринимает информацию, вызывающую раздражение и тревогу, поскольку та не соотносится с ее жизненными установками или угрожает сохранению ее социального статуса и престижа.

Опасность этого состояния заключается не только в том, что при нем невозможно выйти из кризиса, приняв «новую нормальность», сформировать новый стиль жизни и продолжать жить дальше, но и в том, что у таких людей, как правило, наблюдается искажение восприятия действительности, повышенная внушаемость и доверчивость, что делает их уязвимыми и восприимчивыми к дальнейшему нагнетанию ситуации в их информационном поле, не оставляя им шансов на принятие.

Контент публикаций в сообществах, говорящий о таком механизме психологической защиты как реакции на кризис, может быть легким, беспроблемным *(«Где встретить красивый закат? В нашем списке рекомендаций, Манская петля и Есауловская петля» (Енисейская Сибирь); «Необычные красные молнии заметили в небе НСО» (Газета "Сибирская Околица"))*, показывающим мир лучше, чем он есть на самом деле *(«Верим, что плохим временам скоро настанет конец» (Живём в Сибири | Иркутск))*, демонстрирующим то, что в Сибири меньше проблем, чем у людей в других местах *(«Из последних сил пытаемся романтизировать первый снег в Новосибирске» (Сибирь здесь))*.

2. Механизм психологической защиты ***подавление*** или вытеснение представляет собой способ защиты инфантильного «Я». ***Подавление*** как механизм психологической защиты проявляется в том, что кризисные, тревожные для человека чувства становятся бессознательными.

Возникающее психологическое состояние является опасным для человека по той причине, что вытесняются такие свойства, качества и поступки личности, как недоброжелательность, завистливость, мстительность и др. При этом они сохраняются в бессознательном и мешают человеку согласиться с «новой нормальностью», а при определенных обстоятельствах могут выйти наружу, и человек сам может стать объектом, усугубляющим кризисную ситуацию для окружающих.

Примерами таких публикаций, которые демонстрируют задержку выхода человека из кризиса, могут быть публикации, в которых нет привязки к авторству и личностям, как бы анонимные (*«Дарим летний комплект от «Енисейской Сибири»» (Енисейская Сибирь); «Цветущий город Красноярск. Красивый, правда?» (Типичный Красноярск – Столица Сибири))*, их контент не персонифицирован *(«Белки Новосибирского Академгородка» (Журнал "Неизвестная Сибирь" I Hidden Siberia))*, привлекает внимание кровавыми сценами (например, охотой в сообществах рассматриваемой тематики, причем эти сцены показываются как само собой разумеющиеся, естественные действия человека *(«Удачно закрыл сезон нереальным выстрелом, Рязанская обл. Шацкий р-он. Всем ни пуха друзья» (Сибирский Странник)* (рис. 1)).

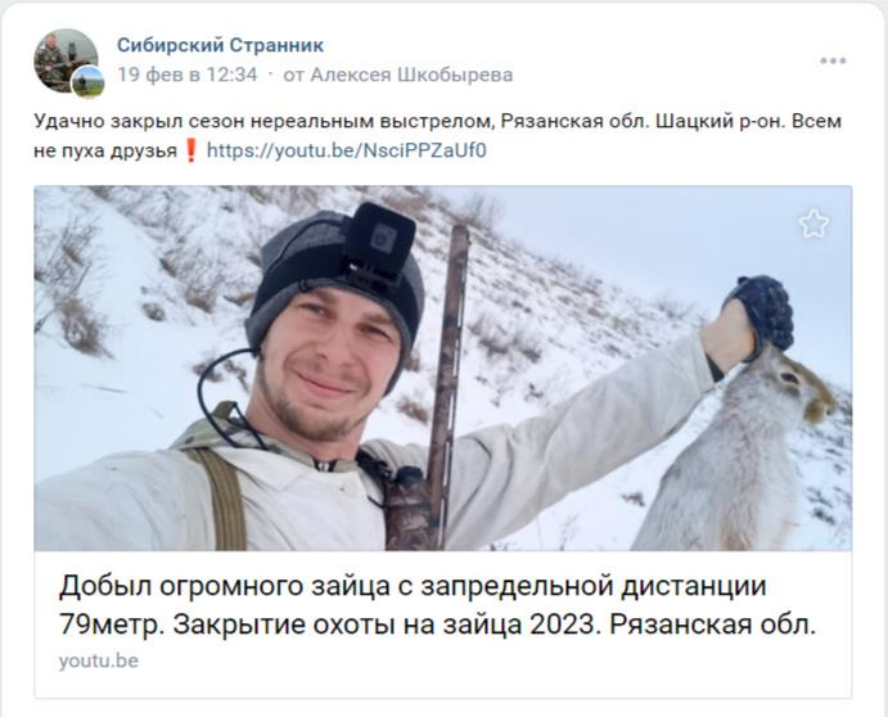

Рис. 1. Публикация в сообществе «Сибирский странник» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты подавления
Fig. 1. Publication in the community “Sibirskiy strannik” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism suppression

3. ***Регрессия*** имеет место быть тогда, когда поведенческие реакции человека соответствуют более ранним стадиям развития либидо, что обуславливается его стремлением минимизировать или избежать чувства беспокойства и тревоги. Благодаря этой форме психологической защиты личность заменяет решение субъективно сложных задач простыми и доступными в конкретной ситуации.

Об этом свидетельствуют публикации, фокусирующие внимание на еде *(«Сибирский десерт. Самый простой в приготовлении и не менее вкусный, питательный!» (Енисейская Сибирь); «Приготовление блинчиков для красноярцев станет дороже» (Новости Красноярска и Сибири | 1-LINE))*, на демонстрации сожаления и горечи по разным поводам *(«Уже 19 человек утонули в Красноярском крае с начала лета», «Рабочий день обычного дворника чуть не закончился трагедией» (Типичный Красноярск – Столица Сибири); «Какой ужас. Трагедия произошла с подростком из-за любви к аниме» (Живём в Сибири | Абакан))*. Они упрощают реальность, подменяют сложные актуальные проблемы более мелкими, местечковыми (*«Приход весны многие горожане Норильска ощущают прямо у себя в квартире, в крайнем случай в подъезде. Снег в заполярном городе тает очень быстро, за считанные дни, ведь длительность дня здесь уже больше 18 часов, и даже при отрицательных температурах солнце приносит проблемы жильцам верхних, да и не только, этажей», «Русские: Чёрная русалочка – это уже перебор! Дисней: Отвергаешь – предлагай. Русские: …» (Живём в Сибири | Красноярск)* (рис. 2)).

Рис. 2. Публикация в сообществе «Живём в Сибири | Красноярск» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты регрессии
Fig. 2. Publication in the community “Zhivyom v Sibiri | Krasnoyarsk” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism repression

Последствия действия такого механизма психологической защиты, поддерживаемого определенным типом контента, могут выражаться в чрезмерной импульсивности и в слабости эмоционального контроля авторов и читателей, в стремлении к упрощению и доступности мотивационно-потребностной сферы. Об этом свидетельствуют обозначенные выше примеры.

4. Механизм психологической защиты ***компенсация*** может проявляться в стремлении личности заместить, компенсировать реальный или воображаемый недостаток. Наиболее часто это реализуется с помощью «приписывания» себе характеристик и достоинств других личностей. Это представляет собой одну из форм компенсации комплекса неполноценности.

В качестве примеров, спекулирующих на этом психологическом механизме, можно привести публикации, демонстрирующие сексуальную привлекательность; публикации сообществ, поддерживающих тягу людей к коллекционированию (*например, частая публикация коллекций каких-либо фото и др., как в сообществах «Отдых в Сибири»* (рис. 3) *и «ВЕЛИКАЯ СИБИРЬ»* (рис. 4)); публикации, подчеркивающие экспертность *(«И еще одна история, связанная с областной администрацией / духовным училищем, это, конечно же, визит к нам Хрущева и вручение Курганской области ордена Ленина» (Мульти История | Россия Урал Сибирь Курган))* представителей данного сообщества, даже по незначительным поводам.

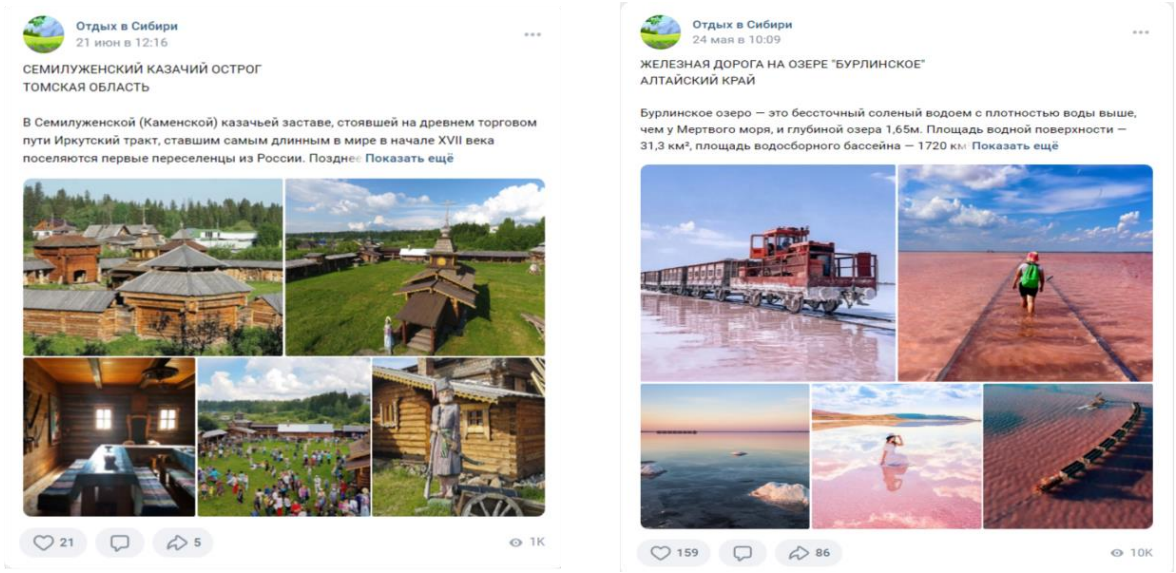

Рис. 3. Публикации в сообществе «Отдых в Сибири» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты компенсации
Fig. 3. Publications in the community “Otdyh v Sibiri” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism compensation

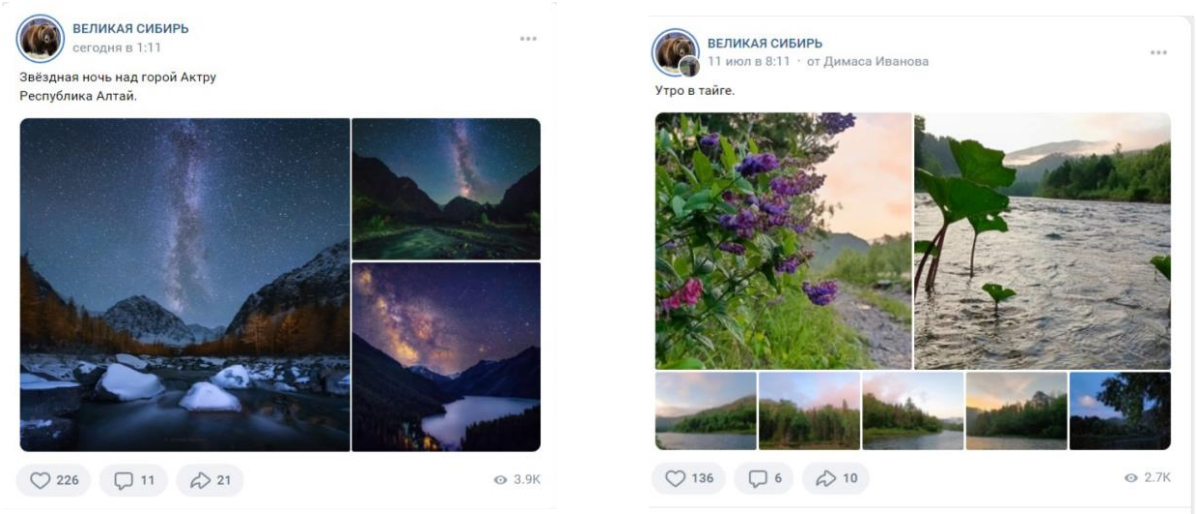

Рис. 4. Публикации в сообществе «ВЕЛИКАЯ СИБИРЬ» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующая действие механизма психологической защиты компенсации
Fig. 4. Publications in the community “VELIKAYA SIBIR'” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism compensation

Опасность в том, что в погоне за удовлетворением чувства самодостаточности, с одной стороны, человек не способен критически мыслить, вступать в спор для отстаивания собственной позиции, то есть он является управляемым извне, подчиняется чужим авторитетам; но, с другой стороны, если «пережать», то человек может выйти из-под контроля и проявить себя в агрессивном и преступном поведении. Эти люди тоже не способны к принятию «новой нормальности», так как из-за отсутствия критического анализа часто оказываются мечтателями, которые бездействуют.

5. ***Проекция*** представляет собой «психологический механизм, заключающийся в бессознательном приписывании

субъектом имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, черт и мотивов другим людям»[2].

К ряду таких публикаций можно отнести публикации, содержащие контент о неприятии власти, авторитетов *(«Что такое, расеяне, неужели не хотите умереть за великого солнцеликого?» (Типичный Красноярск – Столица Сибири); «Чиновники мэрии Минусинска потратили почти 100 тысяч на несуществующий ремонт» (Типичный Минусинск – Столица юга Сибири))*, а также публикации, демонстрирующие недоверие *(«Мобилизованные из Норильска рассказали, что их разместили в Омске со словами: "Живите как хотите". В итоге призывники жгут костры, спят прямо на земле. По словам автора ролика – часть мобилизованных находятся в таких условиях уже около недели. Мораль проста: никто о нас не позаботится, кроме нас самих» (Типичный Красноярск – Столица Сибири)*.

Публикации такого типа обнаруживают неспособность выхода из кризиса и принятие «новой нормальности», поскольку человек-носитель этого механизма защиты свои негативные черты (например, аморальность, агрессивность) приписывает другим с целью оправдания собственной аморальности и агрессивности, которые проявляются в целях защиты. Таким образом, психологическое состояние и стиль жизни современного человека говорит о том, что современную окружающую действительность он расценивает как «неприемлемую картину мира», то есть одновременно ложную и безнравственную (Raspapou, 2016), и поэтому не принимает ее.

6. Форма психологической защиты ***замещение*** («смещение») может проявляться в «вымещении» негативных чувств и эмоций (таких как гнев, враждебность, презрение и пр.), источником которых является опасный/сильный или статусный человек, на доступных и слабых людях.

Это может проявляться в публичном реагировании в постах на колкости или несогласия оппонентов (рис. 5), в агрессивных или ярко выраженных эмоциональных негативных высказываниях по актуальным темам (рис. 6).

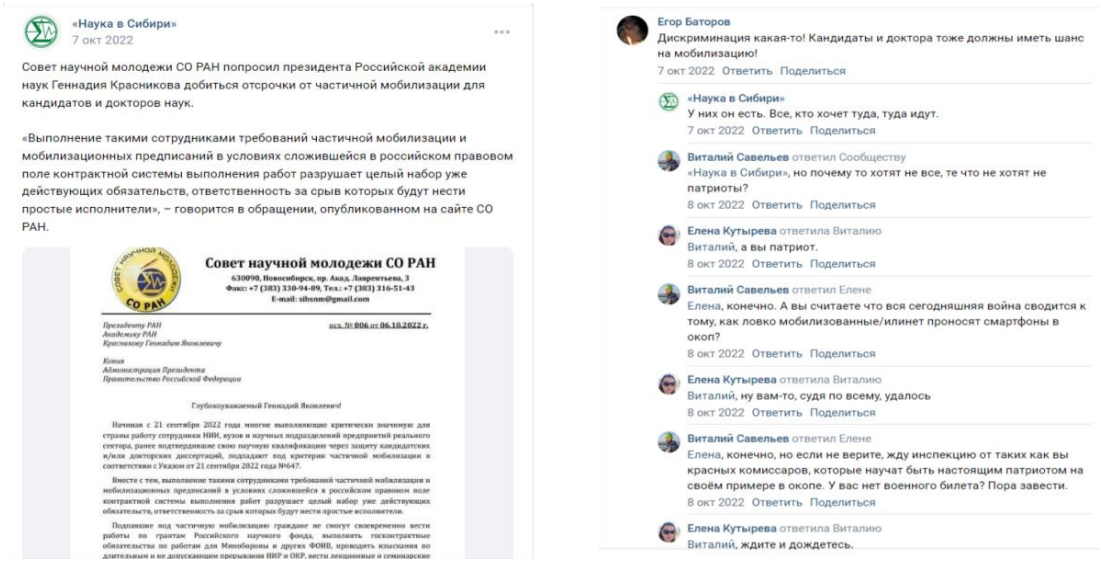

Рис. 5. Публикация и комментарии к ней в сообществе «Наука в Сибири» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующие действие механизма психологической защиты замещения
Fig. 5. Publication and its comments in the community “Nauka v Sibiri” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism substitution

[2] Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2002. С. 372.

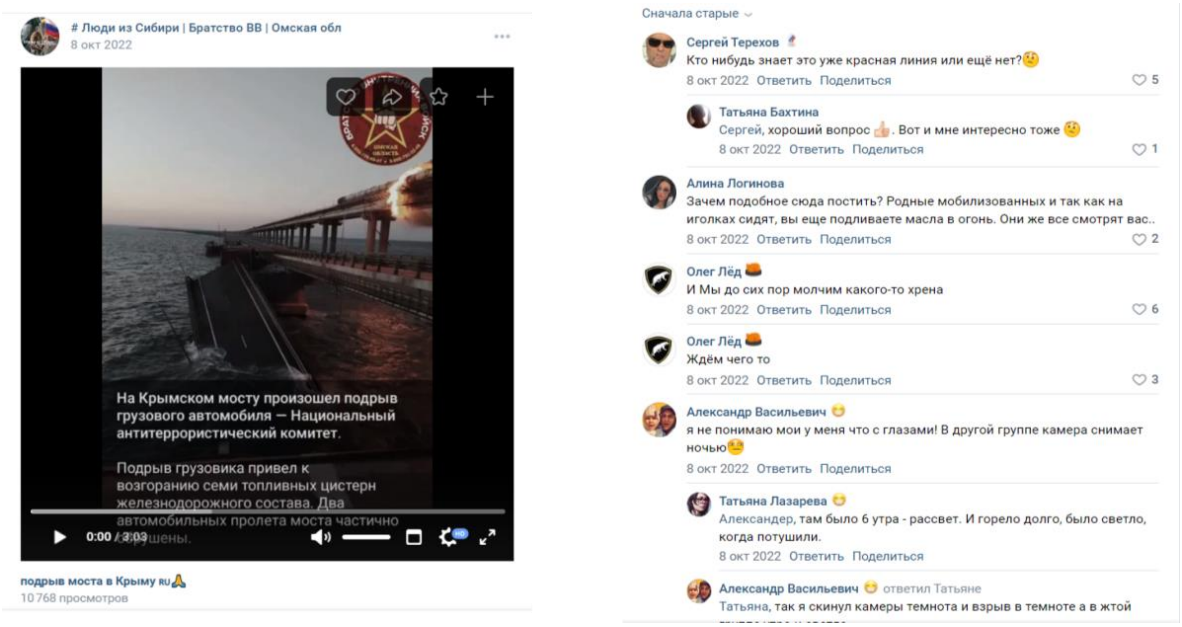

Рис. 6. Публикация и комментарии к ней в сообществе «# Люди из Сибири | Братство ВВ | Омская обл» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующие действие механизма психологической защиты замещения

Fig. 6. Publication and its comments in the community "# Lyudi iz Sibiri | Bratstvo VV | Omskaya obl" in the social network Vkontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism substitution

Контент, предлагающий такую форму психологической защиты, опасен тем, что открытое проявление ненависти к человеку более сильному, статусному и т. п. переносится на другого человека, который является более слабым и доступным. В социальном окружении человек с такой формой психологической защиты может совершать неожиданные, бессмысленные действия, которые позволяют ему на какое-то время справиться со своим внутренним напряжением. Выйти из кризисной ситуации, принять «новую нормальность» такой человек не способен; он проявляет этот психологический механизм не только по отношению к объекту действия, но и к его источнику, что говорит о его неспособности критически осмыслить ситуацию, а значит, принять реальность.

7. Такой механизм психологической защиты как ***интеллектуализация*** («рационализация») проявляется в чрезмерном «умственном» преодолении кризиса. Другими словами, человек благодаря использованию фактов, логических установок стремится пресечь переживания относительно субъективно неприятной, неприемлемой ситуации. Проявление этого механизма можно часто наблюдать в комментариях к публикациям, в которых автор стремится продемонстрировать свою осведомленность в том или ином вопросе, основываясь на фактах. Например, как в комментариях (рис. 7, 8, 9).

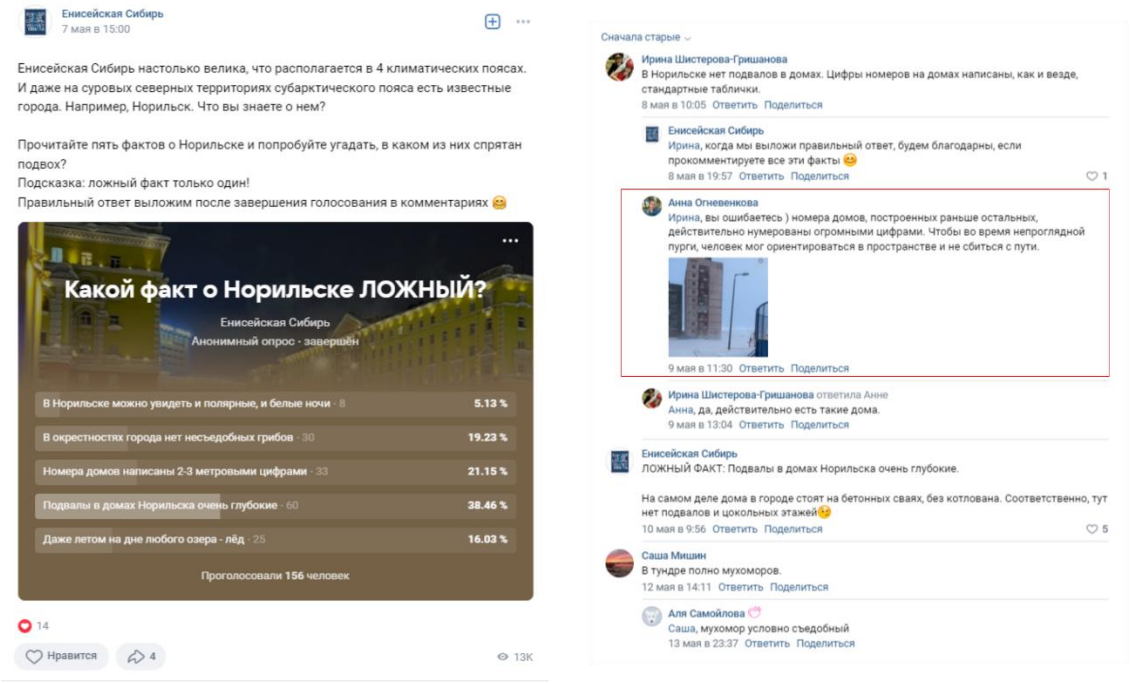

Рис. 7. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Енисейская Сибирь» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации

Fig. 7. Publication and its comment in the community “Eniseiskaya Sibir'” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

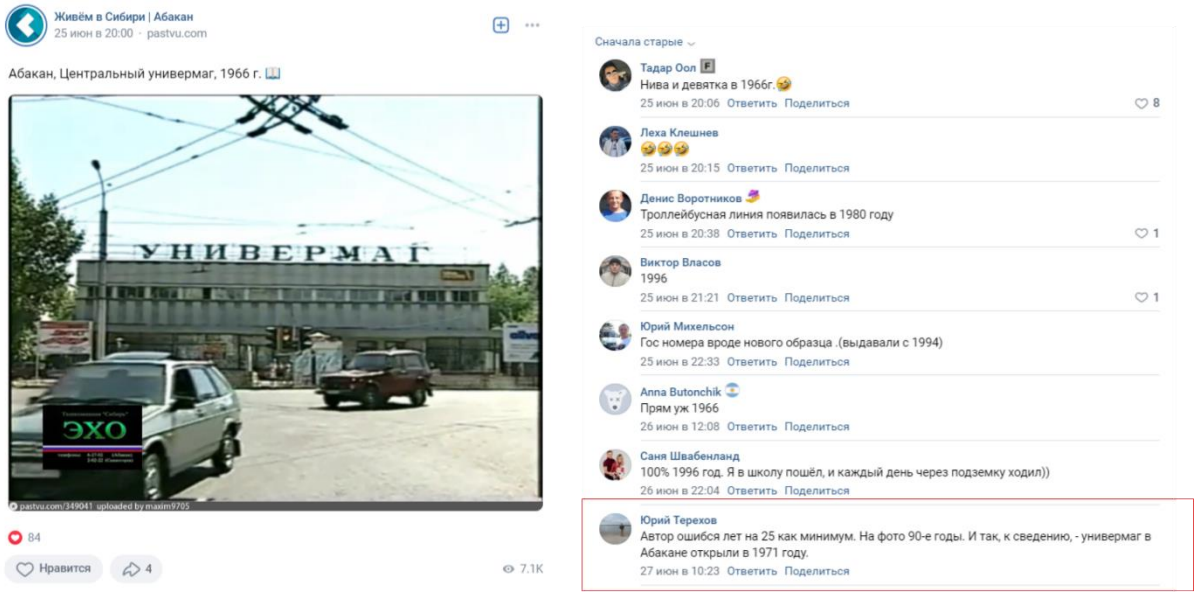

Рис. 8. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Живём в Сибири | Абакан» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации

Fig. 8. Publication and its comment in the community “Zhivyom v Sibiri | Abakan” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

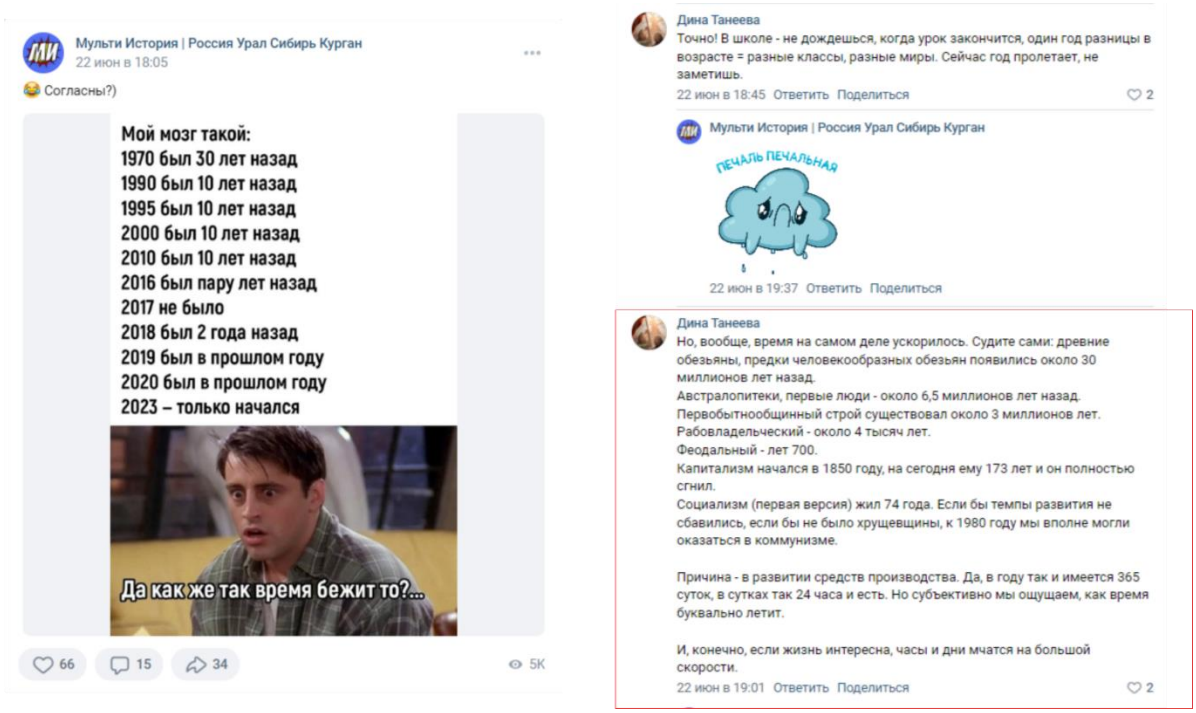

Рис. 9. Публикация и комментарий к ней в сообществе «Мульти История | Россия Урал Сибирь Курган» в социальной сети ВКонтакте, демонстрирующий действие механизма психологической защиты интеллектуализации

Fig. 9. Publication and its comment in the community “Mul'ti Istoriya | Rossiya Ural Sibir' Kurgan” in the social network VKontakte, demonstrating the action of the psychological defence mechanism intellectualization

Данный механизм психологической защиты также не способствует принятию «новой нормальности», поскольку человек из реального мира «перемещается» в идеальный мир, состоящий из слов и абстракций. Таким образом он создает псевдоразумные обоснования кризисных ситуаций. «Новая нормальность» не принимается, так как снижается ценность недоступного для человека опыта, а значит, он не способен принять новую ситуацию. Таким образом, человек остается в выдуманном самим собою комфортном мире, в объективном существовании которого старается убедить окружающих.

8. ***Реактивные образования*** («гиперкомпенсация»). При действии данного механизма психологической защиты человек развивает противоположные стремления с целью предотвращения выражения субъективно неприемлемых чувств, мыслей и поступков.

Провоцировать подобную психологическую защиту могут публикации, осуждающие откровенную демонстрацию сексуальности в сообществе, ненормативную лексику, непристойность другого рода, что наблюдается в следующих сообществах: *«Новости Красноярска и Сибири | 1-LINE», «СИБИРЬ ЗДЕСЬ», «ВТЕМЕ | НОВОСТИ СИБИРИ», «Наука в Сибири», «Отдых в Сибири», «Енисейская Сибирь» и др.*

О принятии «новой нормальности» здесь также речь не идет, ибо происходит превращение внутренних импульсов в их противоположность, что также демонстрирует уход от реальности и исключает ее принятие.

Таким образом, анализ сетевых (виртуальных) артефактов (публикаций и комментариев в сообществах о Сибири в социальной сети ВКонтакте) как новых культурных кодов современного общества двойной онтологии (реальной и виртуальной) показал, что рассмотренный контент сетевых сообществ свидетельствует о таком психологическом состоянии современного человека, которое не способствует принятию «новой нормальности» и нового стиля жизни. Поэтому о предпосылках психологического выхода из кризиса и отказе от психологических механизмов защиты пока говорить рано даже в рассматриваемых сообществах, целевые аудитории которых в силу определенных территориальных (суровые климатические условия, обусловленные географическим расположением Сибири), исторических, социальных (выстроенные в Сибири «уникальные коммуникативные сети между древними цивилизациями и современностью, коренным населением и переселенцами» (Спичева, 2017: 212)) и других причин, казалось бы, должны быть более приспособлены к быстрому преодолению кризисной ситуации, принятию «новой нормальности» и освоению нового стиля жизни. А значит, и для других, более резистентных сообществ о выходе из кризиса говорить еще рано. Но поскольку информационное поле сегодня во многом определяет психологическое состояние современного человека, то можно предположить, контент какого содержания, тона, стилистики и пр. может помочь преодолеть механизмы психологической защиты, принять «новую нормальность» и освоить новый стиль жизни. В качестве такового может явиться разнообразный контент (текстовые сообщения; аналитические статьи и лонгриды; коллажи; видео-, аудиотрансляции; подкасты; скринкасты и пр.), направленный на формирование критического мышления, демонстрирующий наличие разных точек зрения на то или иное явление, который не упрощает социальную реальность, а стремится в аргументированной форме показать ее сложность и амбивалентный характер. Данный контент должен побуждать к конструктивной дискуссии. Выявление такого рода потенциала контента сетевых сообществ – задача дальнейших исследований, в которых возможно применение описанных в статье интегрированных (реальных и виртуальных) инструментов для измерения психологического состояния людей, существующих в этой двойной онтологии. Психологическое состояние человека современного сетевого общества, как показано, пока можно расценить как неприятие «новой нормальности» и нового стиля жизни в эпоху глобального кризиса.

Литература

Банников, К.Л. Информационная теория этноса. Аспекты и интерпретации // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 194-218.

Глущенко, В.В. Нейротехнологии в геополитике, управлении, экономике во время глобального кризиса и гибридных войн (часть 1) // Вопросы безопасности. 2022. № 2. С. 24-40.

Клубова, Е.Б. Методы медицинской психологии в диагностике психологических защитных механизмов // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: сб. науч. трудов / под общ. ред. М.М. Кабанова. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 1994. Т. 133. С. 77-81.

Кужелева-Саган, И.П. К вопросу об онтологии современного сетевого общества // Век информации. Медиа в современном мире: Петербургские чтения: мат-лы 56-го междунар. форума (13-14 апреля 2017 г.) / отв. ред. В.В. Васильева. СПб.: Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций, 2017. С. 245-247.

Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Ситников, А.П., Гундарин, М.В. Победа без победителей: Очерки теории прагматических коммуникаций. М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2003. 256 с.

Спичева, Д.И. «Сибирский геном» как фактор формирования идентичности цифрового номада // Комплексные исследования человека: психология: материалы VII Сибирского психологического форума. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2017. С. 211-215.

Тетерятников, К.С. Новая реальность/нормальность в экономике и финансах: мировой и Российский опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. № 1. С. 268-285.

Фрейд, А. Психология “Я” и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 140 с.

Яковец, Ю.В. Глобальный цивилизационный кризис-2020 – старт новой исторической эпохи. Науч. доклад. Приложение. Новая периодизация истории и будущего цивилизаций, капитализма и социализма. М.: МИСК, 2020. 148 с.

Adler, A. The pattern of life. Cosmopolitan Book Corporation, 1930. 271 p.

El-Erian, M.A. New Normal … Morphing // Secular Outlook. PIMCO. May, 2013. Pp. 1-8.

Izadi, S., Fraser, M., Benford, S., Flintham, M., Greenhalgh, C., Rodden, T. and Schnädelbach, H. Citywide: Supporting Interactive Digital Experiences Across Physical Space // Personal and Ubiquitous Computing. 2002, Vol. 6 (4). Pp. 290-298.

Krydowski, M. Global crisis - the beginning of recession or chance for success? // CNBOP-PIB. 2010. Pp. 1-25.

McNamee, R. The New Normal: Great Opportunities in a Time of Great Risk. Portfolio Hardcover, 2004. 272 p.

Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H. R. A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions. Boston: Springer, 1979. Pp. 227-257.

Raspapou, A. Александр Введенский и традиция абсурда, dysertacje. Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, Poznań, 2016. 266 p.

References

Adler, A. (1930), *The pattern of life*, Cosmopolitan Book Corporation.

Bannikov, K. L. (2022), “Information Theory of Ethnicity. Aspects and interpretations”, *Etnografiya* [Ethnography], 4 (18), 194-218 (in Russ.).

El-Erian, M. A. (2013), “New Normal … Morphing”, *Secular Outlook. PIMCO*, May, 1-8.

Freud, A. (1993), *Psikhologiya YA i zaschitnye mekhanizmy* [The Ego and the Mechanisms of Defence], Pedagogika-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Glushchenko, V. V. (2022), “Neurotechnologies in Geopolitics, Management, Economics during the Globalcrisisand hybrid Wars (Part 1)”, *Voprosy bezopasnosti* [Security issues] 2, 24-40 (in Russ.).

Izadi, S., Fraser, M., Benford, S., Flintham, M., Greenhalgh, C., Rodden, T. and Schnädelbach, H. (2002), “Citywide: Supporting Interactive Digital Experiences Across Physical Space”, *Personal and Ubiquitous Computing*, 6 (4), 290-298.

Klubova, E. B. (1994), “Methods of medical psychology in the diagnosis of psychological defence mechanisms”, *Teoriya i praktika meditsinskoy psikhologii i psikhoterapii* [Theory and practice of medical psychology and psychotherapy], 133, 77-81 (in Russ.).

Krydowski, M. (2010), “Global crisis - the beginning of recession or chance for success?”, CNBOP-PIB, 1-25 (in Polish).

Kuzheleva-Sagan, I. P. (2017), “On the ontology of the modern networked society”, *Vek informatsii. Media v sovremennom mire: Peterburgskie chteniya: materialy 56-go mezhdunarodnogo foruma* [The Age of Information. Media in the Modern World: St. Petersburg Readings: materials of the 56th International Forum (13-14 April 2017)], Saint Petersburg, Russia, 245-247 (in Russ.).

Leontiev, D. A. (2003), *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [The psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of meaning reality], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

McNamee, R. (2004), *The New Normal: Great Opportunities in a Time of Great Risk*, Portfolio Hardcover.

Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H.R. (1979), “A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions”, *Emotions in Personality and Psychopathology*, Springer, Boston, 227-257.

Raspapou, A. (2016), *Aleksandr Vvedenskiy i traditsiya absurda* [Alexander Vvedensky and the tradition of the absurd], D. Sc. Thesis, Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu, Poznań, (in Russian and in Polish).

Sitnikov, A. P. and Gundarin, M. V. (2003), *Pobeda bez pobediteley: Ocherki teorii pragmaticheskikh kommunikatsiy* [Victory Without Winners: Essays on the Theory of Pragmatic Communication], “IMIDZH-Kontakt” Consulting Group, Moscow, Russia (in Russ.).

Spicheva, D. I. (2017), “Siberian genom" as a factor of constructing identity of a digital nomad”, *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psi-*

hologiya: materialy VII Sibirskogo psihologicheskogo foruma [Integrated Human Studies: Psychology: Materials of the 7th Siberian Psychological Forum], Tomsk, Russia, 211-215 (in Russ.).

Teteryatnikov, K. S. (2017), "New Reality/Normality for Economy and Finance: National and Global Experience", *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [The Free Economic Society of Russia], 1, 268-285 (in Russ.).

Yakovets, Yu. V. (2020), *Globalny tsivilizatsionny krizis-2020 – start novoy istoricheskoy epokhi* [Global civilization crisis 2020 – the start of a new historical era], International Institute of Pitirim Sorokin – Nikolai Kondratiev, Moskow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Спичева Дина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *speecheva@mail.ru*

Винокурова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры социальных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, г. Томск, 634050, Россия; *c.vinockurova@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Dina I. Spicheva, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russia; *speecheva@mail.ru*

Ekaterina N. Vinokurova, Assistance Lecturer, Department of Social Communications, National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russia; *c.vinockurova@yandex.ru*

УДК 7.067.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-9**

Зайцева Д. С.

Феномен советской моды: столкновение социалистической идеологии и модных желаний потребителей

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; *st087519@student.spbu.ru*

Аннотация. В центре внимания автора находится феномен советской моды. Особенностью авторского подхода к теме является выявление идеологических причин формирования разрыва между официальным модным дискурсом (модные показы, выставки, публикации в женских журналах, специализированных изданий домов мод) и модой как частью повседневной культуры. Произведен краткий исторический обзор трансформации потребительских установок в сфере потребления одежды в советском обществе с 1920-х до наступления оттепели. Преобразование модного дискурса в 1950-е гг. анализируется с точки зрения историко-культурного контекста эпохи, а также предыдущих этапов существования моды в СССР. Выделены основные черты советского стиля, подчеркнута его противоречивость. Проведено сравнение феноменов социалистической моды и моды европейских стран, для чего использованы как материалы, выражающие официальную риторику власти по поводу европейской моды, так и статьи, содержащие социологические исследования о советской повседневной культуре регионов. Анализируются изменения в визуальной репрезентации моды на страницах советских изданий на разных этапах существования советского государства. Кроме того, рассмотрены примеры осмысления понятий «современность» и «мода» в женских журналах 1960-1970-е гг., что важно для понимания процессов легитимации культуры потребления в СССР. Таким образом работа нацелена на изучение процесса рефлексии по поводу модного дискурса в советском обществе. Эмпирической базой для исследования послужили публикации журналов «Работница», «Крестьянка», «Журнал мод», «Модели сезона», картины европейского кинематографа.

Ключевые слова: советская мода; модный дискурс; модный образ; модный журнал; кинематограф; социалистическая мораль

Для цитирования: Зайцева Д.С. Феномен советской моды: столкновение социалистической идеологии и модных желаний потребителей // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 103-119. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-9

D. S. Zaitseva

The phenomenon of Soviet fashion: the clash between socialist ideology and consumers' fashion desires

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, 5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia; *st087519@student.spbu.ru*

Abstract. The author focuses on the phenomenon of Soviet fashion. A feature of the author's approach to the topic is the identification of ideological reasons for the formation of a gap between the official fashion discourse (fashion shows, exhibitions, publications in women's magazines, specialized publications of fashion houses) and fashion as part of everyday culture. A brief historical overview of the transformation of consumer attitudes in the field of clothing consumption in Soviet society from the 1920s to the onset of the thaw is made. The reinterpretation of fashion discourse in the 1950s is analyzed from the point of view of the historical and cultural context of the era, as well as the previous stages of the existence of fashion in the USSR. The main features of the Soviet style are highlighted, its inconsistency is emphasized. The phenomena of socialist fashion and the fashion of European countries are compared, for which both materials expressing the official rhetoric of the authorities about European fashion and articles containing sociological research on the Soviet everyday culture of the regions are used. The author analyzes the change in the visual representation of fashion on the pages of Soviet publications at different stages of the existence of the Soviet state. In addition, the article considers examples of understanding the concepts of "modernity", "fashion" in women's magazines of the 1960s and 1970s, which is important for understanding the processes of legitimization of consumer culture in the USSR. Thus, an important part of the work was the process of reflection on fashion discourse in Soviet society. The empirical basis for the research was the publications of the magazines "Rabotnitsa", "Krestyanka", "Fashion Magazine", "Models of the season", pictures of European cinema.

Keywords: soviet fashion; fashion discourse; fashionable image; fashion magazine; cinema; socialist morality

For citation: Zaitseva D. S. (2023), “The phenomenon of Soviet fashion: the clash between socialist ideology and consumers' fashion desires”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 103-119, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-9

Советская мода в последнее время активно изучается историками, культурными антропологами, социологами. Это связано с тем, что мода как важный социокультурный феномен не только отражает происходящие во всех сферах жизни общества процессы, но и оказывает влияние на общественное мнение, определяет нормы красоты, правила поведения, создает идеал человека, что влияет на решение политических, экономических и иных проблем. Советская мода находится под пристальным вниманием исследователей, поскольку она существовала непродолжительный период времени, сформировалась в относительно замкнутом пространстве, что обусловило ее уникальность. Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу потребительских стратегий и моды в советском обществе, тема не является исследованной вполне. Так, в научном поле преобладают материалы, посвященные работе центральных и региональных домов моделей, то есть истории проектирования одежды в СССР (Гангур, Гангур, 2021), (Гуменюк, 2022), (Журавлев, Гронов, 2012), а также статьи,

анализирующие визуальную репрезентацию моды на страницах советских журналов (Бурова, 2022). (Дашкова, 2020), (Клинова, 2021). Большую ценность также представляют работы, предлагающие осмысление понятия «советская мода». В некоторых из них она рассматривается как «коммуникативный код, дисциплинирующий граждан» (Трушина, 2017), в других предложено рассмотрение особенностей советской моды, связанных с ее особым отношением со временем (Гурова, 2018).

Мы же сосредоточились на осмыслении советской моды в сравнении с феноменом западного стиля в одежде. Важным является не только сосредоточение на аналитике эмпирического воплощения социалистической моды в виде конкретных образов, но и рассмотрение теоретических конструкций советских идеологов моды. Исходя из трактовки моды как явления, появившегося в Новейшее время и обладающего такими характеристиками, как направленность на демонстрацию своих отличительных характеристик, индивидуализацию, быструю изменчивость, преобладание иррациональной мотивации (элегантность, красота, изящество ценится выше полезности) в выборе того или иного наряда, отметим, что данные признаки противоречат социалистическим ценностям. В нашей работе рассмотрена проблема несоответствия между социалистической моралью и сущностью модного дискурса, повлекшего за собой отличительные особенности советской моды.

Под «модным дискурсом» мы понимаем совокупность отношений, складывающихся в процессе производства и потребления одежды, обуви, причесок, макияжа, то есть всех составляющих внешнего облика человека; смыслы и тексты, порожденные в результате этих социальных взаимодействий и определяющие образ жизни людей определенной культуры. Следовательно, в ходе рассмотрения советского модного дискурса в центре нашего внимания будут как непосредственно модные образы, так и способы их трансляции, формирование отношения к ним и выстраивание коммуникации между участниками потребления того или иного объекта, наделяемого статусом «модный».

В первые годы советской власти экономика находилась в упадке – не работали текстильные предприятия, отсутствовали моделирующие организации. Несмотря на экономические трудности, не позволявшие наладить массовое производство одежды, деятели культуры, которые поддерживали советскую власть, занимались переосмыслением материального мира, практик потребления, в том числе и одежды. В этот период были предложены идеи по созданию нового советского костюма. Так, А. Экстер, Л. Попова, В. Степанова создавали дизайны тканей с изображением советской атрибутики – серпов и молотов, знакомых рабочим предметов – винтов, тракторов, аэропланов, спортивного инвентаря и т. д. Заслугой советских художников и конструкторов является не только разработка так называемого «агиттекстиля», но и «костюма сегодняшнего дня» или одежды для работы на производстве. Например, В. Степанова создала проекты производственного костюма врача, пожарного, продавца, пилота (Шепель, 2011: 292-293). Данные проекты свидетельствуют о переосмыслении роли одежды в жизни советского человека – если человек капиталистического общества, по мнению идеологов прозодежды, живет ради украшательства, является рабом красивого костюма, то советскому человек служит одежда, а не он ей.

В этот период активно происходит критика показного богатства, демонстративного потребления, пропагандируется простота и доступность моды. Примером таких взглядов, активно распространяемых со страниц советских газет и плакатов, служит фраза В. Маяковского «Элегантность – это 100 % полезность, удобство вещей и простор жилища» (Гурова, 2005: 120). Таким образом, происходит противопоставление дореволюционной и западной моды советскому стилю, который только начинает

осмысливаться как нечто соответствующее идеалам коммунизма. Заметим, что рациональность (полезность), отказ от излишеств, чрезмерной индивидуализации посредством одежды будут поощряться в официальном модном дискурсе на протяжении всего существования советского государства.

В годы НЭПа частично возрождаются элементы западного образа жизни благодаря проникновению модных тенденций европейских стран. Зажиточная прослойка – новая партийно-государственная элита и деятели культуры – стала подражать западной моде, главным трансляторам которой являлись журналы мод из Европы и Америки (Шепель, 2011: 294). Мода нэпманов отличалась от разработок советских конструктов одежды постреволюционного периода, поскольку ориентировалась на образцы капиталистических стран, придавала большое значение внешней красоте образа, что явно не соответствовало таким принципам официально поддерживаемого стиля как простота, удобство, доступность для рабочего класса.

В 1930-е гг. с переходом к индустриализации и коллективизации, установлением жесткого контроля над культурой и повседневной жизнью, влияние Запада в моде становится менее заметным. Однако модный дискурс продолжает существовать, особенно в среде привилегированной интеллигенции и высшего партийного аппарата, которые сохраняют привилегию подражать европейским тенденциям. Для большей части советских людей мода еще больше становится на службу идеологии. Образ товарища с соответствующей одеждой (платья без декольте и акцентов на грудь, одежда черного и коричневого цвета) рассматривается исследователями в качестве дисциплинирующего коммуникативного кода, способа конструирования советского человека, соответствующего идеологическим потребностям власти (Трушина, 2017: 168). Следовательно, развитие моды как сферы проявления индивидуального, концентрации творческих сил не было возможным в сталинские годы по причине чрезмерного контроля государства.

В годы Великой Отечественной войны вопросы одежды и стиля отходят на второй план, и только с приходом к власти Хрущева происходит возрождение модного дискурса в советском государстве. Об этом свидетельствуют рост мероприятий в сфере моды (Восьмой конгресс моды в Москве (1957), Международная выставка одежды и Международный фестиваль мод в Москве (1967 год)), увеличение количества обращений к сфере потребления модной одежды в советских журналах (Виниченко, 2015: 24-25). Кроме того, во время оттепели начинают проводиться официальные совещания художников-модельеров стран-членов СЭВ по вопросам культуры одежды (Гуменюк, 2022: 53), то есть переосмысление моды в советском обществе начинается во время оттепели. Каковы были предпосылки этого явления? Их условно можно разделить на экономические, социальные и идеологические.

Экономические предпосылки легитимации моды связаны с ускоренным подъемом хозяйства после войны. Экономический рост позволил обеспечить легкую промышленность сырьем, что создавало возможности для увеличения производства одежды. Кроме того, в этот период развернулась розничная торговая сеть, расширился товарный ассортимент, повысились доходы населения (Виниченко, 2015: 7-8). Ориентация экономики на развитие агросферы и легкой промышленности в 1953–1955 гг. создали экономические возможности для будущего переосмысления советского модного дискурса.

В социальной сфере во второй половине 1950–1960-х гг. также произошли трансформации. Разворачивается массовое жилищное строительство, в большом количестве появляются в результате застройки новых микрорайонов «объекты соцкультбыта» – школы, детские сады, поликлиники, центры бытовых услуг. Такая ориен-

тация советского государства на удовлетворение экономических и социальных потребностей человека связана с формированием платежеспособной социальной группы, состоящей из рабочих и служащих, широко вовлеченных в процесс потребления (Виниченко, 2015: 13).

Стоит подчеркнуть, что в период оттепели фактически впервые советская идеология санкционирует часы, свободные от общественно полезного труда, то есть «досуг». Это подтверждается на законодательном уровне увеличением количества выходных дней (с 1967 г. их становится два в неделю) и появлением сокращенных рабочих дней перед выходными и праздниками (Щукин, 2020: 165). Время, высвободившееся у людей, могло быть потрачено на заботу о собственной внешности. Заметим, что модный дискурс развивается при наличии у людей «излишка» ресурса, причем не только денежного, но и временно́го. Пример советского государства также это доказывает – экономическими предпосылками возрождения советской моды стали рост заработной платы, улучшение жилищных условий, а социальной – появление свободного времени. Таким образом, переосмысление концепта «советская мода» произошло в период, когда базовые потребности людей были удовлетворены и, как следствие, обострились желания в расширении сферы потребления.

Каковы идеологические предпосылки легитимации советской моды в годы оттепели? По мнению Дж. Бартлетт, советскому государству требовалась лояльность многочисленной социальной группы для поддержания равновесия государственной системы и успешной конкуренции с Западом (Бартлетт, 2011: 211). Если в сталинскую эпоху государство заключило негласный контракт с чиновниками, творческой интеллигенцией, высококвалифицированными специалистами, то в период оттепели власть решила заручиться поддержкой быстро растущей группы молодых специалистов и рабочих, которых Дж. Бартлетт называет «социалистический средний класс». Они трудились на благо советского общества, формально поддерживали социалистический строй, а взамен получили возможность удовлетворять свои потребности, в том числе и в сфере моды (Бартлетт, 2021: 116). С такой точки зрения, советская мода была легитимизирована и переосмыслена благодаря компромиссу между интересами власти и негласными требованиями «социалистического среднего класса».

Стоит подчеркнуть, что быстрому росту материальных запросов в годы оттепели способствовала их длительная «сублимация» в советском обществе. В годы оттепели, когда проблемы с обеспечением продуктами питания и товарами для удовлетворения базовых потребностей были частично решены, отложенные ожидания советских граждан проявились с новой силой (Журавлев, Гронов, 2013: 13). Подчеркнем, что даже в экономически тяжелое время советские люди могли видеть мир потребления европейских стран, в которых модный дискурс был более развит, чем в советском обществе. Например, благодаря трансляции трофейных фильмов в послевоенные годы советские граждане знакомились с западной повседневностью, а потому руководству страны было важно создать привлекательный концепт социалистического стиля, чтобы выдержать конкуренцию с рассказами о европейском образе жизни и капиталистической моде, которая все больше привлекала население СССР.

Итак, в конце 1950-х гг. советская власть предоставила возможность советскому человеку частично удовлетворить свои желания в сфере потребления. Одной из попыток идеологически оправдать появление советской моды стала фиксация в третьей Программе КПСС (1961 г.) планов на удовлетворение «потребностей всех слоев населения в высококачественных товарах широкого потребления: добротной и красивой одежде, обуви, вещах, улучшаю-

щих и украшающих быт советских людей…»[1]. Улучшение качества предметов гардероба и расширение разнообразия одежды, доступной гражданам, преподносилось как построение материально-хозяйственной базы для будущего перехода к коммунистическому обществу, то есть развитие модного дискурса в советском обществе рассматривалось в качестве идеологического фактора, способствующего решению главной задачи советской власти – построения коммунизма. По мнению Е.Н. Коробкова, в период 1960-х гг., когда в СССР начало формироваться общество потребления и росло внимание населения к проблеме материального благосостояния, советской власти пришлось признать, что «хотя общественный интерес имеет в СССР первенство, он должен правильно, разумно сочетаться с личным интересом». Данная политика была ответом на вызовы формирующегося в советском государстве общества потребления, в котором и государство было заинтересовано в высокой производительности труда, и граждане в возможности как можно быстрее удовлетворить материальные запросы (Коробков, 2022: 150). Следовательно, в период оттепели произошло частичное идеологическое примирение недопустимых ранее буржуазных устремлений граждан с требованиями социалистического строя.

В результате описанных выше процессов советская власть стала предпринимать меры по разработке концепта советской моды. В 1956 г. «Журнал мод», издававшийся Центральным домом моделей, заявил о необходимости выработать стиль, характерный для стран социалистического лагеря. В результате официальной формулировки такого заказа, исходившего от главной моделирующей организации Советского Союза, то есть органа, контролируемого властью, в Москве стали проводиться заседания рабочей группы по вопросам культуры одежды, в ходе которых модельеры сформулировали принципы советского стиля – удобство, практичность, функциональность и гигиеничность, отказ от сенсационности и экстравагантности (Гуменюк, 2022: 53). Заметим, что свойства, предписываемые будущей советской моде, не противоречили требованиям к революционному стилю – подчеркивалось главенство пользы вещи, а не наслаждения ею. Кроме того, данные принципы закрепляли важность дисциплинирующей функции одежды. Советский стиль все еще являлся костюмом идеологически верного товарища, живущего в коллективе и занятого общественно полезным трудом, поэтому выбирающего практичную и простую одежду. Таким образом, в основе восприятия советской моды сохранялись взгляды 1920–1930-х гг.

Идеологическими причинами объясняется тиражирование не только кодекса моды, но и антикодекса – стиля, с которым надо бороться (Виниченко, 2015: 30). В 1950–1960-е годы примером антикодекса моды является распространение в карикатурах образа стиляги – человека общественно-вредного, тунеядца, который при этом имеет материальные блага (символом чего были модная одежда и прическа). Стиляга становится антиобщественным персонажем не потому, что следит за модой, а потому, что следит не за той модой. Следовательно, на примере стиляг можно проследить идеологическое противопоставление советского стиля в одежде и антисоветского, западного. Кроме того, пример стиляг показывает, что внешний вид человека в советском обществе определял моральную характеристику, то есть советский стиль – это не только одежда, но и соответствие социалистическому образу жизни. Следовательно, советская мода предписывает определенное поведение, ее воспита-

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 г. URL: http://museumreforms.ru/node/13891 (дата обращения: 18.08.2023)

тельно-идеологическая функция проявляется сильнее, чем в западноевропейской моде. Стиляги выделяются, поэтому изгоняются из советского общества, и это высвечивает противоречие советской моды – она заставляет подчиняться принципу коллективности (так называемый отказ от излишеств в одежде, экстравагантности), в то время как модный образ в его традиционном новоевропейском понимании направлен на демонстрацию себя, подчеркивание отличий.

Другая особенность советской моды, отличающая ее от капиталистической моды европейских стран, – она несовместима с понятием прогресса, но идеология требует постоянного совершенствования (Журавлев, 2012: 347). Модные образы существуют в категориях эстетического, которые сложно оценивать в рамках социалистического соревнования. Советская мода оказывается в сложной ситуации – если относиться к ней как к произведению искусства, то это будет противоречить требованиям простоты, функциональности, но позволит говорить о ней как сфере прекрасного, которая противостоит западному демонстративному потреблению. Таким образом, свойственное европейской моде противоречивое нахождение как в эстетической, так и в социально-экономической плоскостях, для советского общества приводило к сложностям с выстраиванием восприятия модного дискурса. В итоге советская мода не могла быть искусством, но и не могла удовлетворять требованиям технического прогресса.

Кроме того, для моды социалистических стран было характерно сосуществование идеологических установок на отказ от фетишизации вещей и бытовавшей на практике высокой привязанности людей к предметам гардероба. Эта особая привязанность сформировалась из-за экономического дефицита – люди были вынуждены чинить приобретенные вещи, передавать предметы гардероба по наследству, а также самостоятельно шить одежду. Государство поощряло эти практики, поскольку они позволяли удовлетворить потребности населения в условиях товарного дефицита и свидетельствовали о бережливости – важном идеологическом основании советской моды. Практики самостоятельного пошива одежды, а также переделывания под себя уже готовой продукции некоторые исследователи рассматривают как попытку минимизировать дискомфорт в повседневной жизни (Гурова, 2018: 80). Для советских людей трудовые усилия по изготовлению предметов гардероба были возможностью избежать чувства вины за то, что они стали потребителями (Орлова, 2004) и начали получать удовольствие от материальных вещей. Следовательно, повседневные практики самостоятельного создания модных образов позволяли примирить капиталистическую по своей сущности сферу моды и социалистическую мораль. Однако если в краткосрочной перспективе это приводило к укреплению позиций простоты и функциональности советской моды, то в долгосрочной – вело к росту товарного фетишизма из-за привязанности к вещи, в поддержание жизни которой вложено много сил. Поощрение бережливости, экономности советских потребителей способствовало подрыву идеологических основ социалистического образа жизни и моды как его неотъемлемой части.

Стоит отметить еще одну особенность модного дискурса в СССР – заимствование образцов быстро меняющейся европейской моды при необходимости сохранения стабильности смыслов, значений, образов. В западной моде существовала множественность стилей, тренды в 1970-е гг. стали меняться еще чаще, чем в 1960-е гг., но выстраивание системы быстрой моды в условиях социалистической экономики было попросту невозможно. Следовательно, советским модельерам приходилось заимствовать элементы европейских мод и консервировать их, создавая образцы социалистического стиля. Результатом стал разрыв между официальным дискурсом искус-

ственно замедленной моды (в силу идеологических и экономических причин) и значительно более быстрым миром повседневной моды.

Для более глубокого анализа официального и неофициального модного дискурса, рожденных из противоречий конструкта советской моды, обратимся к рассмотрению каналов распространения модных образов в СССР.

Одним из способов познакомить советского обывателя с модным дискурсом были выставки новых моделей одежды. Они могли организовываться в виде демонстраций готовой продукции, размещенной на манекенах, и образцов ткани на стендах (Виниченко, 2008: 51). Выставки сопровождались комментариями искусствоведов о тканях, крое, особенностях изготовления того или иного фасона. Основными организаторами подобных мероприятий были фабрики и производственные объединения, поэтому выставки могли проходить на их территории. Кроме того, широко распространилась практика открытия фирменных магазинов с демонстрационными залами, где проводились покупательские конференции, лекции (Гангур, Гангур, 2021: 35). Заметим, что при организации выставок готовых изделий преобладала задача демонстрации прогресса в сфере социалистической экономики. Таким образом, первые каналы трансляции моды в советском обществе выполняли прежде всего просветительско-идеологическую функцию.

Однако уже со второй половины 1950-х гг. стало увеличиваться число модных показов в клубах и домах культуры с участием манекенщиц (Виниченко, 2008: 51). Здесь большую роль играла эстетическая сторона события – праздничная атмосфера, нарядные женщины на подиуме, возможность увидеть одежду на реальном человеке, а не на манекене. Следовательно, благодаря подобным мероприятиям мода выходит из сферы социалистического соревнования в сферу культуры, что роднит ее с феноменом моды стран капитализма. Организация таких показов формировала положительное восприятие моды среди советских людей, что служило росту интереса к модным образам в повседневном дискурсе.

Важно отметить, что деятельность по разработке новых моделей и их демонстрации гражданам велась не только в центральном Общесоюзном Доме моделей, но и в союзных и региональных подразделениях главной моделирующей организации СССР. Это подтверждается тем, что в международных выставках участвовали не только представители Общесоюзного Дома моделей. Так, в 1960 г. Ростовскому, Новосибирскому, Свердловскому, Горьковскому домам моделей было поручено участвовать в подготовке коллекции для демонстрации на ярмарке в Будапеште (Гангур, Гангур, 2021: 34), то есть деятельность по разработке достойных образцов советской моды велась по всей стране.

Разумеется, уровень включенности в модный дискурс жителей нестоличных городов был значительно ниже, чем людей из Москвы и Ленинграда. Однако публичные мероприятия в местных Домах культуры с участием сотрудников домов моделей и работников швейных предприятий были распространены даже в деревнях. Подтверждение этого находим в периодической печати. Так, в одном из номеров женского журнала «Крестьянка» была опубликована статья о сельском ситцевом бале, организованном в местном Доме культуры. На мероприятие были приглашены художник-модельер, а также коллектив швейной фабрики. Интересно, что среди участников бала проводился конкурс на лучший наряд, и в нем победила доярка. Ее платье, как подчеркивается в статье, «неброское», но сшито «с большим вкусом»[2]. Отметим также, что фото победителей на страницах журнала не представлены, а изображены только танцу-

[2] Нистряну, Вл. Однажды вечером // Крестьянка. 1963. № 8. С. 28.

ющие участники бала (рис. 1), из чего следует, что для автора факт победы девушки с определенным фасоном платья не так важен, как описание мероприятия. Важно подчеркнуть, что большинство нарядов были пошиты вручную участницами бала, но оценивал образы художник-модельер, то есть практика самостоятельного изготовления одежды была тесно связана с тенденциями, задаваемыми домами моделей. Анализ данной статьи свидетельствует о том, что в 1960-е годы существовало пространство модного дискурса даже в деревнях, и оно освещалось в советской печати.

Рис. 1. Участники ситцевого бала. Фото из журнала «Крестьянка». 1963. № 8
Fig. 1. Participants of the calico ball. Photo from the magazine *Krestyanka*. 1963. No. 8.

Советские граждане могли узнать о новейших тенденциях в социалистической моде не только благодаря участию в выставках готовой продукции и посещению показов, но и читая специальные периодические издания. Заметим, что журналы, демонстрирующие изображения модных образов, появились задолго до наступления оттепели. Так, издание Центрального дома моделей «Журнал мод» было учреждено еще в 1934 г. (Гуменюк, 2022: 53). К 1948 г. «Журнал мод» выпускался регулярно тиражом примерно 50 тыс. экземпляров. Альбомы с рисованными иллюстрациями издавали Ленинградский, Киевский, Рижский и Новосибирский дома моделей (Виниченко, 2008: 59). Однако способы репрезентации образов в прессе дооттепельного периода значительно отличались от изображений моды в 1960-1970-е гг.

Как замечает М.А. Клинова, в «Журнале мод» 1940-х гг. мода элитарна, издание не ориентировано на трансляцию образов, доступных для советских трудящихся. Изображения оторваны от привычной для советских людей повседневности. Фотографии демонстрируют нарядно одетых женщин, прогуливающихся у московских высоток, катающихся на пароходе, играющих в шахматы, танцующих. Женское тело на иллюстрациях представлено в виде фигуры с удлиненным силуэтом, тонкой талией и длинными ногами, что противоречит прилагаемым к журналам выкройкам 46-го размера. По мнению автора, такая репрезентация моды отчуждала индивида от социальной деятельности ради удобства демонстрации наряда, создавала культ внешнего и материального (Клинова, 2021: 67-68). Эта особенность советской моды доотепельного периода объяснялась тем, что подобная демонстрация модного дискурса существовала для формирования положительного облика СССР в капиталистических странах (Бурова, 2022: 314).

Проанализировав же издания 1960-1970-х гг., мы найдем больше образов, отражающих повседневную жизнь советских людей. Так, в выпуске весна-лето 1965 г. издания «Рижские моды» представлены как женщины в нарядных платьях, посещающие торжественные мероприятия, так и мо-

дели в обстановке, приближенной к повседневности (рис. 2). Перед нами изображения девушки в шерстяных костюмах на отдыхе (рис. 3), модели в сарафане и обуви с открытым носком, чей образ помечен как подходящий для пляжа (рис. 4). В журнале представлены костюмы для различных ситуаций – для вечерних выходов, активного отдыха, работы в саду и огороде, домашнего времяпрепровождения и даже ночные рубашки и пижамы для сна.

Рис. 2. Образы для повседневной жизни. «Рижские моды». Весна-лето 1965
Fig. 2. Images for everyday life. Rigas Modes. Spring-summer, 1965

Рис. 4. Образы для повседневной жизни. «Рижские моды». Весна-лето 1965
Fig. 4. Images for everyday life. Rigas Modes. Spring-summer, 1965

Рис. 3. Образы для повседневной жизни. «Рижские моды». Весна-лето 1965
Fig. 3. Images for everyday life. Rigas Modes. Spring-summer, 1965

Заметим, что для некоторых участников модного дискурса покупка специальных изданий о моде представлялась нерациональным расходованием средств. В частности, многие женщины, читающие журналы «Работница» и «Крестьянка», пользовались выкройками, размещенными на последних страницах этих изданий. Это позволяло сэкономить деньги, поскольку в женских журналах читательницы находили и рецепты приготовления блюд, и советы врачей, и новости о государственных мероприятиях, и художественное творчество, и модные образы. Кроме того, язык изложения материалов о стиле в этих журналах был более доступным для широкого круга читателей, чем описание фасонов одежды в «Журнале мод».

«Работница» и «Крестьянка» не только демонстрируют модные образы, но

и представляют читательницам теоретические рассуждения о моде. Так, в № 7 «Работницы» за 1974 г. была размещена «Многоуважаемая мода», которая представляет собой попытки проанализировать модный дискурс в Польше – стране социалистического лагеря. В публикации мода предстает как положительное явление, способствующее развитию легкой промышленности, а женщины, покупающие новые фасоны платьев, называются смелыми и одаренными острым чувством момента. Автор рассказывает о модных в Польше весной 1974 г. «длинных юбках из разноцветных, завихряющихся в спираль полос», которые совершенно не практичны в повседневной жизни, но очень женственны (рис. 5).

Рис. 5. Образы польской моды. «Работница». 1974. № 7
Fig. 5. Images of Polish fashion. Rabotnitsa. 1974. No. 7

Автор публикации И. Кошелева не критикует эту модную тенденцию, а восхищается ей: «Но ее буйное весеннее появление было не рациональным, а просто радостным открытием, вдруг резко и точно подчеркнувшим сиюминутную красоту жизни, ее движение». В статье выражается надежда: «И не за горами то время, когда только моральная ветхость заставит нас менять вещи»[3]. Данный материал свидетельствует о стремлении советской идеологии не только создать некий конструкт социалистической моды, противопоставленный западной моде, но и показывает готовность властей принять желание советских людей быть красивыми и носить актуальную одежду.

Попытка проанализировать понятия мода и современность представлена в статье «Зарницы», опубликованной в журнале «Крестьянка». Автор согласен, что «нет женщины, которая не хотела бы выглядеть модно и быть вполне современной», но замечает, что прежде всего «…надо не забывать самое главное: одежда должна быть вам к лицу, подчеркивать достоинства внешности и скрывать ее недостатки». Также Б. Леонидова подчеркивает, что «…быть начитанной, образованной, трудолюбивой, естественной, скромной … – вот, что такое современный человек в высоком смысле этого слова»[4]. Эта статья служит примером продвижения принципов советского стиля среди читательниц. Кроме того, рассуждения автора публикации свидетельствуют о попытках примирить стремление советских людей следить за модными тенденциями и советскую мораль. Желание носить актуальную одежду не отвергается, но и не признается главным для молодых девушек, поскольку в официальном дискурсе модные образы – те, которые просты, функциональны и элегантны.

Удовлетворяя интерес читателей, советские журналы начинают публикацию материалов о европейской моде. Однако

[3] Кошелева И. Многоуважаемая мода // Работница. 1974. № 7. С. 28-29.

[4] Леонидова Б. Зарницы // Крестьянка. 1978. № 11. С. 26.

информация о западном образе жизни, доступная читателям модных изданий, была фрагментарной. При публикации материалов зарубежных мод иногда не было даже упоминания о том, в какой стране популярен тот или иной фасон. В частности, в февральском номере «Работницы» за 1974 г. сказано, что за границей в моде «деловые» вещи, подходящие для любого возраста и фигуры. Довольно расплывчатое описание («По-прежнему модны полуприталенные и приталенные силуэты, подчеркнутые крупной строчкой рельефные линии, сквозные застежки, складки») сопровождается фотографиями из европейских журналов мод, авторство которых не указано (рис. 6)[5]. Таким образом, для описания западной моды выбрана информация, которая свидетельствует о сходстве советского и европейского стиля в одежде и доказывает, что советская модная индустрии тоже справляется с удовлетворением потребностей выглядеть красиво.

Интересен факт появления в первом номере «Журнале мод» за 1958 г. раздела «Модели Италии». В нем представлены семь фотографий женщин в элегантных платьях и костюмах. При этом фотографии, в отличие от идентичных изображений советской моды, не сопровождены текстовым описанием. Более того, все они, кроме одной, черно-белые, что затрудняло повторение читательницами образов итальянских моделей. Образы итальянской моды, представленные в этом номере, выглядят довольно стереотипно – красивые женщины в шляпках и перчатках представлены на фоне средиземноморских пейзажей, страницы украшают карандашные зарисовки известных достопримечательностей (рис. 7-8). Таким образом, данная публикация скорее показала иллюстрации культурной жизни европейской страны, чем предоставила образы, которые могли быть легко повторены советскими женщинами.

Рис. 6. Зарубежная мода. «Работница». 1974. № 2.
Fig. 6. Foreign fashion. Rabotnitsa. 1974. No. 2.

Рис. 7. Модели Италии. Журнал мод. 1958. № 1.
Fig. 7. Models of Italy. Fashion magazine. 1958. No 1.

[5] Мода. Оформление Г. Горстиной // Работница. 1974. № 2. С. 26-27.

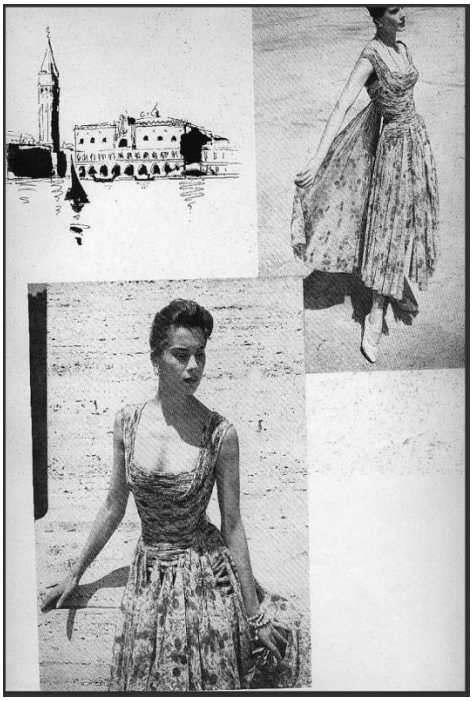

Рис. 8. Модели Италии. Журнал мод. 1958. № 1.
Fig. 8. Models of Italy. Fashion magazine. 1958. No 1.

Можно сделать вывод, что в годы оттепели журналы о моде стали одним из значимых каналов трансляции советского стиля в одежде. Читатели могли сравнить себя с изображенными людьми, что способствовало появлению большего желания купить или пошить определенный фасон. Однако имели такие издания и существенный недостаток: большинство моделей довольно похожи, покупка одного такого издания заменяла необходимость систематического приобретения всех выпусков «Журнала мод». Следовательно, типичные изображения, воплощающие противоречие между замедленной официальной модой и распространяющимся желанием людей жить в более быстрой модной темпоральности, приводили к поискам других каналов трансляции моды.

Одним из них становился зарубежный кинематограф. Европейские модные образы были привлекательны не только для жителей столицы и крупнейших городов Советского Союза, но и для населения регионов. Исследование, проведенное Н.З. Кидакоевой и А.М. Сиюховой, показало, что жительницы Республики Адыгеи и Краснодарского края с высшим образованием в брежневскую эпоху предпочитали смотреть трансляции конкурса итальянской эстрадной музыки «Сан-Ремо», болгарского соревнования песен «Золотой Орфей», польского фестиваля «Сопот» (Кидакоева, Сиюхова, 2017: 31), что свидетельствует об интересе к европейской телевизионной продукции.

Несмотря на неравномерно распространенный интерес советских людей к зарубежным фильмам и телепередачам, важным является то, что с экранов транслировались образы, которые в силу своей недоступности представлялись привлекательными для советских обывателей, уже сформировавших представление о моде благодаря модным журналам и деятельности моделирующих организаций. Столкновение модного дискурса европейских фильмов с их яркими образами и воплощением индивидуального вкуса героев – и официальной моды с ее строгостью, простотой, коллективизмом – приводили к появлению неофициального дискурса, рожденного из ограниченных возможностей советских людей и желания быть нарядными, как любимые персонажи. Распространилось воспроизведение отдельных элементов стиля понравившегося героя. Так, благодаря итальянским и французским фильмам с яркими образами звезд женщины стали шить платья из ярких тканей, отказываясь от покупки одежды из серых, черных, белых тканей, широко представленных в продаже. В частности, одежда европейских актрис изменила отношение к красному – некоторые женщины стали покупать красный ситец, предназначенный для ритуальных целей, и шить из него платья. Если не удавалось воплотить в повседневной жизни костюм из фильма такого же цвета из-за отсутствия в продаже тканей ярких оттенков, то перенимали крой или отдельные элементы образов (Кидакоева, Сиюхова, 2017: 55-56). Таким образом, особенностью неофициального

модного дискурса стало привнесение новых элементов в костюм, удовлетворявший требованиям советской моды.

Другой способ повторить стиль любимых актеров – воспроизведение женских причесок. Прически было легче скопировать, чем модели одежды (Дашкова, 2020: 44). Так, самой известной советской прической 1960-х гг. считается «бабетта», увиденная советскими женщинами во французском фильме «Бабетта идет на войну» (рис. 9).

Рис. 9. Прическа исполнительницы главной роли в фильме «Бабетта идет на войну», Брижит Бардо
Fig. 9. Hairstyle of the performer of the main role in the film “Babette goes to war”, Brigitte Bardot

Исследователи влияния итальянского кинематографа на советскую повседневность замечают, что на кинопремьерах часто можно было увидеть зрительниц, зарисовывающих наряды персонажей с целью дальнейшего воссоздания понравившихся элементов и аксессуаров (Мюллер Веласкес, 2021: 69). Практика просмотра фильма с целью запечатления примерного образа героини приводила к тому, что многие люди пытались найти соответствия между образами героев популярных в Советском Союзе фильмов и предлагаемыми моделями из официальной модной прессы. Результатом становился выбор для самостоятельно пошива тех платьев, которые хотя бы отдаленно напоминали одежду героев. Например, в модных журналах 1950–1960-х гг. женские наряды в целом соответствуют образам персонажей из картин итальянского неореализма, так как в кино данного стиля преобладают героини – представительницы бедного населения Италии, костюмы которых легко повторить. Так, образы Анны Маньяни из фильма «Самая красивая» могли быть повторены читательницами «Журнала мод», потому что актриса в кадре одета в черные платья, блузки и юбки простого кроя. Отметим, что зарубежные фильмы выходили на отечественные экраны с опозданием, поэтому то, что зрители считывали как самое актуальное и модное в Европе, таковым уже могло и не быть. Кроме того, работы неореалистов, служившие для части советских граждан в 1950-е гг. окном в мир европейского образа жизни, показывали одежды бедных слоев населения, что приводило к специфическому восприятию западного образа жизни.

Подведем итоги. Концепт советской моды, получивший свое рождение в идеях художников-конструктивистов и теоретиков 1920-х гг. и трансформировавшийся в 1930-е гг. в советский дисциплинирующий стиль, окончательно оформился в годы оттепели. Принципами социалистического вкуса, разработанного в соответствии с требованиями советской идеологии, стали простота, функциональность вещей, их элегантность, отсутствие излишеств в образах, отказ от экстравагантности. Основными каналами трансляции официальной моды были модные показы, выставки готовой одежды, статьи в женских журналах и материалы модных изданий. Советский стиль изначально был довольно противоречивым конструктом. Во-первых, он создавался как альтернатива западной моде, но тем не менее ориентировался на нее как на образец, что подтверждают публикации европейских образов в советских журналах. Во-вторых, советский стиль предполагал стабиль-

ность, неизменность, отсутствие стремления выделяться, что в принципе невозможно для потребителей моды, которые находят в ней средство для выделения себя, индивидуализации. Указанные противоречия свидетельствовали о разрыве между идеологической составляющей социалистического стиля и модными желаниями потребителей. Одним из способов преодоления несоответствия официального и неофициального модного дискурсов стало внедрение элементов западного стиля из европейских фильмов в образы, создаваемые на основе советских модных журналов. Так из официального социалистического стиля, удовлетворявшего требованиям властей, и европейской моды, более привлекательной для советских потребителей, родился специфический модный дискурс советского общества.

Литература

Бартлетт, Дж. Денди в социалистических странах Восточной Европы в 1946-1959 гг. // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. № 2 (60). С. 79-132.

Бартлетт, Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе / пер. с англ. Е. Кардаш. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.

Бурова, М.Д. Броский образ социалистической мечты – роль модной иллюстрации в советском глянце // Инновации и технологии к развитию теории современной моды «МОДА (Материалы. Одежда. Дизайн. Аксессуары)», посвященная Федору Максимовичу Пармону. Сб. мат-лов II Междунар. науч.-практич. конференции. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2022. С. 311-317.

Виниченко, И.В. Механизмы трансляции моды в СССР в период «оттепели» // Омский научный вестник. Общество. История. Современность. 2008. № 6 (74). С. 50-53.

Виниченко, И.В. Советская повседневность от «оттепели» до «застоя»: гендерное прочтение советского вкуса в моде и потребительской культуре // Социально-гуманитарное знание: история и проблемы современности: монография / ред. И.В. Виниченко, Ю.А. Дрыгина и др. St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, 2015. С. 3-37.

Гангур, Д.И., Гангур Н.А. Дома моделей и тренды советской моды 1950-1970-х гг.: общероссийское и региональное измерения // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 31-40.

Гуменюк, А.А. Советская мода второй половины 1950-х-середины 1980-х гг.: концепция, реализация, повседневные практики (на материалах Нижнего Поволжья) // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2022. № 14. С. 52-61.

Гурова, О.Ю. Время и мода: продолжительность жизни вещей в советском и постсоветском обществе // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 3-4. С. 68-96.

Гурова, О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117-131.

Дашкова, Т. Бабетта идет на Москву: экспансия зарубежного кино в советскую повседневность // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 56. С. 31-60.

Журавлев, С.В. Мода и социализм: материалы к обсуждению // Труды ИРИ РАН. 2012. № 10. С. 343-358.

Журавлев, С.В., Гронов, Ю. Мода по плану: история моды и проектирования одежды в СССР, 1917-1991. М.: [ИРИ РАН], 2013. 495 с.

Кидакоева, Н.З., Сиюхова, А.М. Роль экранных СМИ и кино в распространении моды в регионе в 1960-1980 гг. (на материале Республики Адыгея и Краснодарского края) // Культура и искусство. 2017. №10. С. 49-58. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.10.24469 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24469 (дата обращения: 29.06.2023)

Клинова, М.А. Советская мода второй половины 1940-х гг. на страницах модных и сатирических изданий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 65-70.

Коробков, Е.Н. Потребление и дефицит как основные маркеры советской повседневности // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-2. С. 149-152.

Мюллер Веласкес, Д.П. Роль итальянской культуры в контексте советской повседневности периода 1960-1970-х гг. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 66-72.

Орлова, Г. Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека //

Неприкосновенный запас. 2004. № 2. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/apologiya-strannoj-veshhi-malenkie-hitrosti-sovetskogo-cheloveka.html (дата обращения: 29.06.2023)

Трушина, Т.Л. Советская мода как коммуникативный код // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: мат-лы XX Всерос. науч.-практич. конференции Гуманитарного ун-та: в 2 томах (Екатеринбург, 11-12 апреля 2017 г.). 2017. Т. 1. С. 164-169.

Шепель, О.Н. Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т. 1. № 4. С. 292-295.

Щукин, Д.В. Особенности и основные механизмы трансляции «советского стиля» в пространстве повседневности СССР периода «развитого социализма» (1964–1982 гг.) // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 2 (23). С. 164-170.

References

Bartlett, Dj. (2011), *FashionEast: prizrak, brodivshiy po Vostochnoy Evrope* [FashionEast: The spectre that haunted socialism], Translated by E. Kardash, New Literary Observer, Moscow, Russia (in Russ.).

Bartlett, Dj. (2021), “Socialist dandies international: East Europe, 1946-59”, *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion theory: clothing, body, culture] 2, 79-132 (in Russ.).

Burova, M. D. (2022), “Bright look of socialist dream – the role of fashion illustration in soviet glossy magazine”, *Innovatsii i tekhnologii k razvitiyu sovremennoy mody, «Moda (materialy, odezhda, dizayn, aksessuary)», posvyashhennaya Fedoru Maksimovichu Parmonu*, [Innovations and technologies for the development of modern fashion, “Fashion (materials, clothing, design, accessories)”, dedicated to Fyodor Maksimovich Parmon], RSU named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia, 311-317 (in Russ.).

Dashkova, T. (2020), “Babetta goes to Moscow: the expansion of foreign cinema into Soviet everyday life”, *Teoriya mody: odezhda, telo, kultura*, 56, 31-60 (in Russ.).

Gangur, D. I. and Gangur, N. A. (2021), “Soviet fashion houses and fashion trends of the 1950-1970s: all-Russian and regional dimensions”, *Tomsk State University Journal of History*, 74, 31-40 (in Russ.).

Gumenyuk, A. A. (2022), “Soviet fashion in the second half of the 1950s-mid-1980s: concept, implementation, everyday practices (on the materials of the Lower Volga region)”, *Problemy rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian civilization and methods of teaching history], 14, 52-61 (in Russ.).

Gurova, O. Yu. (2005), “Consumption ideology in the Soviet society”, *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 4, 117-131 (in Russ.).

Gurova, O. Yu. (2018), “Fahion and time: The lifespan of things in Soviet and Post-Soviet Russia”, *Shagi / Steps*, 4 (3-4), 68-96 (in Russ.).

Kidakoeva, N. Z. and Siyukhova, A. M. (2017), “The role of screen media and cinema in the distribution of fashion in the region in 1960-1980s (on the material of the Republic of Adygea and the Krasnodar Territory)”, *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and art] [Online], available at: 10, 49-58, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24469 (Accessed 30 July 2023) (in Russ.).

Klinova, M. A. (2021), “Soviet fashion of the second half of the 1940s on the pages of fashion and satirical publications”, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya. Politologiya. Sociologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 1, 65-70 (in Russ.).

Korobkov, E. N. (2022), “Consumption and scarcity as the main markers of Soviet everyday life”, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education] 85-2, 149-152 (in Russ.).

Muller Velasquez, D. P. (2021), “Role of Italian culture in the context of soviet everyday life during 1960-1970s”, *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 1, 66-72 (in Russ.).

Orlova, G. (2004), “Apologia for strange thing: “little tricks” of the Soviet man”, *Neprikosnovenny zapas* [Online], available at: https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/apologiya-strannoj-veshhi-malenkie-hitrosti-sovetskogo-cheloveka.html (Accessed 30 June 2023) (in Russ.).

Shepel, O. N. (2011), “Origin of the Soviet Suit in Conditions of Society Massovisation”, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. *The humanities*, 1(4), 292-295 (in Russ.).

Shchukin, D. V. (2020), “Features and main mechanisms of translation of the “Soviet style” in the space of everyday life of the USSR during the period of “developed socialism” (1964-1982)”, *Problemy sotsialnykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of social and humanitarian sciences], 2, 164-170 (in Russ.).

Trushina, T. L. (2017), "Soviet fashion: a communicative code", *Rossiya mezhdu modernizatsiey i arkhaizatsiey: 1917-2017 gg.: materialy XX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Gumanitarnogo universiteta: v 2 tomakh* [Russia between modernization and archaization: 1919-2017: Rroceedings of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University: in 2 vols], 1, Ekaterinburg, Russia, 164-169 (in Russ.).

Vinichenko, I. V. (2008), "The mechanisms of fashion propagation in the USSR in the period of "thaw", *Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity Series*, 6, 50-53 (in Russ.).

Vinichenko, I. V. (2015), "Soviet everyday life from "thaw" to "stagnation": gender reading of Soviet taste in fashion and consumer culture", in Vinichenko, I. V. (ed.), *Sotsialno-gumanitarnoe znanie: istoriya i problemy sovremennosti* [Social and humanitarian knowledge: history and contemporary problems], Science and Innovation Center Publishing House, St. Louis, Missouri, USA, 3-37 (in Russ.).

Zhuravlev, S. V. (2012), "Fashion and socialism: materials for discussion", *Trudy IRI RAN* [Proceedings of IRI RAS], 10, 343-358 (in Russ.).

Zhuravlev, S. V. and Gronov, Ju. (2013), *Moda po planu: istoriya mody i proektirovaniya odezhdy v SSSR, 1917-1991* [Fashion according to plan: the history of fashion and clothing design in the USSR, 1917-1991], Institute of Russian history, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Дарья Сергеевна, студентка бакалавриата по направлению «Культурология», Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; *st087519@student.spbu.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Darya S. Zaitseva, Undergraduate Student, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia; *st087519@student.spbu.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 233.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-10**

Нифонтова О. И.

«Введение в деятельное богословие» архиепископа Евлампия (Пятницкого) (антропологические аспекты)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *nifontova.olya2013@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются антропологические аспекты рукописи «Введение в деятельное богословие» духовно-академического писателя первой половины XIX века архиепископа Евлампия (Пятницкого). Автор рукописи четко обозначает одну из целей дисциплины деятельного богословия, которая должна перевести человека от умозрительной теории к ее практическому применению в реальной жизни, к осознанию недостаточности собственных сил для восстановления своей поврежденной природы и обращению к Богу. При этом главной конечной целью деятельного богословия объявляется возведение человека к Богоподобию, для чего необходимо соединить в себе как внешнюю, так и внутреннюю духовную деятельность. В рукописи обосновывается мысль о важности практического применения теоретических знаний человека о собственной антропологии в реальной жизни.

Ключевые слова: восстановление; человеческая природа; деятельное богословие; Богоподобие; практическая антропология; духовно-академическая философия.

Для цитирования: Нифонтова О.И. «Введение в деятельное богословие» архиепископа Евлампия (Пятницкого) (антропологические аспекты) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 120-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-10

O. I. Nifontova

"Introduction to Active Theology" by Archbishop Evlampy (Pyatnitsky) (anthropological aspects)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *nifontova_o@bsu.edu.ru*

Annotation. The article examines the anthropological aspects of the manuscript "Introduction to Active theology" by the spiritual and academic writer of the first half of the 19th century, Archbishop Evlampy (Pyatnitsky). The author clearly identifies one of the goals of the discipline of active theology, which should transfer a person from a speculative theory to its practical application in real life, to the realization of the insufficiency of their own strength to restore their damaged nature and appeal to God. At the same time, the main ultimate goal of active theology is the elevation of man to the

likeness of God, for which it is necessary to combine both external and internal spiritual activity. The idea of the importance of practical application of theoretical knowledge of a person about his/hers own anthropology in real life is stated.

Keywords: restoration; human nature; active theology; Godlike; practical anthropology; spiritual and academic philosophy

For citation: Nifontova O. I. (2023), "Introduction to Active Theology" by Archbishop Evlampy (Pyatnitsky) (anthropological aspects), *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 120-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-10

В письменном наследии отечественной духовно-академической философии первой половины XIX века имеется значительный пласт мало- и совершенно не исследованных рукописных текстов, большая часть которых свидетельствует о внимании к антропологии, характерном для русской философско-богословской мысли духовных академий. К их числу относится труд архиепископа Евлампия (Пятницкого) (1794-1862) «Введение в деятельное богословие», которая совсем недавно была переведена из рукописного в печатный вид и стала доступна для широкого круга читателей на сайте azbyka.ru (azbyka.ru/otechnik/Evlampij_Pyatnickij/); впрочем, исследования таким образом обнародованного текста еще только предстоят, в связи с чем я буду ссылаться на первоисточник, то есть не на опубликованный печатный текст, а на саму рукопись «Введение в деятельное богословие» (Пятницкий, 1830-е г.: 1-189).

В современных философско-богословских и исторических исследованиях труды архиепископа Евлампия – почти полностью неизведанная территория. Отсутствуют исследования, анализирующие труды архиепископа Евлампия; довольно скудна и литература, касающаяся личности, жизни и деятельности архиепископа. Среди существующих упоминаний об архиепископе Евлампии преобладают биографические сведения (Богданова, 2008: 154-156), (Евлампий, архиепископ..., 1869:13), (Шестаков, 1899: 180-186). Сохранившиеся краткие воспоминания об архиепископе Евлампии обнаруживают некоторые противоречия в его характере и способностях. Он был выпускником Московской духовной академии, дававшей в те годы своим воспитанникам высокий уровень разностороннего образования; в 1831 году получил назначение на должность ректора Вифанской семинарии. Нет сомнений в его высокой образованности. Еще на втором курсе Московской Духовной Академии им был сделан перевод слова свт. Василия Великого на праздник Крещения, который был одобрен и напечатан в журнале «Христианское чтение», а в 1820 году будущий архиепископ получил степень магистра богословия и оставлен в академии бакалавром по греческому языку (Православная энциклопедия, 2023). Однако студенты считали архиепископа Евлампия плохим преподавателем и не любили его лекций. Вместе с тем многим студентам нравилась благочестивая жизнь его до такой степени, что они становились его последователями. 10 из 35 студентов его выпуска приняли монашество (azbyka.ru/otechnik/Evlampij_Pyatnickij/).

Известен также случай тушения пожара в Духосошествиевской Златоустовской церкви Екатеринбурга, во время которого архиепископ Евлампий проявил высокую самоотверженность: отслужив молебен около горящей церкви, он сам первый с крестом и кропилом залез по лестнице на горящую колокольню, несмотря на опасность и просьбы остановиться, и стал кропить горящее освященной водой. Не имея, возможно, преподавательского дара, даром ученого и проповедника он обладал несомненно. Об

этом говорят его признанные уже на втором курсе МДА переводы, сохранившиеся проповеди и рукопись «Введение в деятельное богословие», а также взаимодействие со свт. Филаретом (Дроздовым), который собирал вокруг себя ученое монашество и привлекал к написанию отечественных лекционных курсов на русском языке по преподаваемым дисциплинам. Известно, что свт. Филарет (Дроздов) возглавил епископскую хиротонию архиепископа Евлампия в 1833 году, после чего между ними завязалась переписка (Православная энциклопедия, 2023). Благодаря усилиям святителя Филарета по вовлечению духовно-академических преподавателей в написание лекций по своим дисциплинам, в первой половине XIX века в России появляются лекционные курсы, среди которых в отдельный блок можно выделить курсы антропологической направленности, рассматривающие природу человека в первозданном состоянии, в состоянии повреждения, и намечающие пути ее восстановления из поврежденного состояния (Лютько, 2022: 131-154). Большинство таких курсов дошли до нас в рукописном виде, в том числе и рукопись архиепископа Евлампия.

Из числа духовно-академических писателей первой половины XIX века учение о восстановлении поврежденной природы человека формулировали в своих рукописных трудах митрополит Григорий (Постников) (Богословие догматическое…, первая четверть XIX в.: 1-104); святитель Филарет (Московский) (Филарет, 2004: 1-831; Филарет, 1835: 1-877) и его ученики архиепископ Кирилл (Богословский-Платонов) (Богословие созерцательное…, XIX в.: 1-72; Богословие созерцательное…, XIX в.: 1-65; Богословие созерцательное…, XIX в.: 1-110) и архимандрит Евтихиан (Лестев) (Богословие догматическое…, 1830-е г.: 1-192; Богословие догматическое…, 1830-е г.: 1-165; Богословие догматическое…, 1830-е г.: 1-276). Не располагая систематическими исследованиями, в которых обстоятельно был бы изучен и прокомментирован весь корпус этих вновь открываемых текстов, мы можем обратиться к исследованиям, которые посвящены общим аспектам становления духовно-академической философии XIX века и роли святителя Филарета (Дроздова) в этом процессе (Сухова, 2006: 46-71; 2010: 43-91; 2011: 140-162, 231-244; 2012: 31-54; 2013: 135-169; 2017: 122-140; Лютько, 2022: 131-154; Козлов, 2008: 40-58; Хондзинский, 2010: 115-120). Это вполне содействует первичному пониманию рукописи архиепископа Евлампия, ее антропологической составляющей.

«Введение в деятельное богословие» архиепископа Евлампия (Пятницкого) задает практическую цель своего изучения, которая состоит в необходимости сподвигнуть человека переменить свою чувственную жизнь на духовную, то есть теоретические знания необходимо должны перейти в практическое применение. Итоговой целью изучения деятельного богословия является возведение человека к Богоподобию (Пятницкий, 1830-е г.: 10). Для этого существует два пути: путь внешних трудов и путь внутреннего очищения (Пятницкий, 1830-е г.: 11), богословие подвижническое и таинственное. Подвижническое представляет собой путь внешних аскетических подвигов, а таинственное – внутреннюю деятельность души: «Таинственное Богословие по изложению учителей таинственности есть Божественная премудрость или высший, духовный образ деятельности, когда душа при совершенном молчании чувств, при внутренней полноте и самопогружении непрестанно созерцает Божественные доброты и безусловную преданность воле Божией, вполне разверзается Божественному действию, и всеми своими мыслями и желаниями, всеми силами и действиями приходит в неразрывное сопряжение любви, или во един дух с Господом» (Пятницкий, 1830-е г.: 11). Но полнота христианского совершенства, по мысли архиепископа Евлампия, может быть достигнута при соединении внешнего и внутреннего делания воедино.

Рассуждая об ограниченности человеческих способностей в деле восстановления своей поврежденной природы, архиепископ Евлампий подчеркивает необходимость показать человеку через деятельное богословие его собственную немощь и невозможность исправить естественными средствами это повреждение. Осознание слабости, в свою очередь, должно привести человека к так называемому вышеестественному пути: «Но чтобы и познавших растление своего естества он почел возможным исправление оного собственными силами, или силами содействием других: то с одной стороны должно показать ему невозможность исправления естественными средствами нравственного повреждения, с другой показать высшеестественный и благодатный путь, которым Божественная сила преобразует из греховного состояния в состояние благодатного обновления» (Пятницкий, 1830-е г.: 13).

Для того, чтобы через изучение деятельного богословия человек осознал свое поврежденное состояние, а также необходимость Божественной помощи для своего восстановления, архиепископ Евлампий считает необходимым последовательно рассмотреть в дисциплине деятельного богословия следующие семь вопросов:

1. о природе человека благодатию невозрожденного,
2. о различных нравственных состояниях вне царства благодати,
3. о духовном бессилии человека благодатию не возрожденного,
4. о переходе человека из состояния естественного в состояние благодатное,
5. о возрастах жизни духовной,
6. о последствиях к преуспеянию в духовной жизни,
7. о духовном порядке человека благодатью возрожденного (Пятницкий, 1830-е г.: 13-14).

С точки зрения архиепископа Евлампия, обозначенный выше порядок раскрытия антропологического учения может способствовать выполнению всех главных целей деятельного богословия. Делая попытку сформулировать определение естественного состояния человека и определение человеческой немощи, он пишет, что «под именем естественного состояния в священном Писании вообще разумеется то внутреннее греховное растление человеческой природы, которое отпадших прародителей естественным рождением на всех и каждого распространяется, и во всех и в каждом с такой силой действует, что человек сам в себе, или в обыкновенном естественном состоянии его весьма слабое имеет расположение к добру, напротив, во всех силах и способностях с услаждением стремится ко злу и при всех усилиях сам по себе не способен к истинному духовному и Богоподобному добру. Поелику же естественное растление имеет основание свое в самом существе человека и проникая во внутренние силы и способности, необходимо переходит и на все внешние поступки и действия, на все возрасты и состояния жизни человеческой: отселе безразлично как самый человек, поелику действует по началам растленного естества, так и все силы и способности его, все навыки и склонности, все поступки и действия по отношению к духовной деятельности во Священном Писании называются естеством и соестественным в противоположность благодати и благодатному» (Пятницкий, 1830-е г.: 14). Есть и второе определение, более краткое: «Недостаток собственных духовных сил в человеке для исправления нравственного повреждения его называется духовным бессилием или немощью» (Пятниц-кий, 1830-е г.: 15).

В силу собственного растления человек, по архиепископу Евлампию, не способен к добру и при беспристрастном рассмотрении себя понимает свою наклонность ко злу и неспособность самостоятельно его исправить. Он не может уничтожить уже соделанного зла. Архиепископ Евлампий рассматривает инфернальную природу зла, которое способно отделиться от совершившего его человека и жить своей

отдельной жизнью: «Но как скоро зло сделано: то оно уже вышло из пределов власти соделавшего, и существует независимо от него – существует как само в себе, так и в гибельных следствиях, которые в нем, как семена заключаются: ни тою, ни сих человек уничтожить не может» (Пятницкий, 1830-е г.: 16). Невозможно для человека компенсировать не сделанное добро: «Возвратить опущенное добро столько же невозможно для человека, как и уничтожить соделанное зло» (Пятницкий, 1830-е г.: 16).

Архиепископ Евлампий своеобразно обосновывает невозможность для человека исправить самому в себе растление. Делая некоторые предположения о возможном месте нахождении зла в природе человека, он полагает, что зло может находиться либо в высших и низших силах, либо в свободе человека. Развивая учение о высших и низших силах в человеке, он замечает: «если зло скрывается в природе, и человек, как в низших, так и в высших силах остается одинаково немощным, то есть слабым к добру и преклонным ко злу, то он должен исправлять в себе немощь и растление немощными и растленными силами, долженствуя же исправлять немощь и повреждение целой природы, силами свободы, поврежденной от природы, он должен наперед раскрыть и образовать в себе высшие силы для управления низшими силами. Но, доколе будет образовывать высшие силы, зло в низших силах должно возрастать увеличиваться, между тем высшие силы сами будут проникнуты злом, при всем возможном образовании и усовершении их не могут не оставаться преклонными ко злу. И следовательно, в известной только мере и степени могут быть исправлены от зла» (Пятницкий, 1830-е г.: 18-19). Здесь архиепископ Евлампий представляет совершенно невозможным для человека полностью исправить в себе зло с помощью работы над своими высшими силами.

Рассматривая вопрос о том, насколько возможно полагать человеческую свободу источником зла, архиепископ приходит к выводу о том, что зло в человеке обнаруживается еще во младенчестве, до раскрытия свободы: «Если же зло скрывается в свободе и природа, сама по себе ни добрая, ни злая, развращается от злоупотребления свободы: то сие злоупотребление свободы должно быть или случайное и частное, или всеобщее и необходимое. Если злоупотребление свободы случайно и зависит или от недостатка воспитания, или от вредного влияния примеров, предрассудков и обычаев: то почему в целом человеческом роде не находим ни одного человека, который бы не причастен был никакому повреждению. Если же злоупотребление свободы и есть всеобщее и неизбежно между человеками, то оно необходимо зависит от свойства самой свободы – слабой и поврежденной от природы. В чем непререкаемо удостоверяет опыт, по которому вековыми наблюдениями над человеческой природой дознано, что зло в человеке до раскрытия свободы, еще в самом младенчестве, обнаруживается во многоразличных видах, както: в гневе, досаде, негодовании и подобных действиях, показывающих внутреннее растление природы» (Пятницкий, 1830-е г.: 19-20). Все вышеприведенные рассуждения сводятся к тому, что природа человека повреждена в самом основании: «Когда же несомненно, что природа повреждена в самом основании: то посредством свободы, как поврежденной силы природы, человек сам собой никоим образом не может исправить повреждения всей своей природы» (Пятницкий, 1830-е г.: 20).

Также в поле зрения архиепископа находится проблема соотношения добра и зла в человеке. Его занимает вопрос, в равной ли мере в человеке находятся добро и зло или одно превышает другое. По этому поводу рассуждения архиепископа Евлампия сводятся к следующему: «Если в человеке меньше добра, то меньшая естественная сила не может преодолеть большей. Если в одинаковой мере добро со злом: то, при равной силе сопротивления, они будут только одно другое останавливать и ослаб-

лять, но решительно одно другое преодолеть не возмогут. Если же в человеке больше добра, нежели зла; то посему меньшая сила зла есть сила той же природы, она другою превосходнейшею силою естественною, хотя может быть на время преодолена и ослаблена, но никогда не может быть искоренена и исторгнута» (Пятницкий, 1830-е г.: 20). Добро, по мысли архиепископа, не может окончательно победить зло в природе человека. Подобные рассуждения служат цели привести человека к осознанию своего бессилия в деле преодоления зла своей природы.

Бог совершает спасение человека через особое действие благодати: «Действие, которым Триипостасный Бог производит духовную перемену. в естественном человеке вообще называется благодатью» (Пятницкий, 1830-е г.: 27). Характеризуя благодать, он пишет, что «будучи же рассматриваема в самом приложении средств спасения и деятельной жизни, и в самом усвоении духовных благодеяний, приобретенных Иисусом Христом, благодать означает особенное действие силы Божией, коим совершается обращение человека из греховного состояния, порождается в нем новая жизнь Гал. 11.20 даруются духовные силы Гал. 3.5. и всякий духовный успех и совершенство 1Кор. 15.10, почему благодать и называется иначе силою Божиею Еф. 1.19. 3.16. 20 и действием силы христовой Кол. 1.29» (Пятницкий, 1830-е г.: 28). Затем, определяя обращение, архиепископ Евлампий подчеркивает важный момент перехода человека с помощью благодати от ветхого к человеку новому: «Посему обращение в общем порядке благодатных средств рассматриваемое, есть такая сверхъестественная перемена, в которой действием Божественной благодати чрез постепенное просвещение ума и очищение сердца преодолевается в человеке греховное противление: исторгается каменное сердце от плоти его и дается сердце плотяно Иез. 11.19. 36.23, и человек в порядке благодатных средств последуя Божественному призыванию чрез постепенное исправление греховной жизни, преобразуется по духовному состоянию в нового благодатного человека Кол. 3.10» (Пятницкий, 1830-е г.: 31-32). Благодать Божия различными действиями будит человека от зла, после этого начинается в человеке его внутреннее обращение: «Когда Божия благодать различными предуготовительными действиями, как бы толканиями и влечениями, возбудит человека от греховного сна, снимет покрывало с сердца его, 2 Кор. 3. 14.15. наведет его на путь, которого не видел; Иса. 42.16 и он услышит и прозрит: 18. Тогда уже начинает собственно внутреннее обращение» (Пятницкий, 1830-е г.: 38). Внутреннее обращение осуществляется, прежде всего, через просвещение ума. Далее человек начинает осознавать свое растление. Для исцеления начинает обращаться к благодатным средствам: молитве, посту, трудам и прочим благочестивым упражнениям (Пятницкий, 1830-е г.: 50). Таким способом и достигается цель науки деятельного богословия.

В целом, характеризуя антропологическую семантику рукописи архиепископа Евлампия «Введение в деятельное богословие», можно заметить следующее.

1. Главной целью изучения дисциплины деятельного богословия является возведение человека к Богоподобию. Это вполне практическая цель, поэтому вся теоретические знания по деятельному богословию непременно должны воплотиться в реальной практической жизни человека и выразиться в перемене чувственной жизни на духовную.

2. Через изучение деятельного богословия человеку необходимо показать его неспособность самостоятельно естественными восстановить свою поврежденную природу.

3. Зло в человеке неуправляемо, способно отделиться от него самого и жить своей отдельной жизнью, оно обнаруживается в человеке во младенчестве, еще до раскрытия в нем свободы; добро в природе человека не может окончательно победить в нем зло.

4. Сам Бог совершает спасение человека через особое действие благодати, совершая в нем духовную перемену, обращение, просвещение ума и очищение сердца. Далее человек начинает осознавать свое растление. Для исцеления начинает обращаться к благодатным средствам: молитве, посту, трудам и прочим благочестивым упражнениям.

Таков путь постепенной перемены человека чувственного на духовного, который предлагает архиепископ Евлампий (Пятницкий). В плане изложения он стремится формулировать с строгой последовательностью базовые христианские понятия, академически проясняет цель дисциплины. Содержание рукописи вполне выдержано в традициях восточного христианства: говорится о повреждении человеческой природы и пути к исцелению простым доступным языком; отсутствует юридическая терминология, характерная для западного христианства. Все рассуждения деятельного богословия направлены на то, чтобы помочь человеку осознать невозможность самому исправить свое состояние и обратиться за помощью к Богу. Это вполне христианский взгляд на проблему человека – открытый вопрос, решение которого, судя по всему, намечается в перспективе современного ему православного антропологического движения.

Источники

Богословие догматическое. Первая четверть XIX в. отделение 2 [рукопись]. 104 [из них 3 чистых] л. OR Ф.304.2 №160.

Богословие догматическое. Человекословие. Книга I [рукопись]. [Б.м.], 1830-е гг.192. Штампы отдела рукописей. OR Ф.173.4 № 120.

Богословие догматическое. Человекословие. Книга II [рукопись]. [Б.м.], 1830-е гг. 165. OR Ф.173.4 № 121.

Богословие догматическое. Человекословие. Книга III [рукопись]. [Б.м.], 1830-е гг. 267. OR Ф.173.4 № 122.

Богословие созерцательное: 2 [рукопись]. XIX в.: курс лекций Кирилла (Богословского-Платонова), читанных им в Московской духовной академии. 72 [II] л. OR Ф.304.2 №156.

Богословие созерцательное: 3 [рукопись]. XIX в.: курс лекций Кирилла (Богословского-Платонова), читанных им в Московской духовной академии. 65 [III] л. OR Ф.304.2 №157.

Богословие созерцательное: 4 [рукопись]. XIX в.: курс лекций Кирилла (Богословского-Платонова), читанных им в Московской духовной академии. 110 [II] л. OR Ф.304.2 №158.

Пятницикий, Евлампий. Введение в деятельное богословие [рукопись:]: лекции по курсу деятельного богословия, читанные Евлампием Пятницким в Московской Духовной академии. [Б.м.], 1830-е годы. I + 189 [из них 3 чистых] л.; OR Ф.173.2 № 43.

Литература

Богданова, Т.А., Даен, М.Е. Евлампий // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII: «Евангелическая церковь чешских братьев – Египет». С. 154–156.

Евлампий, архиепископ Тобольский и Сибирский, 1852–1856 гг. / Николай Абрамов. [СПб.]: Тип. духов. журн. «Странник», Ценз. 1869. 13 с.

Козлов, М., протоиер. Святитель Филарет и московские духовные школы // Филаретовский альманах. 2008. Вып. 4. С. 40–58.

Лютько, Е., диак. Митрополит Филарет (Дроздов) и развитие исторической науки в Московской духовной академии // Филаретовский альманах. 2022. Вып. 18. С. 131–154.

Сухова, Н.Ю. «Воспитание юношества, Церкви посвященного»: духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и святитель Филарет // Филаретовский альманах. 2011. Вып. 7. С. 140–162.

Сухова, Н.Ю. «Духовная ученость» в России в первой половине XIX в. // Филаретовский альманах. 2012. Вып. 8. С. 31–54.

Сухова, Н.Ю. «Историко-богословская революция» в высшей духовной школе России // Филаретовский альманах. 2013. Вып. 9. С. 135–169.

Сухова, Н.Ю. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах // Филаретовский альманах. 2010. Вып. 6. С. 43–91.

Сухова, Н.Ю. Концепция богословского образования святителей Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Борисова) // Филаретовский альманах. 2011. Вып. 7. С. 231–244.

Сухова, Н.Ю. Святитель Филарет и духовно-учебные реформы 1860-х гг.: загадка непонимания // Филаретовский альманах. 2017. Вып. 13. С. 122–140.

Сухова, Н.Ю. Участие святителя Филарета (Дроздова) в развитии академического богословия XIX века // Филаретовский альманах. 2006. Вып. 2. С. 46–71.

Филарет (Дроздов), митр. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие / Издано по определению Комиссии духовных училищ: Издание третье. [Ч. 1–3]. СПб., 1835. 877 с.

Филарет (Дроздов), свт. Толкование на книгу Бытия. М.: Лепта-Пресс, 2004. 831 с.

Хондзинский, П.В. Разрешение экклесиологических проблем русского богословия XVIII – начала XIX в. в трудах святителя Филарета, митрополита Московского // Филаретовский альманах. 2010. Вып. 6. С. 115–120.

Шестаков Иаков, свящ. Краткий исторический очерк столетия Пермской епархии: (1799 – 16 октября – 1899). Пермь: Типография А. П. Каменского, 1899. 204 с.

Sources

Bogoslovie dogmaticheskoe. [Dogmatic theology]. The first quarter of the 19th century. department 2 [manuscript]. 104 [of which 3 are pure] L. OR F.304.2 No. 160. (in Russ.).

Bogoslovie dogmaticheskoe. Chelovekoslovie. Kniga I [Dogmatic theology. Humanology. Book I [manuscript]]. [B.M.], 1830s. 192 P. Stamps of the department of manuscripts. OR F. 173.4 № 120 (in Russ.).

Bogoslovie dogmaticheskoe. Chelovekoslovie. Kniga II [Dogmatic theology. Humanology. Book I [manuscript]]. [B.M.], 1830s. 165 P. Stamps of the department of manuscripts. OR F. 173.4 № 121 (in Russ.).

Bogoslovie dogmaticheskoe. Chelovekoslovie. Kniga III [Dogmatic theology. Humanology. Book I [manuscript]]. [B.M.], 1830s. 267 P. Stamps of the department of manuscripts. OR F. 173.4 No. 120 (in Russ.).

Bogoslovie sozertsatelnoe: 2 [rukopis]. XIX v.: kurs lektsiy Kirilla (Bogoslovskogo-Platonova), chitannykh im v Moskovskoy dukhovnoy akademii. [Contemplative Theology: 2 [manuscript]. 19th century: a course of lectures by Kirill (Bogoslovsky-Platonov), read by him at the Moscow Theological Academy]. 72 [II] L. OR F.304.2 No. 156 (in Russ.).

Bogoslovie sozertsatelnoe: 3 [rukopis`]. XIX v.: kurs lektsiy Kirilla (Bogoslovskogo-Platonova), chitannykh im v Moskovskoy dukhovnoy akademii. [Contemplative Theology: 3 [manuscript]. 19th century: a course of lectures by Kirill (Bogoslovsky-Platonov), read by him at the Moscow Theological Academy]. 65 [III] L. OR F.304.2 No. 157 (in Russ.).

Bogoslovie sozertsatelnoe: 4 [rukopis`]. XIX v.: kurs lektsiy Kirilla (Bogoslovskogo-Platonova), chitannykh im v Moskovskoy dukhovnoy akademii. [Contemplative Theology: 4 [manuscript]. 19th century: a course of lectures by Kirill (Bogoslovsky-Platonov), read by him at the Moscow Theological Academy]. 110 [II] L. OR F.304.2 No.158 (in Russ.).

Pyatnitsikiy, Evlampiy. Vvedenie v deyatelnoe bogoslovie [rukopis`:]: lektsii po kursu deyatelnogo bogosloviya, chitannye Evlampiem Pyatnitskim v Moskovskoy dukhovnoy akademii. [Pyatnitsky, Evlampy. Introduction to Active Theology [manuscript:]: lectures on the course of active theology, delivered by Evlampy Pyatnitsky at the Moscow Theological Academy]. [B.M.], 1830s. I + 189 [of which 3 are pure] L.; OR F.173.2 № 43 (in Russ.).

References

Bogdanova, T. A., Daen, M. E (2008), “Evlampiy” [Evlampy], *Pravoslavnaya entsiklopediya*, XVII, Moscow, 154-156 (in Russ.).

Evlampiy, arkhiepiskop Tobolskiy i Sibirskiy, 1852-1856 gg [Evlampy, Archbishop of Tobolsk and Siberia, 1852-1856] (1869), Nikolay Abramov (ed.), Tip. dukhov. zhurn. «Strannik», [SPb.] (in Russ.).

Filaret (Drozdov), svt. (2004), *Tolkovanie na knigu Bytiya* [Interpretation on the Book of Genesis], Lepta-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Filaret (Drozdov), mitr. (1835), *Zapiski, rukovodstvuyushchie k osnovatelnomu razumeniyu Knigi Bytiya, zaklyuchayushhie v sebe i perevod sei knigi na russkoe narechie* [Notes guiding to a thorough understanding of the Book of Genesis, which also include the translation of this book into the Russian dialect], Published by definition of the Commission of Theological Schools: Third edition. [Part 1-3]. St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Khondzinskiy, P. V. (2010), “The solution of ecclesiological problems of Russian theology of the 18th – early 19th century in the works of St. Filaret, Metropolitan of Moscow”, *Filaretovskiy almanakh*, 6, 115-120 (in Russ.).

Kozlov, M., archpriest. (2008), “St. Filaret and Moscow Theological Schools”, *Filaretovskiy almanakh,* 4, 40-58 (in Russ.).

Lyutko, E. (2022), “St. Filaret (Drozdov), Metropolitan of Moscow, and the Development of Historical Scholarship at the Moscow Teological Academy”, *Filaretovskiy almanakh,* 18, 131–154 (in Russ.).

Shestakov Iakov, holy. (1899), *Kratkiy istoricheskiy ocherk stoletiya Permskoy eparkhii: (1799 – 16 oktyabrya – 1899)* [A brief historical sketch of the centenary of the Perm Diocese: (1799 – October 16 – 1899)], Tipografiya A. P. Kamenskogo, Perm, Russia (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2011) "Education of youth dedicated to the Church": the spiritual and educational reform of 1808-1814 and St. Filaret”, *Filaretovskiy almanakh,* 7, 140-162 (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2012), “*Spiritual scholarship*" in Russia in the first half of the 19th century” *Filaretovskiy almanakh,* 8, 31-54 (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2013), “"The historico-theological revolution" in the Supreme ecclesiastical school of Russia”, *Filaretovskiy almanakh,* 9, 135-169 (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2010), “Notes of Saints Innokenty (Borisov) and Filaret (Drozdov) on theological schools”, *Filaretovskiy almanakh,* 6, 43-91 (in Russ.).

Suhkova, N. Yu. (2011), “The concept of theological education of Saints Filaret (Drozdov) and Innokenty (Borisov)”, *Filaretovskiy almanakh,* 7, 231-244 (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2017), “Saint Filaret and the theological-educational reforms of the 1860s: enigma of misunderstanding”, *Filaretovskiy almanakh,* 13, 122-140 (in Russ.).

Sukhova, N. Yu. (2006), “Participation of St. Filaret (Drozdov) in the development of academic theology of the 19th century”, *Filaretovskiy almanakh,* 2, 46-71 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нифонтова Ольга Ивановна, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *nifontova.olya2013@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Olga I. Nifontova, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., 308015, Belgorod, Russia; *nifontova.olya2013@yandex.ru*

УДК 130.2, 397.4 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-11**

Яковов Д. В.

Миссия служения. Опыт культурной (полевой) антропологии на Ямале в 2015–2016 гг.

Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью), Белгородский пр., д. 75, г. Белгород, 308009, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *daniilyakovov@ya.ru*

Аннотация. Статья представляет собою опыт систематического комментария к дневниковым записям, сделанным автором статьи, священником Русской православной церкви, во время длительной миссионерской поездки на Ямал в 2015–2016 гг. Отмечается, что современная христианская антропология представляет собой некоторый ансамбль междисциплинарных исследований, методологический репертуар которого в России еще только устанавливается. После советского исторического периода, когда исследования мира христианской жизни и культуры часто происходили на позитивистских или атеистических основаниях, актуальными становятся герменевтические поправки – внимание к встречам исследователя с христианской традицией в ее жизненной, «полевой» конкретности. Эти поправки, как полагает автор статьи, позволяют верифицировать уже накопленный познавательный опыт и содействовать решению практических вопросов, которые возникают в общинах Русской православной церкви (об организации приходской жизни, осознанной катехизации, суевериях и ритуальной чистоте, речевой сфере богослужения, телеологии благотворительной деятельности, миссионерской работе с молодежью и образованными, но не воцерковленными людьми и др.). Открытые вопросы статьи – о формах и практиках православного присутствия в современной России, актуальных методологических подходах к исследованию этого присутствия в современной православной философии, культурной антропологии и богословско-антропологических исследованиях.

Ключевые слова: культурная антропология; христианская (православная) антропология; православное служение; миссия; Ямал; Салехард; Яр-Сале; Русская православная церковь; миссионерская командировка; самодийские народы

Для цитирования: Яковов Д. В. Миссия служения. Опыт культурной (полевой) антропологии на Ямале в 2015–2016 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 129-164. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-11

D. V. Yakovov

The mission of ministry. Experience of cultural (field) anthropology in Yamal in 2015–2016

Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation),
75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russia;
Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
daniilyakovov@ya.ru

Abstract. The article is a systematic commentary on diary entries made by the author of the article, a priest of the Russian Orthodox Church, during a long missionary trip to Yamal in 2015-2016. It is noted that modern Christian anthropology is a certain ensemble of interdisciplinary research, the methodological repertoire of which is still being established in Russia. After the Soviet historical period, when studies of the world of Christian life and culture often took place on positivist or atheistic grounds, hermeneutic corrections become relevant – attention to the researcher's encounters with the Christian tradition in its vital, "field" concreteness. These amendments, according to the author of the article, allow us to verify the already accumulated cognitive experience and contribute to solving practical issues that arise in the communities of the Russian Orthodox Church (about the organization of parish life, conscious catechism, superstitions and ritual purity, the speech sphere of worship, teleology of charitable activities, missionary work with young people and educated, but not church-educated people etc.). The open questions of the article are about the forms and practices of the Orthodox presence in modern Russia, current methodological approaches to the study of this presence in modern Orthodox philosophy, cultural anthropology and theological–anthropological research.

Keywords: cultural anthropology; Christian (Orthodox) anthropology; Orthodox ministry; mission; Yamal; Salekhard; Yar-Sale; Russian Orthodox Church; missionary trip; Samoyed peoples

For citation: Yakovov D. V. (2023), “The mission of ministry. Experience of cultural (field) anthropology in Yamal in 2015–2016”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 129-164, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-11

Христианская антропология и миссия служения

Антропологические исследования относятся к числу тех «вечных» областей философского и богословского самосознания, актуальность которых возрастает в каждую новую эпоху перемен. Отнюдь не исключение и наши времена. «Тени завтрашнего дня», диагностированные без малого столетие назад Й. Хейзингой (Хейзинга, 2010: 17-160), продолжают свидетельствовать как о духовных недугах «индивидуализированного общества» (Бауман, 2002), «общества усталости» (Бён-Чхоль, 2023) в «конце привычного мира» (Конец привычного мира…, 2021) и т. п., так и о том, что все труднее преодолевать недуги без обращения к вопросам о человеческой природе и смысловых началах человеческого общения, о безусловном и собственно временном в нем (Корольков, 2005). Между тем, опыт российской философско-богословской антропологии, исходя из полноты которого была бы возможна ответственная постановка этих вопросов «здесь и теперь», в значительной степени архивирован или вовсе утрачен. Только начинается переосмысление и возвращение к трудам и рукописям исследователей русского «богословского человекословия» XIX столетия

(Нифонтова, 2020: 20-24; Нифонтова, 2022: 142-149; Липич, 2019: 601-610; Ольхов, Гончаренко, 2020: 172-182) и русской философии, которая, по меткому замечанию прот. В.В. Зеньковского, «больше всего была занята темой о человеке, о его судьбе и путях» (Зеньковский, 1991: 17). Мало полезны для нашего времени и отечественные исследовательские материалы XX в.; в России антропология, которая имела бы в своем пределе вечные, духовные вопросы человеческой жизни и при этом была бы систематически развита в конкретно-методологическом отношении, – скорее проект, нежели развитая исследовательская индустрия[1].

Это особенно заметно в христианской антропологии. В России она развивается после немалого перерыва в период XIX–XX вв., когда исследования велись преимущественно на позитивистских или научно-идеологических основаниях (с учетом универсально-гармонических или даже атеистических идеалов новоевропейской науки), без заметного обращения к опыту христианской традиции, и представляет собой некоторый ансамбль междисциплинарных исследований, методологический репертуар которого еще только устанавливается[2]. Пожалуй, самое слабое место здесь – исследование жизни православных людей как практик их общения – мотивирующей конкретно-социальной семантики катехизации, опыта воцерковления и, в пределе, *литургического соприсутствия*, конкретно-смыслового пространства *богообщения*. Упрочивая исследовательски, методологически опыт антропологического осознания этих практик изнутри них[3], возможно достигать некоторого глубинного, фактического понимания взаимодействия *православных* христиан между собой.

[1] Классическими методологическими (и методическими) ориентирами при этом остаются труды Н.Н. Миклухо-Маклая, В.Г. Богораза, Ю.В. Бромлея, П.Л. Белкова, Г.Г. Громова и др. (см., напр.: Коппцева, Резникова, 2009: 491-506). Значимые исследовательские результаты здесь, как правило, достигаются как ответы на вопросы, возникающие из неправославного опыта веры или секулярного опыта, для которого менее всего заметен богослужебный аспект жизни христианских общин, собственно событийность богослужения, которое является особой, глубинной формой организации жизни православных христиан. На первый план выходят внешние аспекты социального служения, психологической реабилитации людей, обращающихся к слову Божиему в христианской общине. Методологически весьма репрезентативны в отношении современной христианской антропологии труды И.М. Микешина, являющиеся результатом исследования неправославных петербургских общин. На материале полевого исследования в трех реабилитационных центрах он описывает влияние библейского литерализма на процесс реабилитации зависимых от алкоголя и наркотиков людей через обращение в христианство по версии евангельских христиан-баптистов, уточняя особенности христианских представлений о человеке, определяя зависимость как сопротивление воле Божьей в совокупности с арминианской сотериологией, провозглашающей свободный выбор или отвержение спасения. См., напр.: (Микешин, 2015: 55-64; Mikeshin, 2018: 139-141; Белякова, Микешин, 2018: 7-16). В статье (Белякова, Микешин, 2018) авторы рассматривают сексуальные и семейные отношения в различных религиозных культурах, гендерные нормы и ценности.

[2] См., напр., обзор авторов и их работ в области христианской психологии и антропологии с 1990 по 2008 г. (Зенько, 2008: 45-188). В тесном взаимодействии с антропологическими исследованиями следуют педагогические (см. напр.: Коняева, 2005: 142-148; Налётова, 2010: 20-25; Плеханов, 2002). О психолого-педагогических исследованиях в связи с выявлением основ христианской идентичности как русского народа, так и некоторых других см., напр.: (Александрова, 2015: 10-22; Амоголонова, 2013: 147-160; Ахметшина, 2012: 301-323; Ворохобов, 2020: 349-359; Жукова, 2009: 160-170; Савчук, 1995; Цуй Цзявэнь, 2021: 151-156; Яковов, 2022: 299-308). Особый интерес представляют исследования в области исламской и сравнительно-религиозной антропологии (см., напр.: Marranci, 2008; Евдокимов, 2022: 357-368; Евдокимов, 2016: 66-69; Магомедова, 2010: 133-143).

[3] Вероятно, уместно ставить вопрос об условиях, при которых возможно «держаться хорошего» (1 Сол. 5:21-28), применительно к трудам в области социальной (культурной) антропологии, в которых происходит «узнавание другого» (К. Леви-Строс), не только «постфактум», но и ad factum, в собственно православной перспективе того, кто рядом, «ближнего своего» (“…μου πλησίον», «τίς τούτων τῶν τριῶν πλησίον δοκεῖ σοι γεγονέναι τοῦ ἐμπεσόντος εἰς τοὺς λῃστάς” (Лк. 10:29,36)), попечения о немногом и жизни вечной – исследовательски открытой, неподрасчетной притчи о добром самарянине (Лк. 10:25-37) и др. (ср.: Леви-Строс, 2016; Гирц, 2004: 149-168).

Для православного христианина событийность богослужения – это актуализация Небесной Церкви в мире: «Сегодня многие, похоже, забыли об этой основополагающей истине, определяющей и выявляющей Церковь: Церковь есть собрание вокруг Евхаристической трапезы. Не учреждение, не религиозный институт, не иерархическая административная структура, не здания и служебные конторы, но народ Божий, собравшийся ради преломления хлеба и благословения чаши, – вот что такое Церковь» (Янарас, 1992). Методологически ключевым здесь, надо полагать, является понятие «причастия-общения» (Иоанн (Зизиулас)): «Будучи причастием-общением, Евхаристия не может [быть] лишь *горизонтальным* общением, которое бы свело существование человека только к его историческому существованию. Безусловно, этот аспект тоже присутствует в Евхаристии, которая есть трапеза, пища и прославление» (Иоанн (Зизиулас), 1990: 53). Богослужение вообще, а в особенности Евхаристия – это особое общение людей между собой (по горизонтали) в Духе Святом (по вертикали), которое делает людей причастными к Богу и сопричастными друг другу, событийно, с некоторой открытой жизненной полнотой, образуя тот горизонт антропологических исследований, который позволяет учесть эту событийность фактически, исследовательски разносторонне и герменевтически корректно.

Конкретно-методологические ориентиры (к концепции адресата миссии игум. Серапиона (Митько))

Антропологически первичная форма православного богообщения связана с миссионерской, посланнической деятельностью: вхождение в круг «причастия-общения» совершается через встречу с тем, кто был послан для «научения», «соблюдения» всего того, что «велено» (Мф. 28:19-20). В этом отношении весьма важен опыт выдающихся миссионеров России. К этому же, можно думать, устремлена и современная православная антропология, в которой православное миссионерство рассматривается как феномен межкультурной коммуникации (в том числе соотношения церковного учения и национальных обычаев) (Карташева, 2000)[4]. Анализ исследовательских материалов в области полевой православной антропологии (на междисциплинарном стыке религиозной антропологии, социологии религии и церковной социологии) показывает дефицит полевых исследований, эмпирически актуальных для современной христианской, особенно православной антропологии в России. Такие исследования содействуют верификации уже накопленного познавательного опыта и, что немаловажно для всякого антрополога, признающего и узнающего ближнего своего, способствуют решению практических вопросов, которые возникают в общинах (на приходах) Русской православной церкви и связаны с организацией приходской общинной жизни, избранием или выработкой новых методов катехизации, обращением к новым переводам богослужебных и священных текстов, социально-благотворительной деятельностью, организацией работы с молодежью и образованными, но не воцерковленными людьми и т. д.[5].

Мне, как православному священнику, по благословению священноначалия Белгородской митрополии Русской православной церкви довелось принимать участие в нескольких, довольно продолжительных групповых миссионерских поездках – дальних (в Республику Саха (Якутию) и Ямало-Ненецкий автономный округ) и малой – в пос. Волоконовка Белгородской области.

[4] Н.В. Карташева предварительно выделяет три уровня миссионерства: общегуманитарный; общекультурологический; конкретно-культурологический, что, конечно, теоретически спрямляет антропологическую перспективу исследований, уточняет ее в связи с некоторыми культурологическими универсалиями.

[5] Чаще всего это исследования в области церковной антропологии, которые представлены довольно редкими и разрозненными трудами (см., напр.: Тихомиров, 2019: 147-152; Белова, 2021: 210-218. Ср.: Забаев, Пруцкова, 2012: 57-67). Редкое исследование по вопросам партнерского служения священников и мирян на приходах в РПЦ: (Творогова, 2019: 473-477). У ряда приходов есть странички в социальных сетях, что тоже имеет свою исследовательскую перспективу (см., напр.: Забаев, Пруцкова, 2013: 120-136).

Эти поездки позволили как уточнить практические вопросы общего характера, так и сформулировать некоторые новые. Я счел возможным представить эти вопросы и ответы на них с некоторой эмпирической полнотой – в нижеследующей публикации своего миссионерского дневника, посильно комментируя те его разделы, которые имеют значение для современной христианской (православной) антропологии.

Дневник миссионерской командировки в Ямало-Ненецкий автономный округ в самом общем виде представляет собой последовательное описание ситуаций общения с адресатом миссии – представителями коренного малочисленного ненецкого народа, носителями традиции ненецкого язычества; миссионерство здесь уточняется в качестве интеграционной и коммуникативной функции православного (священнического) общения, лежащей в основе межнациональных контактов. Культурно-антропологическим аспектом миссии, на который так или иначе обращается внимание в дневнике, является фактически представляемое наднациональное содержание, его антропологическая постоянная («Где нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11))[6].

Согласно классификации адресата миссии, изложенной в докторской диссертации по теологии игумена Серапиона (Митько) (Серапион (Митько), 2021: 233-237), коренные ненцы, проживающие на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, являются экклесиологически неопределенным, внешним, корреспондирующим адресатом миссии. Внешним – потому что они на момент контакта с адресантом миссии либо неверующие, либо некрещеные. Отсутствие полноценного участия в жизни Церкви может быть охарактеризовано как экклезиологически неопределенное. Поскольку на беседы о вере люди приходят добровольно и слушают миссионера доброжелательно, то их следует отнести к категории корреспондирующего адресата. Задача миссионера здесь заключается в трансформации внешнего адресата миссии во внутреннего через катехизацию. В таком случае от миссионера требуется вести просветительскую работу, широко используя язык культуры адресата в качестве основного средства миссии. Эти установки богословско-миссиологической рефлексии существенным образом принимались во внимание при организации моей поездки и сказываются в тех наблюдениях и записях, которые сделаны в дневнике.

Поскольку в ходе выполнения миссии не были использованы рукоположения представителей коренного населения и среди коренного населения не проведено значительного количества времени, дневник свидетельствует прежде всего о различных фактах священнического присутствия: «попытке устроить свою жизнь в среде неправославного коренного населения и влиять на него личным примером», «методом православного присутствия» (Стамулис, 2003: 189).

Принимались во внимание особенности повседневной коммуникации, быт, обычаи, тип питания и мировоззрение адресата миссии. Довольно плотный конкретно-информационный контекст обеспечивался материалами ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского» (этнографическими данными, касающимися быта и верования ямальских самодийцев). Экспедиционные методики сбора антропологического материала (Громов, 1966: 10-12) и проверки полученной информации позволили за короткое время (от нескольких недель до двух месяцев) сосредоточить информацию о быте, жилище, одежде, утвари самодийцев, и сформировать первичные антропологические установки – предварительные представления о народе, к которому адресовалось миссионерское, священническое слово.

[6] Материалы частично публиковались ранее в неакадемических изданиях, без культурно-антропологического комментария (см., напр.: Яковов, свящ. Привет из Лабытнангов!).

Собственно самодийская культура комплексно представлена в епархиальном управлении и районном музее г. Салехарда. Экспедиция, в которой пришлось принять участие по мере исполнения миссионерского служения, прошла через семь населенных пунктов полуострова Ямал; миссионерская база находилась в районном центре – в с. Яр-Сале. Поскольку нужно было постоянно перемещаться от одного населенного пункта к другому, было принято решение использовать «кустовой» метод исследования, при котором проводились полустационарные исследования на базовом пункте с проверкой полученных данных в соседних поселениях. Как правило, в центральном поселении проводилась большая часть времени (5-7 дней); в соседних по 1-2 дня. В Яр-Сале миссионерская группа находилась суммарно половину всего срока экспедиции, а в остальных поселках от одного дня до трех недель.

Населенный пункт	Даты	Количество дней	%
Яр-Сале	12–18.11; 29.11–9.12; 28.12–11.01; 25–28.01	37	45
Сеяха	18–29 ноября	12	15
Мыс Каменный	10 декабря	1	1
Новый Порт	11–26 декабря	16	20
Сюнай-Сале	27 декабря	1	1
Панаевск	12–19 января	8	10
Салемал	19–25 января	7	8

Лабытнанги[7]

Привет из Лабытнангов!

03.11.2015

Наконец-то мы сели в поезд и вздохнули с облегчением, потому что все приготовления уже позади и наша миссия начинается![8] Вчера вечером было первое путевое искушение. Я «по дурости» забыл в семинарии крест и служебник. Ехать в миссию можно без чего угодно, только не без

[7] Город в Ямало-Ненецком автономном округе России, с населением в 25501 человек (по состоянию на 2021 г.). Название города происходит от хантыйских слов «лапыт» («семь») и «нангк» («лиственница») (см.: Поспелов, 2008: 267). Город возник как селение хантов, которое называлось «юрты Лабытнангские»; расположен в низовьях реки Обь, на берегу протоки Вылпосл (на стыке Полярного Урала и Западно-Сибирской равнины).

[8] Среди семинаристов и священников отношение к миссионерским экспедициям вполне подвижническое: священники в миссиях обычно не получают заработную плату; нет постоянного финансового обеспечения и у семинаристов. Деньги, которые миссионерам жертвуют молящиеся при требных богослужениях, чаще всего уходят на оплату связи, транспортные расходы и продукты. При таком положении дел миссия требует особой собранности от миссионера. В свою первую миссионерскую командировку в Якутию я дерзнул испросить благословения, обучаясь на втором курсе Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью). В этот раз я стремился поехать в миссию сразу после хиротонии – рукоположения в сан священника, которое состоялось 21 сентября 2014 г., но появились сложности с оформлением документов в соседний регион Заполярья, и поездка состоялась только через год, который был наполнен значимыми для меня и для опыта будущей поездки событиями. По благословению правящего архиерея я стал настоятелем храма Рождества Христова в с. Лесное Уколово Красненского района с продолжительной историей, богатой на миссионерски-поучительные события. Возведенный в 1830 году, он никогда не закрывался, пережил годы мировых войн и различных социальных катаклизмов, беспрерывно сохраняя свое литургическое пространство, сохраняя свои необыкновенные святыни – распятие и несколько икон, написанных в русском Свято-Пантелимоновском монастыре на Святом Афоне (Господь Вседержитель, Вход Господень в Иерусалим, Скоропослушница, Иверский образ Божией Матери); в храме находится и список с чудотворной иконы Божией матери Сицилийской, которая не раз спасала жителей села во время эпидемии холеры, войн и др. (факты такого спасительного участия хорошо знали старожилы, свидетельствовавшие о том в связи с благополучным возвращением всех участников локальных военных действий 90-х гг. XX в.; в исторической памяти общины удерживалось предание об отце Филиппе, молитвеннике, пребывавшем в храме в 1924 г. и др.) Вникая в историю храма, его святынь и событий, совершая в нем богослужения, я имел возможность не только

креста и служебника[9], но все обошлось, я вовремя вспомнил и успел забрать, хотя на этом история креста и служебника еще не заканчивается.

Кум Сергий отвез нас с матушкой[10] на вокзал, мы встретились с семинаристом Ярославом[11], попрощались с родителями матушки и в 6:45 отправились на сидячих местах в Москву. В Москве хотелось посмотреть как можно больше всего интересного и «развиртуалиться» с моим новым другом-священником[12]. Сперва оставили ба-гаж на Ярославском, потом поехали в мис-сионерский отдел, но там нас, к сожалению, никто не ждал...

Воспользовавшись моментом, мы зашли в Сретенский монастырь, посидели в литературном кафе. Ярослав очень хотел к Матроне, но из-за нехватки времени мы решили не разделяться и поехали к моему другу на службу. Успели к Великому славословию[7]. После службы батюшка пригласил нас на чай, хотя это был настоящий ужин, и щедро одарил подарками (рис. 1).

Мне подарил красивый служебник в кожаном переплете и свой иерейский крест, что для меня было дороже любых подарков, тем более даже если бы я все-таки забыл свой крест и служебник в семинарии, Господь бы мне их промыслительно дал – так и получилось. Так что вот и первое чудо в пути.

От батюшки мы поехали на Ярославский вокзал и заметно опаздывали. При условии, что поезд отправляется в 20:35, мы прибыли на вокзал в 20:20. Очень быстро достали сумки из камеры, прибежали к вагону и успели еще немного пообщаться с батюшкой на перроне.

погрузиться в некоторую повседневность жизни общины, но и освоить некоторые организационные особенности ее устройства: от организации хора до решения финансово-административных вопросов. Через год благочинный епархиального округа, к которому относился наш приход, предложил мою кандидатуру для поездки в первую священническую миссионерскую командировку от Синодального миссионерского отдела (который тогда возглавлял митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн) на русский заполярный Север, в Салехардскую епархию. Разумеется, я помнил о моей первой миссионерской поездке в качестве семинариста-второкурсника, тоже на Север, в заполярный миссионерский стан «Спасский», который находится в якутском поселке с примечательным тогда для меня названием «Тикси», что в переводе с якутского означает «пристань», «место встречи» (см. подробнее: Яковов, 2011: 34-50). Но тогда мое участие в миссии проходило под началом священника – руководителя миссионерской экспедиции. Теперь я сам священник с небольшим, но весьма интенсивным опытом служения; со мной – семинарист и беременная жена, ответственность за которых лежит на мне.

[9] Крест, который носят на груди поверх одежды, – отличительный элемент богослужебной и официальной одежды священника, а служебник – основная книга, по которой совершается богослужение в храме.

[10] Яковова Екатерина Владимировна. Супруга. Окончила в 2014 г. педагогический факультет НИУ БелГУ по специальности: дошкольный педагог-психолог. В настоящее время магистрант направления «Теология» НИУ БелГУ.

[11] Галицкий Ярослав Михайлович. Студент 4 курса Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью).

[12] Священник Андрей Анатольевич Колганов. Рукоположен в сан пресвитера 18 марта 2007 г. Настоятель храма святых мучениц Софии и Татианы при Детской городской клинической больнице № 13 им. Н.Ф. Филатова. С отцом Андреем мы познакомились по переписке. Он нашел мои дневники о предыдущей миссионерской поездке в Якутию (на втором курсе семинарии) в «Живом журнале» и признался, что прочитал их за одну ночь, не отрываясь (см.: Яковов, свящ. 21.01.2011…). Отец Андрей старше меня по хиротонии на семь лет. В знак особого расположения и преемственности он подарил мне свой иерейский крест, так как что-то во мне напомнило ему себя в начальные годы служения.

[13] Накануне Дня народного единства, который празднуется в день памяти Казанской иконы Божьей Матери, в храмах совершается всенощное бдение. Это наиболее торжественное уставное вечернее богослужение, в завершение которого хор исполняет песнопение под названием «Великое славословие».

Рис. 1. 3 ноября 2015 г., Москва, храм св. мчч. Софии и Татианы при Детской городской клинической больнице № 13 им. Н.Ф. Филатова. Справа в облачении священник Андрей Колганов

Fig. 1. 3 November, 2015. Moscow, the Church of Sts. Sophia and Tatiana at the Filatov Children's City Clinical Hospital No 3. On the right in the vestments is priest Andrey Kolganov

05.11.2015

44 часа в поезде мы провели очень легко, продуктов нам давали все: родители дома, батюшка в Москве, знакомые семинариста на станции по пути, так что мы голодными не были.

В Лабытнангах[14] нас встретил прихожанин местного храма и развез по домам прихожан: семинариста в квартиру в Лабытнангах, меня с матушкой в микрорайон Обской в другую квартиру. Нас очень вкусно накормили, предоставили душ, отдельную комнату и интернет, так что прошу молитв за всех наших благотворителей на данный момент:

прот. Сергий, иер. Андрей, Роман, Иосиф, Лидия.

P.S. Отче, премного благодарны Вам за помощь!

Салехард

06.11.2015

Рано утречком нас вставать не заставили, потому что в 6 утра вертолет летит из Лабытнангов в Салехард с теми, кто спешит на самолет из Салехарда, потом берут тех, кто заранее купил билеты, а уж потом, если останется место – берут таких, как мы. Если же места не хватает, вертолет улетает в Салехард и набирает там людей в Лабытнанги, а длиться это может сколько

[14] На подъезде к Лабытнангам находится станция Обская. После завершения командировки епископ Салехардский Николай предложил мне остаться здесь служить. Владыке понравилось, что в результате нашей командировки в каждом населенном пункте образовались христианские общины. Люди собирались на совместную молитву и ждали следующих командированных священников. Из-за неподходящего климата по состоянию здоровья я был вынужден отказаться.

угодно долго... Но нам повезло, именно сегодня стал ходить транспорт-амфибия – «подушки».

Роман забрал нас утром из Обского, потом Ярослава в городе и помог загрузиться в «подушку» (рис. 2, 3).

Рис. 2. 6 ноября 2015 г. Салехард. Мамонт на въезде в Салехард
Fig. 2. 6 November 2015. Salekhard. Mammoth at the entrance to Salekhard

Рис. 3. 6 ноября 2015 г. Лабытнанги. Матушка Екатерина у амфибии («подушки»)
Fig. 3. 6 November 2015. City of Labytnangi. Mother Catherine
at the amphibia (air-cushion) vehicle

Сперва нас привезли в епархию, отогрели, накормили, напоили чайком. Епископ Николай[15] всех нас принял, побеседовал, рассказал об устройстве епархии и поставил задачи на период нашего пребывания[16]. Пока что мы поживем в Салехарде, в течение недели полетим на вертолете в Яр-Сале. Вечером нас отвезли на «Удачу» в дом, где мы будем неделю жить[17].

Вместо отдыха мы решили заняться делами: купили местные симки, продуктов взяли, разместились дома и приготовили ужин (рис. 4). Не знаю, почему так, но нам сказали, что перейти на другой тариф и говорить тут будет очень дорого, хотя мы купили симки с тарифом «Самый черный», который дает нам 800 минут и смс без роуминга по всей России, неужели белгородский тариф как-то иначе работает? Самое приятное для нас – это 15 ГБ интернета, а когда я учился в семинарии, за такие же деньги «Мегафон» позволял использовать только 4 ГБ без звонков, так что мы со связью.

07.11.2015

Утром я сослужил Преосвященнейшему владыке Николаю за Божественной Литургией в храме святых Петра и Павла, после службы совершили панихиду. Впервые в жизни служу вторым священником[18] на архиерейской службе.

[15] Преосвященнейший Николай, епископ Салехардский и Ново-Уренгойский. Епископская хиротония 17 апреля 2011 года. С 20 ноября 2016 года – архиепископ.

[16] Вначале между нами возникло некоторое недопонимание. Я попросил владыку пораньше отпустить нас обратно в Белгород, но он сказал, что мы и так задержались с прибытием на три недели. Выяснилось, что его помощник готовился к свадьбе и был не вовлечен в процесс нашей отправки. Мы были готовы лететь на самолете еще в октябре, даже с условием, что билет супруге куплю я за свои средства. Но помощник сказал, что нам всем благословили ехать поездом за счет епархии. Это вышло чуть дешевле, но значительно дольше. Владыка был очень заинтересован в нашей командировке, назначил хороший оклад мне и семинаристу из епархиальных средств, поинтересовался, что нам нужно для служения. Я попросил (помимо литературы на русском и ненецком, кагора и просфор для литургии) выделить нам маленькие иконки с изображением Воскресения Христова и благовония во флакончиках для помазывания детей. Владыка, когда узнал, что дети очень любят церковные ароматические масла, достал из личных запасов флакон нардовых духов со Святой Земли и вручил его мне на нужды миссии. Детям этот аромат очень нравился. Я предлагал их использовать всем желающим после каждой беседы в школе. Впоследствии я оставил их Ярославу, хоть и было очень жаль их как память. А через несколько лет мне подарили такие же в одном из магазинов на Святой Земле во время паломничества. Владыке Николаю очень понравился мой «благообразный» внешний вид. Его помощники потом рассказывали, что он ставил им в пример меня и говорил, что «батюшка живет в центральной части России, а носит длинные волосы и бороду, как положено, а вы живете на Севере и стрижетесь». Через два года я встретил епископа Николая на миссионерском съезде в Москве, и он меня не узнал сначала, потому что я был с аккуратной стрижкой и короткой бородой. Его помощники тогда были особенно рады меня видеть. На шутливый вопрос владыки об изменившемся обличье я вспомнил историю о священнике и дьячке, которому стало неудобно во время сна класть бороду ни под одеяло, ни на одеяло…

[17] Из-за нехватки стульев мы сидели на старых кроватях за столом. Семинарист Ярослав для себя постелил пакет из магазина на ступеньку лестницы, ведущей на недостроенный третий этаж, и время от времени сидел там, когда переписывался по телефону. В течение этой недели к нам пришел епископ Николай. Он принес к чаю коробку фиников. Владыка попросил матушку Екатерину приготовить чай, а сам увидел пакет на ступеньке и сел на него ждать, когда будет готов чай, со словами: «Это Ярослав у вас тут сидит обычно?». Мы были в большом замешательстве. Но впоследствии я понял, что на Севере иначе нельзя. Все должно быть просто. И владыка Николай очень простой и добрый.

Рис. 4. 6 ноября 2015 г. Салехард, м-н Удача, епархиальный дом причта. Строганина из муксуна
Fig. 4. 6 November 2015. Salekhard, Udacha district, diocesan house of the priesthood. Stroganina – slices of frozen muxun fish

После небольшого перерыва послужили вечернюю. Я в основном вынимал частицы. Матушка ждала дома с приготовленными блинчиками. Владыка благословил мне завтра сказать проповедь на службе и провести в 13:00 огласительную беседу, сейчас буду готовиться.

Воскресные труды

08.11.2015

Утречком мы снова были на службе. Я сослужил преосвященнейшему Владыке. Сегодня было две хиротонии: диаконская и священническая. Рукоположили моего знакомого отца Сергия, с которым мы познакомились в Москве на выставке «Русь Православная» в 2012 году. Я тогда был представителем Синодального миссионерского отдела, беседовал с людьми о миссии. Вот и с Сергеем тогда обсуждали перспективы миссии в Салехардской епархии. Кто ж знал, что мне и придется этим заниматься через три года[19].

[18] Мне не часто доводилось принимать участие в литургиях архиерейским чином в качестве священника, хотя в студенчестве был иподьяконом Преосвященнейшего Софрония, епископа Губкинского и Грайворонского. Обычно молодой иерей стоит самым последним среди прочих священников и за все время Литургии может сказать один возглас или прочесть заамвонную молитву. Здесь же я был очень близко к архиерею, подавал ему крест во время Трисвятого, говорил возгласы, читал заамвонную и вообще был постоянно «на виду». Волновался, но было и очень радостно.

[19] В Москве на Манежной площади проходила выставка, где были представлены епархии РПЦ, монастыри и Синодальные отделы. На четвертом курсе меня и еще двоих однокурсников отправили представлять Белгородскую епархию и Синодальный миссионерский отдел. Пока один из нас сидел на положенном месте, двое могли пройтись по выставке. Мы встретили митр. Иллариона (Алфеева) и митр. Корнилия – предстоятеля Русской православной старообрядческой церкви. Затем нас привлекло корыто морошки в одной из угловых экспозиций. Я

На богослужении я сказал проповедь по Евангельскому чтению[20].

После службы мы присутствовали на воскресной школе для взрослых, которую вел владыка Николай, а в 13:00 я провел беседу с желающими креститься[21].

09.11.2015

С началом рабочей недели закипела и работа в епархии. Епископ Николай рассказал нам об истории местной миссии, дал несколько книг и сказал, на что нужно особо обращать внимание, общаясь с ненцами. На завтра у нас запланирована экскурсия в музей и встреча с научным сотрудником, чтобы глубже понять особенности культуры и мифологии ненцев.

Днем ездили по магазинам, выбирали теплую одежду. К сожалению, моего размера тут почти не встретишь, только в одном месте было нечто более-менее подходящее, завтра будем еще смотреть. А пока книжки читаем и новости пишем.

Исследуя культуру, изучаем язык

10.11.2015

Отпускать нас на север «в чем есть» в епархии не решились, потому что уж очень холодно и ветрено на Ямале. А правильно выбрать одежду – задача не из легких: либо теплый верх, но ты как колобок, либо легкая куртка, но тогда нужно постоянно перемещаться. Нам же необходимо что-то среднее: чтоб и на холодном вертолете летать можно было и по поселку ходить легко.

попросил для нас пару ягодок, сказал, что очень хочется вспомнить вкус из миссионерской поездки в Якутию. Сергей угостил нас, и мы разговорились о проблемах современной миссии. В Салехард были нужны миссионеры для поездок по селам на снегоходах для совершения треб и богослужений. Набросав примерный план, я предложил Сергею написать от епархии письмо на имя нашего митрополита Иоанна, чтобы он прислал миссионеров. Через три года письмо было отправлено, а волей Промысла Божьего я стал первым миссионером в Салехардской епархии, присланным от Синодального миссионреского отдела. Что предложил – то пришлось и реализовать.

[20] В ту пору я был сильно увлечен трудами архим. Ианнуария (Илиева). С ним я познакомился на 4 курсе семинарии, во время Московского летнего богословского института в 2013 году. Отец Ианнуарий произвел на меня неизгладимое впечатление и пробудил интерес к библеистике, как мне казалось ранее – мертвой и полностью статичной за древностью науке (см. напр.: Ианнуарий (Ивлиев), архим., 2019: 380-384). Знакомство с записями его лекций, прочитанными на радио «Град Петров», по экзегетике Евангелия и Павловых посланий, позволило в дальнейшем говорить проповеди по Священному Писанию, которое читалось на Литургии, без тех гомилетических дерзновений, которые случаются у священника с малым богослужебным опытом. До сих пор безмерно люблю, уважаю и поминаю на каждом богослужении архим. Ианнуария как своего наставника.

[21] На Большой земле в первый год моего служения проводить огласительные беседы было крайне тяжело: звал, а люди не очень-то шли. Особенно, если была альтернатива где-то договориться о более «икономическом» совершении Таинства, едва ли не заочном. Упустить человека такой торопливой, экономической складки (а вместе с ним, между прочим, и копейку на содержание храма) или провести оглашение в максимально сокращенном виде, не упуская потенциального прихожанина, а то и наследника Царствия Небесного… Здесь же альтернативы не было; православная культура общения для многих оказывалась в новинку, поэтому беседы проводились неукоснительно и давали хорошие результаты. Новокрещеные в большинстве своем участвовали в таинствах, становились частью общины. Сейчас, во многом благодаря и этому миссионерскому своему опыту, я полагаю, что беседы жизненно необходимы для приходской жизни. Уже с десяток человек за полтора года моего нынешнего служения в белгородском храме прп. Серафима Саровского стали частью общины благодаря огласительным беседам, главная цель которых – говорить о том, что значит быть христианином в наших жизненных обстоятельствах. Теперь я стараюсь рассказать об истории дохристианского обряда водного погружения, его христианском смысле, немного о богословии искупительной жертвы Христа, распятии и воскресении, дне Пятидесятницы, немного о самой Церкви, таинствах исповеди и Причастия… И, между прочим, обязательно рассказываю о «карго-культе» как отрицательном примере слепой религиозности, чтобы дать ясный образ, каким христианином быть не нужно и т. п.

Рис. 5. 10 ноября 2015 г. Салехард. Магазин снаряжения для охоты и рыбалки. Священники Петр Богдан (слева) и Даниил Яковов (справа). Братская забота
Fig. 5. 10 November 2015. Salekhard. Hunting and fishing equipment Shop. Priests Pyotr Bogdan (left) and Daniil Yakovov (right). Brotherly care

Новопоставленный дьякон Петр помогает нам правильно выбрать одежду для поездок. Выбор в магазинах не так уж и велик вообще, а уж курток моих размеров всего несколько экземпляров (рис. 5). Есть, конечно, в фирменных магазинах гламурные куртки, но у них либо заоблачная цена, либо рассчитаны они на горнолыжный европейский курорт[22].

В общем два дня странствий по магазинам завершились покупкой в двух экземплярах флисовых костюмов, костюмов-троек (комбинезон, куртка и подстежка к куртке), ботинок «Йети» (резиновые сапоги с валенками внутри), одного термоса на 1,5 литра и одной кожаной шапки для Ярослава. В епархии был один комплект термобелья, который как раз подошел Ярославу, а я привез комплект с собой. Так что ехать нам уже не страшно.

Днем у нас была встреча с кореянкой Ын Суб[23] (рис. 6, 7), но о ней я расскажу позже.

[22] Собираясь в прошлый раз в миссию в Якутию, я купил себе меховой тулуп и унты на высокой войлочной подошве. Впоследствии тулуп оставил в Тикси, а унты передал однокурснику в миссию на Камчатку. В этот раз решил купить что-то поудобнее и сходил с супругой в Белгороде в «Спортмастер». Потратили две зарплаты (около 40 тыс. руб.) на две пары обуви, термобелье мне и куртку супруге. Но на текущие условия они не были рассчитаны. Поэтому нас решили доукомплектовать. Супруга по поселкам почти не ездила, ей куртки хватило. А мне нужны были охотничьи резиновые сапоги с валенками внутри и комбинезон с курткой.

[23] Ын Суб Сонг (Eun Sub Song) – уроженка Южной Кореи 1960 г. В детстве жила в большой семье из 15 человек, из которых шестеро были дети – трое родных и трое приемных, Ын Суб была младшей. Ее отец помогал бедным. Мама давала с собой в школу большой обед, чтобы Ын Суб кормила других детей. С детства Ын Суб посещала пресвитерианскую церковь Англии. Там ее поражала строгость: отдельно стояли мужчины и женщины. В школьные годы Ын Суб увлекалась русской литературой, много читала. Очень любила Пушкина, Толстого и

Рис. 6. 9 января 2018 г.
Тазовский р-н ЯНАО, с. Антипаюта.
Путешествие по поселкам.
Переводчицы Библии на ненецкий.
Слева Ольга, справа ЫН Суб[24]
Fig. 6. 09 January 2018. Tazovsky district, YNAO. Antipayuta village.
Travelling through
the settlements. Translators of the Bible into Nenets. Olga on the left, Eun Sub on the *right*

Достоевского, особенно произведение «Братья Карамазовы», которое было для нее «второй Библией». Более всего ЫН Суб поразил образ Алеши. В то время она искала для себя ответ на вопрос: «Как нужно жить?». И хотела стать монахиней, но родители были против. После школы ЫН Суб закончила Высшую школу в Корее и стала преподавать детям биологию. В 23 года увидела несколько снов, которые посчитала призывом от Бога на служение: в первом – русский храм, во втором – азиатов, которые сидят в темноте, а в третьем – заснеженные просторы и солдат. Во сне ее призывала Лидия, преподаватель русской литературы. Родители не хотели отпускать ее в Россию. В 1990 г. хотела поехать в миссию в Африку, но ее не приняли. Позже узнала, что есть земля под названием «Лиддия» и решила поехать в Грецию, в Салоники. В 1991 г. не получилось попасть в Россию. Отправилась в Грецию, затем Австрию, где занималась книгопечатанием Библии. В Россию попала в 1992 г. В Санкт-Петербурге преподавала английский детям. Впервые узнала о коренных малочисленных народах: ненцах, у которых сохраняется шаманизм. Молилась, чтобы Господь открыл, как дальше заниматься служением. Уехала в Англию. Там получила образование лингвиста в университете Брунеля, а также в SIL (летний богословский институт). Изучала древнегреческий и древнееврейский, теологию в течение трех лет. В то время ей помогал проф. Дэвид Кларк – важный в ее жизни человек. В 2000 году ЫН Суб пригласили в Москву заниматься переводом Библии на ненецкий. Сразу после завершения учебы она отправилась в Москву, а через три месяца – в Салехард, где трудится по сей день, путешествует по тундре и ведет переводческую деятельность как ученый, но не евангелизирует людей. Свободно владеет английским, корейским и ненецким. Последние похожи по грамматике, афиксам и стратуре. Знает русский, читает, но не говорит на латыни, древнегреческом и древнееврейском. Понимает, но не говорит на немецком и итальянском. В настоящее время работает над переводом на ненецкий Павловых посланий. Уже переведены четыре Евангелия и Деяния.

[24] Фото из личного архива ЫН Суб Сонг.

Рис. 7. 21 августа 2023 г. Салехард. Работа над переводом Библии на ненецкий. Ын Суб (слева) с коллегой Ольгой (справа)[25]
Fig. 7. 21 August 2023. Salekhard. Working on the translation of the Bible into Nenets. Eun Sub (on the left) with colleague Olga (on the right)

После встречи мы отправились в музейно-выставочный комплекс И.С. Шемановского – местного миссионера-этнографа (Шемановский, 1906). Там нас ожидала Людмила Федоровна Липатова – заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза журналистов России, действительный член Русского географического общества, краевед, почетный гражданин г. Салехарда (Липатова, 2005; Липатова Людмила Федоровна).

Сначала мы побеседовали с Людмилой Федоровной в ее кабинете, потом отправились в библиотеку (рис. 8), после чего посетили этнографическую выставку.

Встреча была ознакомительной и очень краткой, поэтому нам предложили прийти завтра, когда у нас будет побольше времени.

11.11.2015

Утром у нас не было запланированных дел, поэтому, не теряя времени, мы отправились снова в музей. На этот раз мы начали посещение комплекса с библиотеки, где нас познакомили с этнографом Нелей, которая более подробно рассказала нам о верованиях ненцев и хантов, провела в закрытые хранилища и ответила на вопросы о быте и культуре ненцев. В библиотеке нам на прощание подарили несколько книг, которые очень нам пригодятся при «полевой работе», за это мы очень благодарны коллективу музейного комплекса.

В 15:00 мы снова встретились с Ын Суб. Эта женщина уже давно трудится над переводом Священного Писания на ненецкий язык, сама она знает русский, греческий, английский и некоторые другие. Ын Суб принесла нам несколько переведенных книг с дисками и дала текст молитвы «Отче наш...» на ненецком.

Рис. 8. 10 ноября 2015 г. Салехард, Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского. Мини-экспозиция «Библиотека отца Иринарха». В серой кофте в центре Липатова Л.Ф., слева семинарист Ярослав Галицкий
Fig. 8. 10 November 2015. Salekhard, Shemanovsky Yamalo-Nenets District Museum and Exhibition Complex. The mini exhibition “Father Irinarkh's Library”. Lipatova L. F. in the grey jumper in the center, seminarian Yaroslav Galitsky on the left

Нум’ Ерв’ Туё”ма
Нумгана мэна Нисява”!
Пыдар нюмл хэбидя ӈэя.
Параӈодадавар тоя.
Ватор, нув’ няӈэнда тотрев’, я’ ниня ӈани’ тарем’ ӈэя.
Тюку яля’ няна” ӈэлом’ мэдава” тамбю”.
Маня” нянана” ӈатебясавэй ӈатебясялм-демба”мана” тотрев’,
ӈатебина” ха”авра”.
Сидна” нён хорпю”, сидна” вэнзухуд ӈэда”.
Параӈодадавар,
Ныхыр, Юнар пилибт” таняя”. Аминь[26].

Ын Суб научила меня нескольким фразам на ненецком, рассказала о правилах чтения и послушала мое произношение. К ее большому удивлению у меня практически сразу получился звук [ӈ], обычно, по ее словам, русским он дается очень тяжело. Секрет произношения прост: [ӈ] это инговое окончание в английском языке, как, например, в слове “going” – сонорный звук как бы без самого звука [н].

Билеты нам на завтра не взяли, поэтому у нас впереди еще один день, в который мы, вероятнее всего, будем лечить зубы, потому что с ними беда...[27]

[26] Молитва Господня на ненецком [Электронный ресурс]. URL: https://hasava.ru/rus/библия/христианские-материалы (дата обращения: 16.08.2023).

[27] Из-за нехватки фтора у всех, приехавших с материка, начинают портиться зубы. Я разговаривал об этом с сотрудниками епархиального управления. Многие во время отпуска стараются привести в порядок зубы на Большой земле, потому что на Ямале это стоит очень дорого.

Яр-Сале[28]. Добрались
12-16.11.2015

В четверг-пятницу мы собирались в дорогу: выкупали билеты, собирали вещи, выписывали со склада иконы и богослужебные принадлежности. В общем ничего знаменательного в нашей жизни не было, кроме посещения стоматолога.

А вот с субботы начались интересные события: с 8 утра началась регистрация на борт. При взвешивании багажа оказалось, что вместо положенных 60 кг на троих у нас вышло 79 (это еще не считая рюкзачков и ноутбука), поэтому пришлось доплатить 800 с лишним рублей за перевес. Еле запихнулись в вертолет: в два приема носили вещи.

В Яр-Сале мы были приятно удивлены благоустройством и опрятностью поселка. Нас встретил у вертолета настоятель храма отец Иоанн[29].

Расположившись в новых апартаментах, мы стали готовиться к вечерней службе. Храмик очень маленький, но уютный. Пол с подогревом, все как полагается (рис. 9).

Рис. 9. 12 ноября 2015 г.; с. Яр-Сале, п-ов Ямал. Храм блж. Ксении Петербургской. Прихожане храма с настоятелем священником Иоанном Шишлянниковым
Fig. 9. 12 November 2015. Yar-Sale village, Yamal Peninsula. Church of Blessed Xenia of St. Petersburg. Parishioners of the temple with the rector priest John Shishlyannikov

Сегодня пойдем знакомиться с главой села, а после проведем занятие в школе. Пишу мало по двум причинам: очень медленный интернет и акклиматизация. Мне сегодня не очень хорошо физически, лечусь, надеюсь, что все обойдется. Прошу молитв[30].

Снова в школу

Периодически мне снятся кошмары о том, что мне нужно ехать в школу и сдавать

[28] Административный центр Ямальского района. Село расположено на реке Юмбе в 189 км к востоку от Салехарда. Население 7030 человек (2012). Год основания 1927.

[29] В 2007 году священник иерей Иоанн Шишлянников был назначен на приход исполняющим обязанности настоятеля (Указ от 05.11.2007 г.). Указом от 24.02.2010 года иерей Иоанн назначен настоятелем прихода храма в честь св. блаж. Ксении Петербургской с. Яр-Сале.

[30] Я старался публиковать дневниковые записи в тот же день, если позволяла связь. Мою страничку в «Живом журнале» читали мои друзья, в том числе священнослужители, поэтому иногда я обращался к ним с различными просьбами. В этот раз – попросил помолиться о моем здоровье читателей.

украинский язык и литературу[31]. Во сне я пытаюсь совместить это со своей богослужебной практикой и не могу понять, как так получилось: нужно служить, учась в школе... Но времена учебы прошли, теперь я хожу в школу, чтобы учить чему-то доброму других. Вот, например, сегодня в Яр-Сале нас пригласили в школу на беседу с детками о толерантности.

16 ноября 1995 года. В этот день ЮНЕСКО утвердило резолюцией декларацию принципов толерантности[32]. Вот как это связать с верой?

Возложить данную миссию было решено на Ярослава – нашего незаменимого помощника.

Ярослав объяснил детям происхождение термина «толерантность», проиллюстрировал примерами из жизни и объяснил, что толерантность – это может быть хорошо, может быть плохо.

К середине урока, когда всем было очень тяжело сидеть ровно на одном месте, я решил поиграть с детьми в футбол и дать отдохнуть Ярославу. Когда я поднимал правую руку дети кричали: «Удар!», когда левую: «Штанга», когда обе: «Гол!».

Накричавшись вдоволь, дети пришли в себя. Я спросил, считают ли они себя толерантными и хотят ли такими быть? Многие воздержались от ответа. Если в наше общение пытался вклиниться кто-то из миссионеров, то я поднимал правую либо левую руку.

Закончил я встречу рассказом о русском смирении в противовес европейской толерантности. После встречи я помазал желающих благовонием с запахом дикой орхидеи[33].

Учителям, присутствовавшим на нашей встрече, так понравилась беседа, что к нам хотели сразу же привести старших детей. Но узнав, что мы в Яр-Сале будем целых полгода, решили перенести встречу.

Сеяха[34]
Время приключений

18 ноября был рейс санитарной авиации[35] из Яр-Сале в Сеяху. Было решено не

[31] Мое детство прошло в городе Лозовая Харьковской области, расположенном за Харьковом (около 150 км в сторону Павлограда), на пересечении железнодорожных путей. Учился я в единственной русской школе, чем тогда очень гордился. Мой классный руководитель, Любовь Григорьевна, была очень строгим учителем украинского языка и литературы. У нас с ней часто были нелады, поскольку преподавание украинской литературы еще в начале 2000-х годов строилось по принципу противостояния русской культуре, сопереживания угнетенным царской властью украинцам, что меня очень сильно смущало. Это смущение было причиной споров и попыткой отстоять свое мнение, основанное на ценности русской культуры как хранительнице православной веры. Несмотря на это, школу, с Божьей помощью, закончил с золотой медалью, но сны о тех уроках вижу до сих пор: в них я уже в новом статусе хочу более аргументировано отстоять свою точку зрения.

[32] Декларация принципов терпимости [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/docu-ments/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения 16.08.2023).

[33] Владыка Николай щедро обеспечил нашу экспедицию всем необходимым, в том числе маленькими флаконч иками с благовониями. Каждый миссионер должен иметь в кармане если не конфетки, то церковные благовония точно! Отцу Иоанну идея очень понравилась, и мы всегда помазывали детей масляными духами после беседы, чтобы у них подольше оставались связанные с нами приятные впечатления.

[34] Село Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Расположено в средней части полуострова Ямал на реке Сёяха в месте ее впадения в Обскую губу. Большую часть населения поселка Сеяха составляют ненцы, основным занятием которых являются оленеводство, охота и рыбная ловля. Население: 2641 чел. Поселок Сеяха был основан в 1930-х годах. В Сеяхе расположена школа-интернат, где обучаются в том числе и дети из других населенных пунктов района, чьи родители ведут кочевой образ жизни. Школа-интернат ведет свою историю с 1935 года, когда в Сеяхе была открыта начальная школа. В 1977 году школа стала полной средней. В 2000 году было сдано в эксплуатацию новое здание школы, рассчитанное более чем на 500 мест. Мое впечатление от школы: весьма благоустроенная, такие еще поискать нужно: везде чистота и порядок, мультимедийные доски, современное оборудование. Детей тут оставляют на девять месяцев (хоть они и прячутся в тундре от вертолета в конце августа), здесь их учат, кормят пять раз в день, моют, одевают и – внимание – это все бесплатно.

[35] Билеты на перелеты между поселками очень дорогие, особенно если перемещаться так часто, как мы. Или их вообще нет в наличии. Но между

терять зря времени и лететь. Настоятель ярсалинского храма отец Иоанн нас не бросил и отправился в путешествие с нами.

Рейс вылетел из Яр-Сале поздно, поэтому в первый день мы успели только разместиться, поужинать и посмотреть часовню (рис. 10).

Рис. 10. 18 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал.Часовня в честь Амвросия Оптинского. Очень маленькая и холодная
Fig. 10. 18 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula, Chapel of Amvrosy of Optina. Very small and cold

Литургию отец Иоанн тут не служил, причащал людей запасными Дарами. Нам же поставлена цель – служение Литургии. Поэтому с самого утра 19 ноября мы занимаемся решением этого вопроса. День выдался очень насыщенный. Позавтракав, мы приступили к делам. Начали с осмотра клуба. Поскольку в клубе было очень тепло и уютно, мы договорились с директором Ольгой Павловной совершать крещения и проводить беседы здесь. На всякий случай присмотрели на втором этаже кабинет для совершения богослужений. К обеду директор школы Ирина Валерьевна составила нам план бесед со школьниками. В ходе разговора выяснилось, что у нее сегодня день рождения. Мы очень обрадовались, что прибыли к такому торжеству, и возгласили рабе Божьей Ирине «Многая лета», что ее очень порадовало. Мы предложили Ирине Валерьевне проводить отдельно общие беседы со школьниками и отдельно цикл бесед для тех, кто захочет покреститься. Поскольку время бесед о вере со школьниками совпадало с удобным для нас временем проведения бесед перед крещением в клубе – было решено беседы в клубе отменить и приглашать всех в актовый зал школы, на что директор дала согласие.

епархией и администрацией была договоренность о содействии передвижению миссионеров. Поскольку других путей сообщения между поселками нет, то забрать оттуда больных или рожениц можно только на вертолете. В одну сторону вертолет иногда летал пустой (с медперсоналом на борту), а обратно уже с пациентами. Поэтому легко можно было захватить с собой пару миссионеров. Единственный минус – это нерегулярность перелетов. Никогда не знаешь заранее, когда следующий вертолет полетит в нужный поселок, поэтому улететь из этого поселка может быть сложнее, чем в него попасть.

Рис. 11. 19 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-в Ямал. Молебен в Сеяхинской участковой больнице
Fig. 11. 19 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula.
Prayer service in Seyakha district hospital

После обеда мы послужили молебен о болящих с водосвятием в больнице (рис. 11). Людей было не очень много, присутствовал также и персонал. Воды освятили целых три ведра, многие сразу же напились, у кого были бутылочки – взяли в палаты.

Сразу же после молебна мы отправились освящать здание администрации (рис. 12). Глава поселка Игорь Николаевич принял крещение от владыки Николая, когда был вместе с ним в составе экспедиции на острове Белый по вопросу постройки часовни. Теперь захотел освятить свой кабинет и все здание. После освящения мы объяснили, что теперь нельзя сплетничать, курить и вообще грешить в здании. Присутствовали почти все сотрудники, кроме убежденных язычников. Люди, которые пришли на почту или в банк, видели, что мы освящаем здание и просили зайти освятить их дома и даже один магазин.

Еще у нас случилось небольшое чудо. Мы взяли в поселок две иконы святителя Николая. Хотели подарить одну главе, а вторую – кому будет нужно. В итоге по странным случайностям уже дважды приходим к главе без этой иконы. Первый раз подарили утром икону главврачу по дороге в администрацию, потому что думали, что глава язычник, как его заместитель, а во второй раз Ярослав оставил ящик с иконами в больнице после молебна, когда уже было твердое намерение принести икону к освящению здания. Главе мы подарили иконку Петра и Павла, а насчет образа святителя Николая у меня сложилось впечатление, что у святителя есть на примете кто-то, кому эта икона очень нужна. Конечно, я здесь не перечисляю всех подробностей, но могу сказать одно: дело не в забывчивости. Действительно, так сложились обстоятельства, что икона в администрацию никак не попадала.

Рис. 12. 19 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. В Администрации села Сеяха. Слева глава администрации Игорь Николаевич Окотэтто
Fig. 12. 19 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. In the administration of the village of Seyakha. On the left is the head of the administration – Igor Okotetto

С Игорем Николаевичем мы решали вопросы по отоплению часовни и строящегося храма. К храму доступа у нас нет, так как его не ввели в эксплуатацию, а тепловую пушку в часовню должны принести завтра, но есть вероятность, что с крыши будет течь как в прошлые разы, поэтому Литургию возможно будет служить только в клубе. По нашей просьбе, с согласия администрации по местному телевидению дадут бегущую строку о прибытии миссионеров и проведении огласительных бесед и служб.

В 17:30 у нас прошло сразу два мероприятия. У меня была встреча с подростками, а отец Иоанн с Ярославом проводили огласительную беседу.

Компания у меня была небольшая, но беседовать было тяжело, потому что присутствовали учитель и воспитатель (рис. 13). Родители учащихся в местной школе-интернате пасут оленей в тундре, а дети девять месяцев без родителей выживают в школе. Тяжело им[36].

[36] Многие дети не хотят учиться абстрактным школьным истинам. Их цель жизни – стать охотником или рыбаком, по примеру отцов. Кроме того, оленеводы не рассчитывают перемещение оленьих стад таким образом, чтобы в конце августа быть недалеко от поселка. Стадо может уйти очень далеко, а за детьми прилетает комиссия на вертолете. Поэтому, когда приходит время идти в школу, дети прячутся в тундре, и их нужно выслеживать и едва ли не силой забирать на борт вертолета, который доставит их в поселок, а затем в школу. Нам немало пришлось говорить об особенностях взаимной адаптации детей и школы к образу жизни, который транслирует традиция, о том, как, соблюдая традицию, способствовать ее живой динамике, а не омертвлению, обособлению от тех процессов, которые способствовали бы развитию детей, минимизировали бы риски их социального отчуждения от традиции, научали бы их истинам духовной жизни, а не буквам некоторого знания, не формально.

Рис. 13. 19 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. Школа-интернат.
Ненецкие подростки, учащиеся 9 класса
Fig. 13. 19 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Boarding school.
Nenets teenagers, pupils of the 9th grade

Я рассказал о Христе, о его Воскресении, раздал изображения гроба Господня. Потом поговорили о вреде пьянства, наркотиков, рассказал о «маятнике Джонсона» и о том, как грехи отразятся потом на здоровье их детей. Все хотели создать семьи и растить детей, поэтому мотивация для здорового образа жизни есть. Иконочки попросил вернуть назад тех, кому они не нужны. Вернули десять штук. Я спросил потом у учителя, сколько было детей, потому что постоянно приходили новые ребята, сказала, что двадцать человек. То есть до половины я достучался. Всех желающих я пригласил на факультативные занятия с понедельника, в 17:30, где можно будет узнать о Боге, вере и потом покреститься.

Отец Иоанн рассказал о таинстве Крещения и о храме пришедшим жителям. Мне завтра нужно рассказать им обо всем остальном, потому что в субботу надо их покрестить. Остальные жители пока раскачиваются.

Завтра дадим объявление о расписании на две недели.

График очень плотный, первую половину дня мы держим в резерве, потому что уже попросили освятить четыре квартиры[37] и один магазин. Так что новости пишутся только ночами. Завтрак в школе у нас в 8 утра, обед в 13:00, ужин в 18:45. Порции в школьной столовой рассчитаны на школь-

[37] Один из случаев, который здесь не описан, я вспоминаю по сей день. Женщина-ненка попросила освятить дом. Когда мы пришли, она открыла дверь и сказала: «Делайте, что вам нужно, а я к соседке пошла!». Позже я выяснил, что так влияет на местный менталитет ситуация с природопользованием. «Газпром» добывает на Ямале нефть и очень сильно поддерживает материально коренные малочисленные народы. Из-за этого у людей складывается в сознании мысль о том, что «нам все должны», «даже сам Бог». Освящение жилища – это как будто «одолжение» Богу, честь, которую Он должен будет «отработать» чудесным исцелением, когда кто-то из близких хозяина помещения заболеет. Женщине мы объяснили, что освящение – это посвящение жилища Богу. Квартира становится святилищем, где нужно молиться и служить Богу. Часто рассказываю этот случай во время освящения домов, чтобы люди правильно понимали назначение священнодействия.

ников, поэтому завтра надеемся найти сельский магазин и купить еды, а то ж пост скоро!

Первые огорчения и самые благодарные слушатели

Утром, как мы и договорились накануне, мне позвонила женщина, работающая в больнице, и попросила освятить дом. Я и отец Иоанн пошли на требу. Квартиры у местных довольно большие, но проживают там все родственники 3-4 поколений: по семье в комнате. Только мы приклеили изображения крестов по четырем сторонам и собрались начинать, как пришли мужчины и сказали, что дом не нужно освящать. Стали кричать на женщину и спорить межу собой на ненецком языке. Отец Иоанн спорить не стал, сказали нет – значит, нет…

Чтобы крестики потом не отклеили и не выбросили, я сказал батюшке их отклеить, но наклейки очень хорошо приклеились. Я решил попытаться завязать разговор, потому что было видно, что мужчины сами не знают, надо им освящать или не надо, а хозяйка помещения все-таки женщина. Сказал, что видите, вот и крестики уже не отклеиваются, но в самый разгар спора отец Иоанн крестик отклеил, и нам пришлось уйти.

В 11:50 у меня был общий ознакомительный урок с учащимися 4-5-х классов. Детки грамотные, уже проходили основы мировых религий. Поэтому я решил закрепить пройденный ими материал. Чтобы проверить уровень учащихся, я задал несколько вопросов. Особенно мне понравилась логика детей относительно того, что иудеи не молятся как мусульмане, буддисты не молятся как христиане и т. д., а вот язычники как христиане молиться могут... Сказывается все-таки практика на изучаемой теории. И я решил объяснить, почему язычники тоже не могут молиться как христиане, а если все-таки молятся, то это уже не язычники. Рассказал, чем отличается храм от мечети и синагоги, а потом – чем языческое святилище от христианского храма. Плавно мы подошли к жертве Христа для людей, а потом к воскресению и сошествию Духа. Сказал пару слов о благословении как о призывании Святого Духа на человека и пригласил желающего получить благословение. Быстрее всех была девочка. Я сложил ей ладошки и сказал, что ей нужно сказать. После того как я ее благословил, дети чуть не повыпрыгивали из штанов, с поднятыми руками, чтобы их тоже благословили.

Рис. 14. 20 ноября 2015 г. с. Сеяха, п-ов Ямал. Школа интернат. Учащиеся 4–5 классов. Урок по основам мировых религий. Вспомнился отрывок из Евангелия о благословении детей
Fig. 14. 20 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Boarding school. Pupils of 4-5 grades. Lesson on the basics of world religions. I remembered a passage from the Gospel about the blessing of children

Я рассказал, на что благословляет священник, и затем разрешил подойти всем желающим. Все присутствующие дети ринулись наперебой ко мне и сжали меня плотным кольцом (рис. 14). Некоторые подходили под благословение по несколько раз. Потом у нас еще оставалось немного времени, и я ответил на вопросы. В память о нашей встрече я раздал желающим иконки воскресения Христова, а Ярослав помазал желающих благовониями. И конечно же, я пригласил всех на беседы о вере с понедельника по пятницу в 17:30 в актовый зал школы.

Вечером нам с батюшкой Иоанном снова пришлось разделиться, на этот раз отец Иоанн пошел говорить с трудными подростками, а я провел вторую огласительную беседу. За полтора часа мы поговорили о грехопадении, Христе, Его Воскресении, об отличии храма от Церкви, таинствах, Причастии, жизни христианской, проговорили основные догматы, поразмышляли, как быть с языческими традициями, еще я объяснил, как благословлять детей, освящать вещи и пространство святой водой и крестным знамением.

День закончился так же, как начался, к сожалению. В десятом часу вечера мне позвонил некто Юрий и попросил о встрече по личному вопросу. Я предложил поговорить в воскресенье после службы. Но ему надо было срочно. Я заподозрил неладное, но пригласил его в школу. К 22 часам он подошел и перезвонил. Оказалось, что парень изрядно пьян, но на то были «причины». Заявил, что он все знает, мне ему говорить ничего не надо, а надо просто послушать. Я предложил ему прийти в себя, протрезветь и поговорить завтра. Моментально он обиделся и стал повышать голос. В итоге он сказал фразу, после которой разговор потерял всякую цель: «Я хочу выговориться – выслушайте меня, это же ваша миссия»[38]… Но конкретного разговора все равно не получилось, на следующий день он тоже не пришел.

Торжество просвещения

Новый день начался с Таинства Крещения над всеми, кто посетил две огласительные беседы накануне и внятно смог ответить на некоторые вопросы о вере. В 10:00 мы встретились в ДК с Надеждой и ее семьей. До 11 часов была исповедальная беседа с каждым из девяти желающих креститься, либо с крестными младенцев. К 11 часам к нам пришел мальчуган, который вчера зашел посидеть на беседу. Парня звали Дима, ему было десять лет. Вчера он услышал, что нужно письменное разрешение родителей на крещение детей до 14 лет, и пришел с соответствующей бумагой от мамы.

Я немного растерялся, потому что маму его мы так и не увидели. Я спросил у присутствующих: «Кто желает взять Диму крестником?». Не сомневаясь, одна крещеная девушка – Галина вызвалась стать крестной Диме. Воодушевленный решимостью Галины, я задал несколько вопросов Диме: зачем креститься, кто наш Бог, будет ли Дима ходить на беседы с понедельника и потом по воскресеньям в храм. Для 10-летнего мальчика он ответил достойно. А может и достойнее некоторых взрослых, кто также подходил к нам на этой неделе, но не был допущен ко Крещению без полного цикла бесед.

[38] До сих пор болит за него душа. Иногда кажется, что я поступил неправильно. Но таких встреч у меня за годы священнослужения было много. Как бы я ни поступал – это ни к чему не приводило. Жалобы, которые люди высказывают в состоянии алкогольного опьянения – это просто крик души. На утро они, скорее всего, даже на вспомнят о самом факте беседы. Именно поэтому я думаю, что я сделал правильно. Голодного нужно накормить, холодного обогреть, а духовное соприсутствие возможно с человеком в трезвом уме.

Рис. 15. 21 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. Сеяхинский дом культуры. Таинство Крещения. Малая Церковь поселка Сеяха
Fig. 15. 21 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Seyakha house of culture. Sacrament of Baptism. Small Church of the village of Seyakha

Крещение прошло легко и быстро. После Крещения мы сделали общее фото и пригласили всех на службы сегодня и завтра (рис. 15). Пообщавшись с сотрудниками, выяснилось, что в ДК есть учитель вокала для детей Ирина, и она может читать ноты с листа. Мы договорились с Ириной провести в 15:00 спевку.

Библиотеке ДК мы передали в дар Евангелия на русском и ненецком, молитвословы и детскую библию на ненецком. Нам пообещали создать православный уголок.

По дороге домой мы зашли в новый храм. Обнаружив, что там уже вполне себе тепло, мы решили подождать до вечера и, если ничего не изменится, – перевозить утварь для Литургии в храм.

В 15:00 я пришел к Ирине Александровне с нотными сборниками в формате pdf, по которым мы пели в семинарском храме. Пока Ирина разбирала ноты всенощной, я печатал остальные произведения. Получилось очень даже хорошо. Ярослав с Ириной пели на службе, а отец Иоанн исповедовал, объяснял людям, когда креститься и кланяться, а еще каким-то образом сообразил, как послужить литию в походных условиях. В положенное время на литии отец Иоанн принес пять кусков хлеба и вино. Мы совершили полноценную литию и после помазания раздали хлеб людям. Центрального аналоя не было, антиминса на престоле тоже, но, чтобы не вводить людей в заблуждение (в новом храме иконостаса нет еще), я одной рукой держал Евангелие для целования, а второй держал кисточку и помазывал, отец Иоанн раздавал хлебцы.

После службы новопросвещенный Иоанн помог нам перевезти подсвечник и утварь в храм. За 40 минут мы перенесли из часовни столы, семисвечник и книги. Все обустроили в храме и собрались на ужин, но пришли три женщины-ненки, говорят: «Вы нас звали – мы пришли!». Увидев подсвечник (рис. 16), они задали два вопроса: «А он из золота? А можно селфи с ним сделать?».

Рис. 16. 21 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. Золоченый подсвечник в храме свт. Филофея Тобольского
Fig. 16. 21 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Gilded candlestick in the church of St Philotheos of Tobolsk

Литургия в новом храме

Служба была назначена на 9:00. Чтобы люди не пошли в клуб, как было написано в объявлении, мы разослали всем смс о том, что служба будет в новом храме. С отцом Иоанном мы почитали входные, окропили святой водой стены храма и столы вместо престола и жертвенника. Люди пришли в 8:40, писали записки, Ирина взяла у меня телефон, чтобы задавать себе тон с помощью программы-фортепиано и готовилась петь службу, Ярослав закладывал чтения, а я тем временем совершал проскомидию, стоя на коленях у низкого жертвенника.

Служили миссионерскую Литургию, как в Тикси, то есть с чтением антифонных молитв вслух. В течение Литургии было сделано четыре остановки для миссионерского комментирования богослужений[39]. С учетом проповеди по Евангельскому чтению, комментирования службы и чтения молитв, Литургия была совершена за два часа. То есть к 11-ти мы все завершили, включая благодарственные. На Литургии было двенадцать причастников: девять новокрещенных, двое крещенных ранее взрослых и маленькая девочка. Всего было двадцать прихожан. Перед тем как давать крест людям, я возгласил многолетие всем новопросвещенным, их восприемникам и «всем зде предстоящим». Благословил новопросвещенную семью и Димитрия служебными просфорами.

[39] Миссионерское богослужение более продолжительное по времени. Однако оно способствует повышению осознанности участников. Священник поясняет смысл и порядок происходящего прямо во время службы. Это наглядно и доступно. Чтение тайносовершительных молитв вслух позволяет более полно погрузиться в процесс богослужения. Я очень люблю миссионерские литургии. Они позволяют людям почувствовать себя не только частью евхаристической общины, но вообще соучастниками богослужения. Литургия служится для них. Их присутствие замечено священником, и вся служба проходит со вниманием к ним, что, в свою очередь, привлекает и внимание молящихся к богослужению.

В 11:30 пришли женщины с детьми, которые вчера делали селфи с золотым подсвечником. Спрашивали «хехе ту» и «хехе и» – святой огонь и святую воду. Хотели покрестить детей. Мы пригласили их завтра в школу в актовый зал в 17:30 на беседы, чтобы не только детей, но и родителей покрестить, а то женщины думали, что взрослым поздно креститься.

Сразу после службы мы с отцом Иоанном пошли освятить дом новопросвещенной семьи.

Объяснили, как поддерживать освящение в доме молитвой и добрыми делами, сказали, что нельзя курить и материться, пускать в дом плохих людей, а самим нужно жить в мире друг с другом.

Перед началом вечерней молитвы возле храма нас ждали люди на двух машинах. Одна семья хотела отвезти нас освятить жилище, а другая – купить иконки и крестики. Молитву читал Ярослав, что можно было петь – мы пели, в конце прочитали Евангелие и ектению, помянули поданные записки о здравии и об упокоении, все с выключенным освещением. После молитвы освятили дом директора местного ДК.

Дела житейские

Уже час ночи, а я все еще работаю. Спать тут ночью не хочется, а утром глаза не продерешь. Пишу себе план-конспект для огласительных бесед. С понедельника по пятницу я за пять встреч, по полтора часа каждая, должен рассказать людям, что есть христианство. Сходу тяжеловато, вот и пытаюсь это сформулировать на бумаге, заранее осмыслить. За основу взял огласительные беседы игумена Агафангела (Агафангел (Белых), 2011: 26-33) по фильму «Вера святых»[40]. Набросок сделал, осталось осмыслить и подкорректировать.

Утром, как правило, мешает выспаться свет из коридора, светящий прямо в лицо. Но сегодня в 8:15 свет пропал везде. Поэтому мы с Ярославом мирно проспали почти до одиннадцати часов. Потом написали отцу Иоанну, узнали, что света нет во всем поселке и надо помолиться. Свет дали. Молиться перестали, пошли умываться – свет пропал... Молимся снова.

Отец Иоанн освятил сегодня в больнице еще три ведра воды, потому что те три ведра, которые мы освятили на молебне 19 ноября, уже выпили.

Я зашел к директору школы Ирине Валерьевне, как пришел – появился свет. Мы распечатали конспект огласительных бесед в двух экземплярах, и свет погас снова. Все промыслительно! Ирина Валерьевна пригласила двух учителей родного языка, и мы вместе разбирали молитву «Нумгана мэна Нисява'» – «Отче наш». Учителя смысл молитвы на ненецком поняли весьма с трудом. Из-за различия местных диалектов, перевод, который нам дали в Салехарде, для пос. Сеяха непригоден. Учителя сказали, что на русском намного понятнее.

На завтра у нас намечено много работы: освящение школы в 8:15, потом освящение гостиницы, урок о Христе в 11:50 по религиоведению для 4-х классов. Потом спевка, молебен для беременных, вторая огласительная беседа, вечерняя молитва и освящение дома после молитвы. Еще надо выбрать время для освящения начальной школы и ДК. Сегодня отец Иоанн пойдет освящать садик, пока я беседую со старшеклассниками.

Ярослав сходил в магазин за вкусняшками: купил колбасы, сыра и газировки – заговение скоро как-никак. Как он сам сказал, – обидел продавщицу, сказав, что в магазине вся колбаса просроченная…

Встреча с подростками и вечерняя молитва

С 16:00 до 19:00 я без остановки проводил занятия в актовом зале школы. Сначала

[40] См: (Вера святых, 2019). До сих пор рекомендую к просмотру этот фильм на огласительных беседах, хотя веду их уже по личному плану, рассчитанному на одну встречу в течение 45 минут – часа. В некоторых кадрах можно увидеть Соборную площадь и Преображенский собор г. Белгорода, а также некоторых священнослужителей Белгородской епархии.

беседа со старшеклассниками, а потом огласительная беседа для желающих креститься. Дети общительные, но много вопросов не задавали, в основном отвечали на мои.

Решили поговорить о свободе. Заодно коснулись заповедей, психологии и философии. Получилось тяжеловато, поэтому я разрешил скучающим беседу покинуть. За полтора часа ушло человек десять. Но зато девять человек осталось еще на полтора часа на огласительную беседу (рис. 17).

Рис. 17. 23 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. Школа-интернат. Огласительная беседа с желающими креститься школьниками
Fig. 17. 23 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Boarding school. Okhlasitelnaya conversation with schoolchildren wishing to be baptised

Из села на беседу пришла только одна женщина с ребенком. Всем, кто присутствовал, я после беседы раздал пояса «Живый в помощи» и объяснил, что это.

На молитву в 20:00 пришло в храм три человека, то есть мы.

После вечерней молитвы послужили литию о новопреставленной Евгении и всех православных христианах[41].

Окончание трудов праведных

Завершился один из самых напряженных дней нашего пребывания в пос. Сеяха. С 8 до 21 часа длился рабочий день миссионеров Белгородской митрополии: три освящения, два молебна, два занятия с учащимися и одна спевка.

В 8:15 все школьники, учащиеся в первую смену, а также учителя во главе с директором пришли в актовый зал для того, чтобы помолиться вместе с нами во время освящения школы. Мы заранее освятили масло, а уже при всех учащих и учащихся спели тропари, прочитали молитвы и Евангелие, сказали проповедь и окропили святой водой присутствующих, потом дети разошлись по классам, а мы с отцом Иоанном кадили и окропляли все комнаты школы и интерната. Завершили чин освящения мы в кабинете директора сугубой

[41] Во время моего путешествия автостопом по Украине еще семинаристом, после миссионерской командировки в Тикси, я познакомился с семьей из города Ковель Волынской области. Евгения была бабушкой моей подруги. Я ей очень понравился, и она молилась обо мне последние четыре года. Когда Евгения преставилась ко Господу, ее дочь написала мне и попросила молитв об упокоении ее души. Просьбу я исполнил и уже восемь лет молюсь за нее.

ектенией с поминанием поименно всех трудящихся, живущих, учащих и учащихся в школе. Ярослав носил ведро со святой водой, поэтому фотографии сделать было некому, да и мы так были увлечены, что не попросили никого. Так что придется поверить на слово!

Сразу после школы мы освятили местную гостиницу. Кстати, очень хорошую. Нас после освящения вкусно покормили в гостиничной столовой.

Ни на минуту не прекращая движения, после освящения мы с Ярославом отправились к 4-му классу на урок основ религий, чтобы рассказать детям о Христе, но не просто рассказать, а еще и показать фильм из цикла «Вера святых».

После просмотра я рассказал, что означает каждое слово в фразе «Господь Иисус Христос Сын Божий». Для наглядности ниже записал «учительница Наталья Владимировна» и объяснил, где имя, где «род деятельности» в первом случае. Желающим раздал иконки с изображением Нерукотворного образа и 90-м псалмом на обороте. Рассказал, как и о чем нужно молиться.

После обеда нас ожидали в начальной школе, чтобы освятить здание и побеседовать с детьми. Начальная школа занимает всего один этаж, то есть в 6 раз меньше, чем площадь школы и интерната, поэтому я справился без отца Иоанна. Окропили всех детей и учителей, спортзал, преподнесли в дар школьной библиотеке православные газеты и журналы.

На молебен для беременных после третьего освящения у меня уже не было сил, и его пошел совершать отец Иоанн. А я через час отправился в ДК проводить спевку, если можно так сказать, потому что преподаватель вокала ноты и с листа могла читать, а я ей объяснял схему всенощного бдения. Завтра будем разбирать Литургию[42].

После спевки у нас была вторая огласительная беседа цикла, на этот раз о Боге. Что меня удивляет, так это присутствие на беседах крещеных детей[3]. У одного класса не было учителя, и дети сами пришли на беседу. Сегодня не было возможности использовать проектор, поэтому пришлось тесно разместиться вокруг ноутбука.

На вечернюю молитву пришли трое взрослых. Одна женщина просила освятить завтра детский садик, так что работы еще много.

День детей

Да, конечно, сегодня не первое и тем более не июня, но сегодняшний день был ознаменован особым вниманием с нашей стороны к подрастающему поколению. Сегодня мы провели урок в 4 «Б» классе о Христе, освятили новый детский сад и побеседовали с детками, провели третью огласительную беседу (на них приходят в основном дети), помолились в храме с 5 классом и делали другие добрые дела во славу Божию.

В 10:15 я встретился с Ириной Александровной в ДК. Мы разобрали порядок

[42] Православное богослужение на клиросе требует знаний о том, что, как и в какой момент нужно спеть. Для Ирины Александровны тяжелее всего было одновременно следить за нотами и текстом под нотным станом. На каждую ноту, как правило, приходится один слог. Распеть нужным мотивом текст для человека, который его никогда не слышал, – очень тяжело. Помимо этого, я должен был рассказать Ирине Александровне, в какой момент я буду говорить, а в какой она должна будет петь в ответ. В Центральной России, как правило, на приходе есть бабушки, которые знают, как совершается богослужение, и могут подсказать, что и как нужно читать. Здесь же, кроме нас с о. Иоанном и Ярославом, никто из прихожан богослужение не знал. Мне нужно было дать Ирине Алексендровне как можно больше самостоятельности, чтобы она могла петь на службах без помощи Ярослава, когда мы уедем. На перспективу ей нужно было либо заучивать слова, чтобы следить за нотами, либо заучивать мелодию.

[43] В Центральной России дети растут среди православной культуры, поэтому складывается некоторое общее впечатление, что они все знают. Если ребенок сходил несколько раз освятить куличи на Пасху или воду на Крещение, то что еще священник может рассказать? Здесь же крещеные дети понимали уязвимость своего положения: они вроде бы крещены, но знают о вере не больше своих некрещеных одноклассников, поэтому с удовольствием приходили послушать даже те, для кого беседы не были условным допуском к крещению.

совершения Божественной Литургии. Как раз успели за час. На следующий раз будем проводить полноценные спевки. Разучим ектении и антифоны. В 11:50 я помогал Наталье Валерьевне провести урок о Христе и православной молитве.

На этот раз проектор в классе работал, а плеер видео не воспроизводил, но мы обошлись. Я раздал иконки Спасителя и рассказал о Туринской плащанице. Детки честно говорят, нужны им иконки или нет.

По просьбе заместителя заведующей детского сада в 16:00 мы отправились освятить садик. По ошибке нас привезли не в новый, строящийся садик, а в старый, где нас никто пока не ждал. В срочном порядке для нас собрали деток, и мы немного поговорили о Боге и молитве.

Потом нас отвезли в новый детский сад, где мы совершили чин освящения. Закончили мы все в 17:20, как раз хватило времени, чтобы приехать к началу беседы в актовом зале. Сегодня была третья огласительная беседа цикла, на этот раз мы говорили о Христе, Его Жертве и Воскресении.

Дети ходят одни и те же, правда, запоминают все очень трудно, каждый раз с трудом вспоминаем, что было на прошлой встрече. Никак не приучу приносить с собой ручки и тетрадки. Еще есть проблема с тем, что в течение беседы постоянно дети дергают дверь и ходят туда-сюда. Я решил проблему просто: запер дверь на ключ. Беготня прекратилась.

Вечером на молитву пришли учащиеся 5-го класса с учительницей. После молитвы мы с отцом Иоанном освятили два дома. Основная беда – наличие в домах оберегов и талисманов. Отец Иоанн нещаден к идолам: просит хозяев немедленно это из дома убрать. Люди делают, как говорит батюшка.

Еще один рабочий день

Сегодняшний день завершает цикл «великих» освящений. То есть за прошедшую неделю в пос. Сеяха мы освятили наиболее значимые объекты: администрацию, школу, интернат, садик, гостиницу, а теперь еще и клуб. К тому же нельзя забывать о служении Литургии. Воистину Господь посетил это место.

Кроме освящения, мы занимаемся еще и просвещением, что никак не возможно без книг. Мы передали в дар библиотеке ДК Евангелия (полное на русском языке издания Сибирской благозвонницы, на ненецком только от Марка и от Луки), детскую Библию на ненецком, детский молитвослов и периодику. Библиотекарь дома культуры Лариса сразу же оформила православный уголок (рис. 18).

На спевке сегодня присутствовали новые люди: библиотекарь Лариса и учитель рукоделия Ольга Сергеевна. Лариса еще будет учиться читать часы перед Литургией.

После спевки весь коллектив Сеяхинского ДК присутствовал на чине освящения дома. Просили окропить все кладовочки и уголки.

Некоторых пришлось осведомить, что в освященном месте нельзя курить, поэтому местную коморку для курения придется переоборудовать, а курить только на улице или вообще не курить.

Вечером была предпоследняя четвертая огласительная беседа цикла: о Святом Духе. Завтра после беседы будет собеседование с желающими креститься.

На вечерней молитве присутствовало три человека. Люди приходят, это радует. Может, и по воскресеньям без священника собираться начнут.

Окончание в следующем номере

Рис. 18. 26 ноября 2015 г.; с. Сеяха, п-ов Ямал. Православный уголок в библиотеке Сеяхинского дома культуры
Fig. 18. 26 November 2015. Seyakha village, Yamal Peninsula. Orthodox corner in the library of Seyakha culture centre

Литература

Агафангел (Белых), игум. Методические указания для сотрудников миссионерского стана «Спасский» по проведению огласительных бесед в наслегах Булунского улуса Республика Саха (Якутия) // Миссионерское обозрение. 2011. № 2. С. 26-33.

Александрова, Е.А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 10-22.

Амоголонова, Д.Д. Банальная религиозность и религиозная вера в этнонациональной идентичности современных бурят // Studia Culturae. 2013. № 18. С. 147-160.

Ахметшина, Р.Ш. Мифологический невроз как основа формирования и сохранения нетрадиционной религиозности в эпоху глобализации // Религии в XXI веке: архаика и современность. М.: Калиграф, 2012. С. 301-323.

Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 324 с.

Белова, Т.П. Ценностные и социальные основания приходской жизни в малом городе // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 10: Сб. ст. и тез. по мат-лам X Междунар. науч. конф. «Социология религии в обществе позднего модерна: религия и ценности», Белгород, 15-17 апреля 2021 г. Белгород, 2021. С. 210-218.

Белякова, Н., Микешин, И. Гендерные стратегии и дисциплинарные практики в религиозных сообществах. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 2. С. 7-16. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-7-16.

Бён-Чхоль Хан. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ, 2023. 160 с.

Вера святых: 33-серийный документальный фильм об основах вероучения Православной церкви, 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rHI8y3EQi-o (дата обращения: 16.08.2023).

Ворохобов, А.В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2020. Вып. 18. С. 349-359.

Гирц, К. Интерпретация культур / пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова, Г.М. Дашевского, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

Громов, Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 119 с.

Евдокимов, И.В. Антропология христиан и мусульман в контексте современной русской цивилизации // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2022. Вып. 20. С. 357-368.

Евдокимов, И.В. Кораническая антропология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74): В 3-х ч. Ч. 3. С. 66-69.

Жукова, Л.Г. «Любимцы Бога»: к вопросу о самоидентификации русских иудействующих (субботников) // Вестник РГГУ. Серия: «Культурология, искусствоведение, музеология». 2009. № 15. С. 160-170.

Забаев, И.В., Пруцкова, Е.В. Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. № 41 (3). С. 57-67.

Забаев, И.В., Пруцкова, Е.В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2013. № 48 (4). С. 120-136.

Зенько, Ю.М. Современная христианская психология и антропология в России // Консультативная психология и психотерапия. 2008. Т. 16. № 3. С. 145-188.

Зеньковский, В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 220 с.

Иоаннуарий (Ивлиев), архим. Евангелие от Луки. Богословско-экзегетический комментарий. М.: Изд-во ББИ, 2019. 568 с.

Иоанн (Зизиулас), митр. Евхаристия: некоторые библейские аспекты // Символ. 1990. № 24. С. 9-55.

Карташева, Н.В. Русское православное миссионерство как явление культуры: на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова). Автореф. дис. … канд. культуролог. наук. М., 2000. 24 с.

Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости / Т. Коэн, Е. Иванова, Н. Травкина, А. Чапаев, Серое Фиолетовое. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 380 с.

Коняева, И.М. Духовно-нравственное воспитание личности в философско-педагогических воззрениях православных ученых России // Национальные лики педагогических универсалий (проблемы теории и истории русской педагогики): Сб. науч. ст. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 142-148.

Копцева, Н.П., Резникова, К.В. Выбор методологических оснований для современных культурных исследований // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Т. 2. № 4. С. 491-506.

Корольков, А.А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 323 с.

Леви-Строс, К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / пер. с фр. Е. Чебучевой. М.: Текст, 2016. 157 с.

Липатова Людмила Федоровна // Литературная карта Ямала «Хорей» [Электронный ресурс]. URL: https://lit89.ru/persona/lipatova-lyudmila-fedorovna/ (дата обращения: 17.08.2023).

Липатова, Л.Ф. Дорогами кочевий: в 2 ч. Салехард: Крас. Север, 2005.

Липич, Т.И., Нифонтова, О.И. Понятие человекословия в русской антропологической традиции конца XVIII – первой половины XIX века (опыт архимандрита Евтихиана (Лестева) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2019. № 44 (4). С. 601-610.

Магомедова, М.З. Религиозность на Северном Кавказе // Исламоведение. 2010. № 3. С. 133-143.

Микешин, И.М. «Возлюбите чистое словесное молоко...»: библейский литерализм в баптистском реабилитационном служении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 3. С. 55-64.

Налётова, Н.Ю. Христианская антропология в педагогической науке // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 20-25.

Нифонтова, О.И. Проблема греха в антропологической рукописи архимандрита Евтихиана (Лестева) «Богословское человекословие» // Теология: история, проблемы, перспективы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, г. Липецк – г. Задонск, 13-14 декабря 2019 г. Липецк: 2020. С. 20-24.

Нифонтова, О.И. Учение о предопределении человека в рукописи 121 трилогии «Богословское человекословие» архимандрита Евти-

хиана (Лестева) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. № 47 (1). С. 142-149.

Ольхов, П.А., Гончаренко, И.В. Концептуализация человека целостного в христианской философии (к размышлениям епископа Феофана (Говорова)) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. № 45 (1). С. 172-182.

Плеханов, Е.А. Философско-педагогическая антропология «нового богословия». Владимир: ВГПУ, 2002. 252 с.

Поспелов, Е.М. Географические названия России. Топонимический словарь. М.: Астрель; АСТ, 2008. 523 с.

Савчук, В.В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 177 с.

Серапион (Митько), игум. Православная миссиология в системе теологического знания. М.: Юнити-Дана, 2021. 335 с.

Стамулис, И. Православное богословие миссии сегодня. М.: ПСТБИ, 2003. 448 с.

Творогова, С.В. Люди. Забота. Церковь. Кто кому помогает и что из этого получается: социальная работа в православных приходах России // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17 (3). С. 473-477.

Тихомиров, Д.А. Молодые православные верующие столичного мегаполиса: религиозное сознание и практики // Социология религии в обществе позднего модерна: православный акцент: Сб. ст. по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», Белгород, 4-5 октября 2018 г. Белгород: ИД «Белгород», 2019. С. 47-152.

Хейзинга, Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.

Цуй Цзявэнь. Роль православия в формировании русской культурно-цивилизационной идентичности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5 (85). С. 151-156.

Шемановский, И.С. История Обдорской духовной миссии, 1854–1904 гг. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. 188 с.

Яковов, Д.В. Записки миссионера миссионерского стана «Спасский» // Миссионерское обозрение. 2011. № 2. С. 34-50.

Яковов, Д.В., иерей. Христианство и национальная идентичность ненцев // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 2. С. 299-308.

Яковов, Д.В., свящ. 21.01.2011 – 14.02.2011. Миссионерская поездка в село Намы // LIVEJOURNAL: блог «Летопись священнослужения» [Электронный ресурс]. URL: https://dan-prophet.livejournal.com/1648.html (дата обращения: 15.08.2023).

Яковов, Д.В., свящ. Привет из Лабытнангов! // LIVEJOURNAL: блог «Летопись священнослужения» [Электронный ресурс]. URL: https://dan-prophet.livejournal.com/43331.html (дата обращения: 15.08.2023).

Янарас, Х. Вера Церкви. М.: Центр по изучению религий, 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/an/aras_04.htm (дата обращения: 10.08.2023).

Marranci, G. The anthropology of Islam. Oxford ; New York : Berg: Biddles Ltd., King’s Lynn, 2008. 224 p.

Mikeshin, I. Notes and Reviews: Believing, Belonging, and Durkheiming: A Report on the 16th Annual EASR Conference // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. T. 12. No. 2. Pp. 139-141. DOI: https://doi.org/10.2478/jef-2018-0015.

References

Agafangel (Belyh), hegumen. (2011), “Methodical instructions for the staff of the missionary camp ‘Spassky’ on conducting public conversations in the villages of the Bulunsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia)”, *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review], 2, 26-33 (in Russ.).

Akhmetshina, R. Sh. (2012), “Mythological neurosis as the basis for the formation and preservation of non-traditional religiosity in the era of globalization”, *Religii v XXI veke: arkhaika i sovremennost'* [Religions in the XXI century: archaic and modernity], Moscow, Russia, 301-323 (in Russ.).

Aleksandrova, E. A. (2015), “Religious identity in Russian cultural and anthropological studies”, *Culture and Civilization*, 6, 10-22 (in Russ.).

Amogolonova, D. D. (2013), “Banal religiosity and religious faith in the ethno-national identity of modern Buryats”, *Studia Culturae*, 18, 147-160 (in Russ.).

Bauman, Z. (2002), *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Transl. by Inozemtsev, V. L. (ed.), Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Belova, T. P. (2021), “Value and social foundations of parish life in a small town”, *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego*

moderna. Vol. 10: Sbornik statey i tezisov po materialam X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna: religiya i tsennosti", Belgorod, 15-17 aprelya 2021 g. [Sociology of Religion in Late Modern Society. Vol. 10: Collection of articles and theses based on the materials of the X International Scientific Conference "Sociology of Religion in Late Modern Society: Religion and Values", Belgorod, April 15-17, 2021], Belgorod, Russia, 210-218 (in Russ.).

Belyakova, N. and Mikeshin, I. (2018), "Gender strategies and disciplinary practices in religious communities. Introduction", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 36 (2), 7-16, DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-7-16 (in Russ.).

Byong-Chul Han (2023), *Obshchestvo ustalosti. Negativny opyt v epokhu chrezmernogo pozitiva* [The Fatigue society. Negative experience in the era of excessive positivity], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Cuy Czyaven (2021), "The role of Orthodoxy in the formation of Russian cultural and civilizational identity", *Society: Philosophy, History, Culture*, 5 (85), 151-156 (in Russ.).

Evdokimov, I. V. (2016), "Koranic anthropology", *Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus region. Social Sciences*, 12 (74), 66-69 (in Russ.).

Evdokimov, I. V. (2022), "Anthropology of Christians and Muslims in the context of modern Russian civilization", *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 20, 357-368 (in Russ.).

Girts, K. (2004), *Interpretatsiya kultur* [Interpretation of cultures], Transl. by Barsukova, O. V., Borzunov, A. A., Dashevskiy, G. M., Lazareva, E. M. and Nikolaev, V. G, ROSSPEN, Moscow, Russia (Russ.).

Gromov, G. G. (1966), *Metodika etnograficheskikh ekspeditsiy* [Methods of ethnographic expeditions], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Huizinga, J. (2010), *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kultura. Zatemnenny mir* [Shadows of tomorrow. Man and culture. The Darkened World], Ivan Limbakh Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Iannuariy (Ivliev), Archimandrite. (2019), *Evangelie ot Luki. Bogoslovsko-ekzegeticheskiy kommentariy* [The Gospel of Luke. Theological and exegetical commentary], Publishing House of the Biblical and Theological Institute, Moscow, Russia (in Russ.).

Ioann (Ziziulas), Metropolitan. (1990), "The Eucharist: Some Biblical aspects", *Simvol* [Symbol], 24, 9-55 (in Russ.).

Kartasheva, N. V. (2000), "Russian Orthodox missionary work as a cultural phenomenon: on the example of the activity of St. Innokenty (Veniaminova)", Abstract of Ph.D. diss., Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Koen, T., Ivanova, E., Travkina, N., Chapaev, A. and al. (2021), *Konets privychnogo mira. Putevoditel zhurnala "Nozh" po novoy etike, novym otnosheniyam i novoy spravedlivosti* [The end of the familiar world. The Knife magazine's guide to new ethics, new relationships, and new justice], Alpina non-fikshn, Moscow, Russia (in Russ.).

Konyaeva, I. M. (2005), "Spiritual and moral education of personality in the philosophical and pedagogical views of Orthodox scientists of Russia", *Natsionalnye liki pedagogicheskikh universaliy (problemy teorii i istorii russkoy pedagogiki)* [National faces of pedagogical universals (problems of theory and history of Russian pedagogy): Collection of scientific articles.], Publishing House of Vladimir State Pedagogical University, Vladimir, Russia, 142-148 (in Russ.).

Koptseva, N. P. and Reznikova, K. V. (2009), "Choice of methodological foundations for modern cultural research", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2 (4), 491-506 (in Russ.).

Korolkov, A. A. (2005), *Dukhovnaya antropologiya* [Spiritual anthropology], St. Petersburg State University Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Lévi-Strauss, C. (2016), *Uznavat drugikh. Antropologiya i problemy sovremennosti* [Get to know others. Anthropology and problems of modernity], Transl. by Chebucheva E., Tekst, Moscow, Russia (in Russ.).

"Lipatova Ludmila Fedorovna", *Literaturnaya karta Yamala "Horey"* [Literary map of Yamal "Horey"] [Online], available at: https://lit89.ru/persona/lipatova-lyudmila-fedorovna/ (Accessed 17 August 2023) (in Russ.).

Lipatova, L. F. (2005), *Dorogami kocheviy: V 2 Ch.* [Roads of nomads: In 2 parts], Kras. Sever, Salekhard, Russia (in Russ.).

Lipich, T. I. and Nifontova, O. I. (2019), "Recognition of Christianity in the Russian anthropological tradition of the late XVIII – first half of the XIX century (the experience of Archimandrite Evtichian (Lestev)", *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 44 (4), 601-610 (in Russ.).

Magomedova, M. Z. (2010), "Religiosity in the North Caucasus", *Islamic Studies*, 3, 133-143 (in Russ.).

Marranci, G. (2008), *The anthropology of Islam*, Biddles Ltd., King's Lynn, Oxford ; New York : Berg.

Mikeshin, I. (2018), "Notes and Reviews: Believing, Belonging, and Durkheiming: A Report on the 16th Annual EASR Conference", *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 12 (2), 139-141.

Mikeshin, I. M. (2015), "'Love pure verbal milk...': Biblical Literalism in Baptist Rehabilitation Ministry", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3, 55-64, DOI: https://doi.org/10.2478/jef-2018-0015 (in Russ.).

Nalyotova, N. Ju. (2010), "Christian anthropology in pedagogical science", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3, 20-25 (in Russ.).

Nifontova, O. I. (2020), "The problem of sin in the anthropological manuscript of Archimandrite Evtichian (Lestev) 'Theological anthropology'", *Teologiya: istoriya, problemy, perspektivy: materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, g. Lipetsk – g. Zadonsk, 13-14 dekabrya 2019 g.* [Theology: history, problems, prospects: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International participation, Lipetsk – Zadonsk, December 13-14, 2019], 8, 20-24 (in Russ.).

Nifontova, O. I. (2022), "The Doctrine of human predestination in manuscript 121 of the trilogy 'Theological Anthropology' by Archimandrite Evtichian (Lestev)", *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 47 (1), 142-149 (in Russ.).

Olkhov, P. A. and Goncharenko, I. V. (2020), "Conceptualization of a holistic person in Christian philosophy (to the reflections of Bishop Feofan (Govorov))", *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45 (1), 172-182 (in Russ.).

Plekhanov, E. A. (2002), *Filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya "novogo bogosloviya"* [Philosophical and pedagogical anthropology of the "new theology"], Publishing House of Vladimir State Pedagogical University, Vladimir, Russia (in Russ.).

Pospelov, E. M. (2008), *Geograficheskie nazvaniya Rossii. Toponimicheskiy slovar* [Geographical names of Russia. Toponymic dictionary], Astrel', AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Savchuk, V. V. (1995), *Krov i kultura* [Blood and culture St. Petersburg State University Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Serapion (Mitko), hegumen. (2021), *Pravoslavnaya missiologiya v sisteme teologicheskogo znaniya* [Orthodox Missiology in the system of theological knowledge], Yuniti-Dana, Moscow, Russia (in Russ.).

Shemanovskiy, I. S. (1906), *Istoriya Obdorskoy dukhovnoy missii 1854-1904 gg.* [The history of the Obdorskaya ecclesiastical mission, 1854-1904], Printing house of Snegireva, Moscow, Russia (in Russ.).

Stamulis, I. (2003), *Pravoslavnoe bogoslovie missii segodnya* [Orthodox theology of the mission today], Publishing House of the St. Tikhvin Theological Institute, Moscow, Russia (in Russ.).

Tikhomirov, D. A. (2019), "Young Orthodox believers of the metropolitan metropolis: religious consciousness and practices", *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna: pravoslavny aktsent: Sbornik statey po materialam VII Mezhdunar. nauchnoy konferentsii NIU «BelGU», Belgorod, 4-5 oktyabrja 2018 g.*, [Sociology of Religion in Late Modern Society: Orthodox Accent: A collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference. NRU "BelSU", Belgorod, October 4-5, 2018], Belgorod, 147-152 (in Russ.).

Tvorogova, S. V. (2019), "People. Care. Church. Who helps whom and what comes out of it: social work in Orthodox parishes of Russia", *The Journal of Social Policy Studies*, 17 (3), 473-477 (in Russ.).

Vera svyatykh: 33-seriyny documentalny film ob osnovakh veroucheniya Pravoslavnoy tserkvi (2019) [The faith of the Saints. 33 serial documentaries about the fundamentals of the Orthodox Church's doctrine] [Online], available at: https://www.youtube.com/watch?v=rHI8y3EQi-o (Accessed 16 August 2023).

Vorokhobov, A. V. (2020), "Personality from the point of view of personalistic actualism", *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 18, 349-359 (in Russ.).

Yakovov, D. V. (2011), “Notes of a missionary of the missionary camp 'Spassky’”, *Missionerskoe obozrenie* [Missionary Review], 2, 34-50 (in Russ.).

Yakovov, D. V., priest (2022), “Christianity and the national identity of the Nenets”, *Issues of Theology*, 4 (2), 299-308 (in Russ.).

Yakovov, D. V., priest (2011), “21.01.2011 – 14.02.2011 missionary trip to Nami village”, *LIVEJOURNAL: blog “Letopis svyashchennosluzheniya”* [LIVEJOURNAL: blog “Chronicle of the clergy”] [Online], available at: https://dan-prophet.livejournal.com/1648.htm (Accessed 15 August 2023) (in Russ.).

Yakovov, D. V., priest (2015), “Greetings from Labytnangs!” *LIVEJOURNAL: blog “Letopis svyashchennosluzheniya”* [LIVEJOURNAL: blog “Chronicle of the clergy”] [Online], available at: https://dan-prophet.livejournal.com/43331.html (Accessed 15 August 2023) (in Russ.).

Yanaras, H. (1992), *Vera Tserkvi* [The Faith of the Church] [Online], available at: http://krotov.info/libr_min/28_ya/an/aras_04.htm (Accessed 10 August 2023) (in Russ.).

Zabaev, I. V. and Prutskova, E. V. (2012), “The community of the Orthodox church: spatial localization and factors of formation (on the example of Moscow)”, *St. Tikhon’s University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 41 (3), 57-67 (in Russ.).

Zabaev, I. V. and Prutskova, E. V. (2013), “The social network of the Orthodox parish community: the possibilities of applying the analysis of social networks in the sociology of religion”, *St. Tikhon’s University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 48 (4), 120-136 (in Russ.).

Zenko, Yu. M. (2008), “Modern Christian psychology and anthropology in Russia”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 16 (3), 145-188 (in Russ.).

Zenkovskiy, V. V. (1991), *Istoriya russkoy filosofii. T. 1. Ch. 1* [History of Russian philosophy. Vol. 1. P. 1], EGO, Leningrad, USSR (in Russ.).

Zhukova, L. G. (2009), “‘God's Favorites’: on the question of self-identification of Russian Judaizers (subbotniks)”, *RGGU Bulletin. Series: Cultural Studies. Art Studies. Museology*, 15, 160-170 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Яковов Даниил Валентинович, иерей, магистр богословия, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью), Белгородский пр., д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *daniilyakovov@ya.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Daniil V. Iakovov, Priest, Master of Theology, Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation), 75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russia; Assistance Lecturer of the Department of Philosophy and Theology; Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *daniilyakovov@ya.ru*

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 025.5+004.738.52 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-12**

Агафонов И. С.[1], Нагибина Н. П.[2]

Эффективность библиографического информирования (гуманитарно-методологические аспекты)

[1] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*
[2] Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается необходимость трансформации традиционных функций, направлений и форм библиографических служб библиотек в соответствии с изменениями в информационных технологиях. Специалисты центральных региональных библиотек отмечают, что избирательное распространение информации (ИРИ) − востребованная форма библиографического информирования. Главными преимуществами ИРИ являются: осуществимость по любой теме; максимальная полнота, оперативность и регулярность доведения до пользователей библиографической информации; наличие постоянно действующей обратной связи с абонентами, которая позволяет оценить качество труда библиографа и эффективность библиографического информирования; способность обеспечить пользователей первичными документами или их копиями. Между тем в практике работы библиотек уделяется недостаточно внимания модернизации ИРИ, в частности, автоматизации поиска релевантной информации для абонентов этой системы. Рассмотренное в статье проблемное поле библиографических служб центральных региональных библиотек позволяет выявить основные задачи по развитию и модернизации ИРИ в этих библиотеках. Проанализированы возможности автоматизированного поиска в системе ИРИ в сравнении с ручным поиском. Обозначены проблемные точки, препятствующие автоматизации ИРИ в центральных региональных библиотеках, – это в первую очередь нехватка финансовых средств и кадрового потенциала. Сформулированы рекомендации по введению процедуры автоматизации системы ИРИ.

Ключевые слова: избирательное распространение информации; поиск информации; библиографическое информирование; автоматизированный поиск информации; парсинг; автоматизация библиотек

Для цитирования: Агафонов И. С., Нагибина Н. П. Эффективность библиографического информирования (гуманитарно-методологические аспекты) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 165-174. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-12

I. S. Agafonov[1],
N. P. Nagibina[2]

Effectiveness of bibliographic information (humanitarian and methodological aspects)

[1] Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation;
ilya.agafonov.2016@inbox.ru
[2] Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation;
nadya12354@yandex.ru

Abstract. The article discusses the need to transform the traditional functions, directions and forms of bibliographic services of libraries in accordance with changes in information technology. Specialists of central regional libraries note that selective dissemination of information (SDI) is a popular form of bibliographic information. The main advantages of selective dissemination of information are: feasibility on any topic; maximum completeness, efficiency and regularity of bringing bibliographic information to users; availability of constant feedback from subscribers, which allows you to evaluate the quality of the bibliographer's work and the effectiveness of bibliographic information; the ability to provide users with primary documents or copies thereof. Meanwhile, in the practice of libraries, insufficient attention is paid to the modernization of the SDI, in particular, the automation of the search for relevant information for subscribers of this system. The problem field of bibliographic services of central regional libraries considered by the author of the article allows to identify the main tasks for the development and modernization of SDI in these libraries. The possibilities of automated search in the SDI system in comparison with manual search are analyzed. The problem points hindering the automation of SDI in central regional libraries are identified – first of all, there is a lack of financial resources and human resources. Recommendations on the introduction of the SDI system automation procedure are given.

Keywords: selective dissemination of information; information retrieval; bibliographic information; automated information retrieval; parsing; library automation

For citation: Agafonov I. S., Nagibina N. P. (2023), "Effectiveness of bibliographic information (humanitarian and methodological aspects)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 165-174, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-12

Проблемы организации и функционирования библиографических служб в библиотеках Российской Федерации всегда вызывали интерес у библиотечных специалистов и библиографоведов. Теоретические и практические аспекты работы библиографических служб исследуют современные российские библиотековеды О.Л. Лаврик (Лаврик, 2008) и И.Г. Юдина (Лаврик, Юдина, 2010). Вопросы развития библиографического поиска, его автоматизации и рационализации отражены в публикациях В.М. Московкина (Московкин, Моисеева, 2015; Московкин, Пересыпкин, 2015). В своих статьях они рассматривают необходимость трансформации традиционных функций, направлений и форм библиографических служб библиотек в соответствии с изменениями в информационных технологиях. Организация библиографических структурных подразделений зависит от объема фонда, состава пользователей библиотеки, уровня внедрения передовых информационных технологий в различные процессы библиотечно-информационного обслуживания, штатного состава сотрудников и уровня их профессиональной подготовки. Учитывать перечисленные характеристики

особенно важно при оценке функционирования библиографических служб в центральных библиотеках регионов (ЦБР) РФ.

С внедрением информационных технологий в процесс избирательного распространения информации (ИРИ) парадоксальным образом возросли как вероятность нахождения релевантной для пользователя информации, так и отсутствие возможности для её нахождения. Исследователи систем ИРИ определили две основные проблемы в работе библиографических служб ЦБР:

- противоречие между долговременно действующими информационными запросами пользователей и способностью библиографа к моментальному их удовлетворению;

- противоречие между часто изменяющимися запросами пользователей и более стабильными, отстающими от них источниками поиска информации (Сутягина, 2022: 135).

Основные задачи по развитию и модернизации ИРИ в библиографических службах ЦБР сводятся к следующим:

- реализация принципа «виртуальный пользователь должен быть обслужен не хуже пользователя реального и наоборот»;

- персонификация в предоставлении информационных продуктов и услуг;

- предоставление библиотеками своим пользователям информационных ресурсов других организаций;

- проведение экспертизы и анализа информационных потоков (пользователям нужна высококвалифицированная помощь в поиске актуальной, достоверной и полной информации);

- освоение библиографами новых компетенций в связи с введением Профессионального стандарта «Специалист по библиотечно-информационной деятельности»[1];

- взаимодействие и объединение информационного потенциала библиотек по обслуживанию удаленных пользователей (Масловская, 2023: 55).

Система ИРИ, по мнению отечественных ученых, является действенным способом преодоления информационных барьеров между массивами документов и потребителями информации. Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов теории и практики функционирования системы ИРИ содержится в публикациях сотрудников Библиотеки по естественным наукам РАН А.А. Ивановского (Ивановский, 2020), Е.С. Чорбы (Чорба, 2018). Помимо отечественных библиотековедов, в последние годы активно исследованием системы ИРИ занимаются библиотечные специалисты Республики Беларусь Р.Б. Григянец (Григянец, 2017), О.А. Майсенович (Майсенович, Гоманова, 2014), Е.В. Степанцева, Н.Г. Шабалина (Григянец, Степанцева, Шабалина, 2020). Они освещают проблематику автоматизации избирательного информирования в Национальной академии наук и Республиканской научно-технической библиотеке Республики Беларусь. Эти авторы справедливо утверждают, что основным преимуществом онлайн-сервиса ИРИ является экономия временного ресурса пользователя при навигации в информационном пространстве (Комаров, 2019: 668). Практический опыт, представленный в публикациях библиотечных специалистов ЦБР РФ по направлению ИРИ, свидетельствует о том, что этот процесс сводится к предоставлению пользователям полных библиографических описаний и/или полнотекстовых электронных версий статей по указанным пользователем в анкете тематическим рубрикам или по списку журналов (Чорба, 2018).

Актуальная проблема автоматизации системы ИРИ, обсуждаемая в профессиональной печати, рассматривается и на заседаниях тематических секций Международного библиографического конгресса. Автоматизация системы ИРИ в ЦБР становится возможной только при выполнении следующих условий:

[1] Профессиональный стандарт «Специалист по библиотечно-информационной деятельности» [Электронный ресурс] URL: https://rgub.ru/files/prof-standart_project-970-2.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

- наличие в библиотеке текущей версии автоматизированной библиотечно-информационной системы, снабженной дополнительными инструментами и сервисами, предназначенными для создания и ведения библиографического информирования;

- активное пополнение фонда научными и научно-популярными отраслевыми периодическими и непериодическими изданиями;

- неограниченный доступ к полнотекстовым электронным ресурсам отраслевых баз данных и электронных библиотечных систем (Сутягина, 2022: 139).

Выполнение этих условий часто невозможно по объективным причинам:

- отсутствие финансовых средств у учредителей библиотек на дополнительное комплектование (анализ тематико-типологических планов комплектования и состава отраслевого фонда некоторых ЦБР показывает небольшое количество поступлений периодических изданий);

- отсутствие достаточного количества специалистов с профильным библиотечным образованием для обслуживания абонентов системы ИРИ. Поиск информации, которая соответствовала профилю научных исследований абонента ИРИ, требует узкоспециализированных знаний в области библиотечно-информационной деятельности (анализ документов различного уровня сложности, поиск по традиционным и электронным источникам информации) (Голева, 2022: 157).

По-прежнему актуален выбор технологии поиска информации в системе ИРИ. С развитие IT-технологий появилась возможность автоматизации любых информационных процессов. Скорость поиска и предоставления доступа к релевантной для пользователя системы ИРИ информации непосредственно влияет на эффективность работы библиографической службы и на имидж библиотеки в целом. Автоматизацию системы ИРИ в библиотеках можно рассматривать с позиции парсинга (англ. parsing) – автоматизированного сбора и систематизации информации из открытых источников с помощью программного обеспечения (Литвинов, Нагибина, 2022: 179).

Рассмотрим основные преимущества автоматического сбора данных, или веб-скрейпинга, по сравнению с ручным.

Таблица

Преимущества и недостатки ручного и автоматизированного поиска информации

Table

Advantages and disadvantages of manual and automated information retrieval

Параметры сравнения / Parameters for comparison	**Ручной поиск / Manual search**	**Автоматизированный поиск / Automated search**
Временные затраты	+	+
Постоянные расходы	Заработная плата	Вычислительные мощности для запуска ПО АБИС
Переменные расходы	Отсутствуют	Заработная плата программисту для поддержки ПО АБИС

Из таблицы видно, что ручной способ поиска требует больших временных и финансовых затрат. Автоматизированный поиск характеризуется высокой скоростью, оперативностью выполнения процессов и отсутствием постоянных затрат. Необходимо специализированное программное обеспечение для функционирования автоматизированного поиска информации и затраты на его поддержку посредством оплаты работы программиста. Это означает, что в нынешних условиях, когда наблюдается быстрый рост количества сайтов, порталов и других информационных ресурсов в Интернете, оплата труда программиста становится дороже, чем оплата высококвалифицированного библиографа (Меньшиков, 2022). Для федеральных и научных библиотек, таких как РГБ, РНБ, ГПНТБ СО РАН, обслуживающих большое

количество ученых, важна скорость предоставления данных пользователям. Необходимые технические и финансовые ресурсы у таких библиотек имеются. В связи с этим автоматизированный парсинг данных в крупных федеральных библиотеках предпочтительнее ручного подхода к поиску в ЦБР.

Автоматизированные библиотечные информационные системы (АБИС), которые используют в своей деятельности библиотеки, чаще всего имеют разрозненный характер функционирования, что создает значительные технологические несоответствия в работы программы и ее пользователя. Назовем основные причины, из-за которых созданная информационно-поисковая система библиотеки не является стандартизированной:

- нехватка финансовых средств для функционирования АБИС;

- низкая заинтересованность руководителей библиотеки;

- многолетняя неплановая автоматизация библиотечно-информационных процессов.

С помощью средств автоматизации системы ИРИ решается важная проблема – формирование «информационного портрета» запроса. Сложности автоматизации этого технологического процесса заключаются в необходимости качественной аналитико-синтетической переработки документов в электронных каталогах и отраслевых базах данных, по которым ведется поиск:

- точность присвоения индексов различных классификационных систем (УДК, ББК, ГРНТИ и др.);

- правильное определение ключевых слов;

- соответствующее правилам составление аннотации или реферата (Сутягина, 2022: 140).

Необходимо отметить, что автоматизация процессов библиографического поиска средствами математического анализа и обработки данных искусственным интеллектом происходит на фоне запаздывания лингвистической составляющей алгоритмов, что не позволяет добиться высокого качества поиска актуальной для абонентов ИРИ информации.

Ручной поиск имеет значительные преимущества перед автоматизированным, поскольку по объективным причинам он позволяет библиографу извлекать информацию из источника с большей степенью релевантности. Для этого:

- проводятся первичные и дополнительные индивидуальные консультации/беседы с абонентами с целью формирования точных поисковых образов запросов;

- обеспечивается обратная связь с абонентами, положительно влияющая на качество предоставляемой библиографической/полнотекстовой информации и на дальнейшую корректировку поиска.

Обращаясь к практическому опыту ИРИ в центральных региональных библиотеках РФ, возьмем для примера Национальную библиотеку Удмуртской Республики (далее – НБ УР). В НБ УР система ИРИ осуществляется в ручном режиме. Для работы библиографы ведут картотеки: абонентов, тем, источников. Они позволяют видеть количественные и качественные характеристик информационной работы библиографа. В данный момент эта система обслуживает восемь абонентов по 14 темам. Они разнообразны, например, «Биографии и деятельность представителей купеческих династий города Сарапула (первоисточники и их переработки), «Участие военных Удмуртии в Великой Отечественной войне», «Круг чтения современных писателей Удмуртии», «Детская краеведческая книга Удмуртии (деятельность издательств)» и др.

Как показывает практика НБ УР, некоторые абоненты системы ИРИ отказываются от обратной связи, мотивируя это разными причинами, а библиографы могут судить о полезности информации только при личном контакте, при непосредственной беседе с преподавателями и научными сотрудниками. Например, с 2001 г. абонентом системы ИРИ в НБ УР является доктор сельскохозяйственных наук Л.М. Колбина

с постоянно действующим запросом «История пчеловодства в Удмуртии». В круге источников для выявления материалов по данному запросу особое место занимают районные газеты, публикующие статьи о деятельности местных пчеловодов. Предполагаемым результатом научно-исследовательской деятельности Л.М. Колбиной должно стать издание отраслевой энциклопедии «Удмуртская Республика: Пчеловодство».

Вместе с тем в НБ УР для обслуживания научных сотрудников используется и групповое библиографическое информирование. В библиотеке ведется ежемесячная библиографическая рассылка «Удмуртия: общество, история, культура». Пользователи этой рассылки оперативно и регулярно получают библиографические сведения о новой краеведческой литературе в фонде НБ УР. Библиографические списки, соответствующие краеведческому рубрикатору, отправляют по электронным адресам подписчиков. У данной рассылки 100 абонентов.

Кроме того, ежемесячно составляется список новых публикаций по теме «Национальная библиотека Удмуртской Республики в печати». Он включает сведения из периодически и продолжающихся изданий. Эти списки используют в работе преподаватели Удмуртского государственного университета, читающие лекции по библиотечно-библиографическим дисциплинам.

С 1 марта 2023 года вступил в силу приказ Министерства труда и социально защиты № 527н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по библиотечно-информационной деятельности"». В пункте 3.5. Обобщенная трудовая функция «Библиографическая и информационно-аналитическая деятельность в библиотеке» профессионального стандарта сформулировано требование, предъявляемое к библиографам, осуществляющим разные виды библиографического информирования: использовать методики и информационно-поисковые системы дифференцированного справочно-библиографического обслуживания профессиональных сфер деятельности (https://rgub.ru/files/profstandart_project-970-2.pdf). Однако требования стандарта касательно необходимых знаний не включают весь комплекс специальных профессиональных умений, необходимых специалистам, осуществляющим информационный поиск в системе ИРИ. Теория и практика ИРИ в вузах культуры представлена в учебных дисциплинах «Библиографоведение», «Библиографическая деятельность библиотек», «Библиотечно-информационное обслуживание». При разработке учебно-методических материалов библиотечно-библиографических дисциплин преподаватели опираются на положения образовательных и профессиональных стандартов, которые определяют основные требования к библиографическим знаниям, умениям и навыкам будущих специалистов-библиографов (см.: (Дрешер, 2008)).

Необходимо учитывать, что обучение студентов–библиографов теоретическим положениям технологии обслуживания абонентов в системе ИРИ должно быть непосредственно связано с изучением частных аспектов и вопросов библиотечных IT-технологий, реализованных на базе соответствующего комплекса программ и продуктов. К сожалению, в современной научно-образовательной деятельности вузов культуры нашей страны наблюдается существенный разрыв между теоретической библиографической подготовкой и практическими трудовыми действиями, закрепленными в должностных инструкциях специалистов-библиографов. Это несовершенство и несогласованность библиотечного образования приводит к проблемам с трудоустройством молодых специалистов из-за отсутствия у них элементарных навыков поиска библиографической информации (Голева, 2022: 158).

В свете раскрытых проблемных точек, характерных для многих систем ИРИ, функционирующих в центральных библиотеках регионов России, становится возможным сформулировать рекомендации для

преодоления барьеров автоматизации индивидуального информирования (см. также: (Московкин, 2015)).

Первостепенная задача – достижение высокой степени информированности потенциальных абонентов системы ИРИ, которыми являются ведущие научные сотрудники и преподаватели вузов региона. Каждая из 21-ной республики, находящихся в составе РФ, имеет национальную библиотеку, которая выполняет различные функции, важнейшей из которых является сохранение книжного национального культурного наследия титульной нации (Агафонов, Чуприн, 2022: 107). В рамках мониторинга официальных сайтов национальных библиотек было выявлено, что ни одна из библиотек не указала в перечне предоставляемых пользователям библиотечно-информационных услуг дифференцированное библиографическое информирование. Проблема доступности достоверных научных данных остается острой для пользователей научных абонементов. Преподаватели вузов являются потенциальными индивидуальными потребителями библиографических и полнотекстовых данных различной направленности. Они сохраняют, восстанавливают, охраняют природные и историко-культурные памятники регионов, составляют исторические и этнографические описания населенных пунктов. В связи с этим специалистам библиографических служб рекомендуем дополнить информацию о данной услуге на официальном сайте для расширения круга пользователей из приоритетных для данной услуги категорий.

Методическим службам федеральных библиотек России, а также крупнейшим научным библиотечно-информационным центрам, на наш взгляд, стоит разработать и ввести в практику проведение курсов повышения квалификации, посвященных библиографическому информированию. Повышение квалификация специалистов-библиографов в данной сфере будет возможно реализовать на базе специализированных образовательных учреждений, осуществляющих повышение квалификации в области библиотечного дела, организованных в рамках федерального проекта «Творческие люди».

На организационно-правовом уровне важно решить вопрос о расширении функций библиографических служб по направлению библиографического информирования. Целесообразным будет выделение в самостоятельное направление процесса отраслевой росписи периодических изданий. В результате библиотечные специалисты смогут лучше ориентироваться в тематических областях ИРИ, в содержании библиографируемой литературы (Масловская, 2023: 69).

Обеспечение читателей информацией в режиме ИРИ можно признать перспективным направлением библиографического обслуживания. Следовательно, центральными региональным библиотекам РФ нужно разработать ИРИ-сервис на основе АБИС ИРБИС64.

Желательно дальнейшее осмысление теоретических, организационно-технологических и учебно-методических аспектов ИРИ сотрудниками, которые будут заниматься этим направлением. Исследование информационных потребностей пользователей, продвижение услуг по индивидуальному библиографическому информированию, а также автоматизация данного процесса должны стать первостепенными задачами библиотечного сообщества России.

Литература

Агафонов И.С., Чуприн, К.П. Национальная электронная библиотека Удмуртской Республики как ресурс сохранения и популяризации культурного наследия Удмуртии // Библиотеки в культурном пространстве региона: концентрация опыта и генерация идей. Сб. мат-лов науч.-практич. конф., посвященной 185-летию ПГКУБ им. А.М. Горького / С.В. Пигалева (науч. ред.), А.В. Костицина (ред.). Пермь, 2022. С. 106-110.

Голева, У.Г. Коучинг в библиотеке // Библиотечный фронтир: новые смыслы, вызовы, идеи и практики: мат-лы всерос. науч.-практич.

конференции / отв. ред. Е.Ю. Перова, Л.В. Гармаева. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры, 2022. С. 156-158.

Григянец, Р.Б. Автоматизация информационного обеспечения научных исследований и разработок // Наука и инновации. 2017. № 1 (167). С. 17-21.

Григянец, Р.Б., Степанцева, Е.В., Шабалина, Н.Г. Автоматизированная система избирательного распространения и электронной доставки научной информации в Национальной академии наук Беларуси // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема 2020 года – «Библиотека и наука: взаимодействие и перспективы развития»: докл. IV Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Белорус. с.-х. б-ки, Минск, 3–4 дек. 2020 г. / редкол.: Ю.О. Каракулько (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. дом «Ковчег», 2020. С. 211-218.

Дрешер, Ю.Н. Информационное обеспечение ученых и специалистов: уч.-методич. пособие. СПб.: Изд-во Профессия, 2008. 462 с.

Ивановский, А.А. О некоторых статистических показателях системы избирательного распространения информации в библиотеке по естественным наукам РАН // Культура: теория и практика. Электронный научный журнал. 2020. № 4 (37). С. 8.

Комаров, П.А. Проблемы и решения технологии системы избирательного распространения информации (ИРИ) из внешних баз данных // Московский Экономический Журнал. 2019. № 2. С. 664-672.

Лаврик, О.Л. ИРИ и ДОР: современное состояние и перспективы развития // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2008. № 2. С. 14-19.

Лаврик О.Л., Юдина, И.Г. Использование новейших технологий для реализации информационной функции библиотеки // Библиосфера. 2010. № 1. С. 35-41.

Литвинов, П.С., Нагибина. Н.П. Влияние менеджмента и экономики на социально-культурную сферу библиотеки // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Мат-лы VII Междунар. науч. конф., посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). Т. 10. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. С. 177-180.

Майсенович, О., Гоманова, Е. Сетевые электронные продукты научно-технической тематики // Науки и инновации. 2014. № 10 (147). С. 71-72.

Масловская, Н.С. Организация библиографических служб в национальных библиотеках республик Российской Федерации // Библиография и книговедение. 2023. № 1. С. 54-72. https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-1-54-72

Меньшиков, Я.С. Преимущества автоматического сбора данных в сети Интернет над ручным сбором данных // Universum: технические науки: электрон. научн. журн. 2022. 10 (103). URL: https://7universum.com/ru/tech/archive/item/14383 (дата обращения: 28.06.2023).

Московкин, В.М., Моисеева, С.А. Публикации об инкунабулах в открытом доступе интернета // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 1 (3). С. 61-74.

Московкин, В.М., Пересыпкин, А.П. Влияние запуска публикационной стимулирующей меры на качественную структуру публикаций (на примере НИУ «БелГУ») // Научный результат. Экономические исследования. 2015. Т. 1. № 3. С. 5-18.

Сутягина, М.В. Специфика выполнения запросов пользователей в период цифровизации: опыт работы библиографической службы региональной библиотеки // Моргенштерновские чтения - 2022. Цифровая трансформация современной библиографии: вызовы, возможности и события: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием (Челябинск, 25-26 октября, 2022 г.). Челябинск, 2022. С. 133-141.

Чорба, Е.С. База данных Scopus в работе оператора системы избирательного распространения информации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 10 (76). DOI: 10.23670/IRJ.2018.76.10.042.

References

Agafonov I. S., Chuprin, K. P. (2022), “The National Electronic Library of the Udmurt Republic as a resource for preserving and popularizing the cultural heritage of Udmurtia”, *Biblioteki v kulturnom prostranstve regiona: kontseptsiya opyta i generatsiya idey:* [Libraries in the cultural space of the region: concentration of experience and generation of ideas], in Kostitsina, A.V. (ed.), Perm, 106-110 (in Russ.).

Chorba, E. S. (2018), “Scopus database in work of operator of selective information distribution system”, *International Research Journal*, 10 (76), DOI: 10.23670/IRJ.2018.76.10.042 (in Russ.).

Drescher, Yu. N. (2008), *Informatsionnoe obespechenie uchenykh i spetsialistov: uchebno-metodicheskoe posobie* [Information support for scientists and specialists: an educational and methodological manual], Publishing House "Profession", St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Goleva, U. G. (2022), “Coaching in the library”, *Bibliotechniy frontir: novye smysly, vyzovy, idei i praktiki* [Library frontier: new meanings, challenges, ideas and practices], in Perova, E. Y. and Garmaeva, L. V., Publisher East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, 156-158 (in Russ.).

Grigyanets, R. B. (2017), “Automation of information support for scientific research and development”, *The Science and Innovations*, 1, 17-21 (in Russ.).

Grigyanets, R. B., Stepantseva, E. V. and Shabalina, N. G. (2020), “Automated system of selective dissemination and electronic delivery of scientific information at the National Academy of Sciences of Belarus”, *Biblioteki v informatsionnom obschestve: sokhranenie traditsiy i razvitie novykh tekhnologiy* [Libraries in the information society: preservation of traditions and development of new technologies], in Karakulko, Yu. O. (ed.), Publishing house "Kovcheg", Minsk, 211-218 (in Russ.).

Ivanovskii, A. A. (2020), “About some statistical data of the system of selective dissemination of information in library for natural sciences of the RAS”, *Kul’tura: teoriya i praktika* [Culture: theory and practice (Online)], 4, 8 (in Russ.).

Komarov, P. A. (2019), “Problems and solutions of the technology of the system of selective dissemination of information (SDI) from external databases”, *Moscow economic journal*, 2, 664-672 (in Russ.).

Lavrik, O. L. (2008), “SDI and DOR: current state and prospects of development”, *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 1:* [Scientific and technical information. Series 1], 2, 14-19 (in Russ.).

Lavrik, O. L. Yudina, I. G. (2010), “Using the latest technologies to implement the information function of the library”, *Bibliosphere*, 1, 35-41 (in Russ.).

Litvinov, P. S. and Nagibina, N. P. (2022), “The influence of management and economics on the socio-cultural sphere of the library”, *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul’tura i vyzovy sovremennosty* [Donetsk Readings 2022: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges], Vol. 10, Publishing House of Donetsk National University, Donetsk, 177-180 (in Russ.).

Maisenovich, O. and Gomanova, E. (2014), “Network electronic products of scientific and technical subjects”, *The Science and Innovations*, 10, 71-72 (in Russ.).

Maslovskaya, N. S. (2023), “The Organization of Bibliographic Services in the National Libraries of the Republics of the Russian Federation”, *Bibliography and Bibliology*, 1, 54-72, https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-1-54-72 (in Russ.).

Menshikov, Ya. S. (2022), “Advantages of automatic data collection in the Internet over manual data collection”, *Universum: tekhnicheskie nauki* [Universum: Technical Sciences] [Electronic], 10, available at: https://7universum.com/ru/tech/archive/item/14383 (Accessed 28 June 2023) (in Russ.).

Moskovkin, V. M. and Moiseeva, S. A. (2015), “Publications about incunabula in the open access of the Internet”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 1 (1), 61-74 (in Russ.).

Moskovkin, V. M. and Peresypkin, A. P. (2015), “Effect of publication stimulative measure launch on the qualitative structure of publications (on the example of Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”))”, *Research Result. Economic Research*, 1 (3), 5-18 (in Russ.).

Sutyagina, M. V. (2022), “The specifics of fulfilling user requests during digitalization: the experience of the bibliographic service of the regional library”, *Morgenshternovskiye chteniya – 2022. Tsifrovaya transformatsiya sovremennoy bibliografii: vyzovy, vozmozhnosti i sobytiya* [Morgenstern Readings - 2022. Digital transformation of Modern Bibliography: Challenges, Opportunities and Events], Publisher: Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, 133-141 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Агафонов Илья Сергеевич, студент 4 курса, кафедра библиотечных и докумен-

тально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Нагибина Надежда Павловна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра библиотечных и документально-информационных технологий, факультет культурологии и социально-культурных технологий, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, г. Пермь, 614000, Российская Федерация; *nadya12354@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Ilya S. Agafonov, 4th year Student, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *ilya.agafonov.2016@inbox.ru*

Nadezhda P. Nagibina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Library and Documentary Information Technologies, Faculty of Cultural Studies and Socio-Cultural Technologies, Perm State Institute of Culture, 18 Gazeta Zvezda St., Perm, 614000, Russian Federation; *nadya12354@yandex.ru*

УДК: 174, 659.1 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-13**

Осина О. Н. **Проблемное поле этики рекламной деятельности**

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
ул. Политехническая, д. 77, г. Саратов, 410054, Россия; *osdosinu@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемного поля профессиональной этики рекламной деятельности. Предпринята попытка проанализировать понятие «этика рекламной деятельности» на основе семантического анализа и смысловых отношений понятий «этика» и «рекламная деятельность». Анализируется действующая система регулирования рекламной деятельности в Российской Федерации, состоящая из государственного и правового регулирования, а также этического контроля со стороны саморегулируемых организаций. Эмпирическую базу исследования составили тридцать рекламных обращений, распространяемых на территории Российской Федерации. При анализе рекламных обращений были использованы материалы, освещающие рекламную практику, с сайтов Федеральной антимонопольной службы, сервиса правовых аспектов рекламы, органа саморегулирования «Рекламный совет» и других. Выявлены проблемы в подходах, применяемых при реализации этики рекламной деятельности. Обращается внимание на необходимость детальной проработки системы этики рекламной деятельности: кодекса профессиональной этики для всех участников рекламного рынка и рекомендаций по соблюдению законодательства в части этичности по отношению как к потребителям, так и к конкурентам. Делается вывод о целесообразности применения интегрированного подхода (объединение правового режима, государственного регулирования, бизнес- и саморегулирования рекламной деятельности) для достижения положительного синергетического эффекта в рекламной сфере.

Ключевые слова: этика; профессиональная этика; рекламная деятельность; реклама; регулирование рекламы; потребитель

Для цитирования: Осина О. Н. Проблемное поле этики рекламной деятельности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 175-186. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-13

O. N. Osina **Problem field of advertising ethics**

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77 Politechnicheskaya St., Saratov, 410054, Russia; *osdosinu@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the problem field of advertising ethics. An attempt has been made to analyze the concept of “advertising ethics” on the basis of semantic analysis and semantic relations of the concepts of “ethics” and “advertising activity”. The article analyses the current system of regulation of advertising activity in the Russian Federation, consisting of state and legal regulation, as well as ethical regulation by self-regulating organizations. The article uses the following methods of

research: method of observation; method of systematization and classification of material; methods of definitional and contextual analysis, etc. The empirical base of the study included 30 advertisements distributed in the territory of the Russian Federation. In the analysis of advertising appeals practical material was used from sites of the Federal Antimonopoly Service, service of legal aspects of advertising, self-regulatory body "Advertising Council" and others. The problems in the applied approaches in the implementation of advertising ethics have been identified. Attention is drawn to the necessity of detailed elaboration of the system of ethics of advertising activity: a code of professional ethics for all participants of the advertising market and recommendations for compliance with the legislation in terms of ethics both for consumers and competitors. It is concluded that an integrated approach (unification of the legal regime, state regulation, business and self-regulation of advertising activities) is used to achieve a positive synergistic effect in the advertising sphere.

Keywords: ethics; professional ethics; advertising; advertising; regulation of advertising; consumer

For citation: Osina O. N. (2023), "Problem field of advertising ethics", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 175-186, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-13

Введение

В современном мире мы наблюдаем постоянно растущее количество рекламы, что подтверждается данными Ассоциации коммуникационных агентств России. В 2022 году суммарный объем рекламы без учета телесегмента составил 392 млрд. руб. (в 2021 г. – 381 млрд. руб.), такие показатели демонстрируют стабильное развитие российской рекламной индустрии[1]. В этом качестве реклама выполняет важнейшую роль в развитии экономики, создает и усиливает конкуренцию и способствует формированию спроса на рекламируемый товар/услугу у потенциального потребителя. При продвижении рекламного продукта могут использоваться самые разнообразные приемы и способы распространения информации о товаре/услуге и его производителе. Практика свидетельствует, что ради достижения поставленной цели рекламодатели нередко используют ненадлежащую рекламу, которая содержит либо недостоверную информацию, либо некорректные сравнения, либо реклама является неэтичной и т. д.

Обратимся к статистическим данным о результатах осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере рекламы за 2021 г., предоставленным Федеральной антимонопольной службой РФ. Количество недостоверной рекламы, по данным ФАС, составило 8,64 % (в 2020 г. – 12,48 %) всех выявленных нарушений. Мы видим, что количество выявленных нарушений снизилось в 2021 году, но при этом остается достаточно заметным. Одновременно распространение рекламы, вводящей в заблуждение, в 2021 г. составило 6,37 % всех нарушений, что составляло такой же показатель в 2020 году (6,47 % всех нарушений)[2].

[1] АКАР оценил объем рекламного рынка за 2022 год в 392 млрд рублей [эл. ресурс]: https://www.sostav.ru/publication/ob-m-rynka-akar-59617.html?ysclid=ljy7f1o1vj715198036 (дата обращения: 14.07.2023).

[2] Доклад по итогам обобщения правоприменительной практики осуществления антимонопольными органами государственного надзора в сфере рекламы за 2021 год [эл. ресурс]: https://fas.gov.ru/ckeditor_assets/attachments/1362/prikaz_341-22.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

Об актуальности темы исследования, таким образом, свидетельствуют, как минимум, два процесса: с одной стороны, ежегодный рост рекламной информации, а с другой – снижение качества рекламной продукции, рост правовых и этических рекламных нарушений.

Понятийный аппарат

Для того чтобы выявить сущность понятия «этика рекламной деятельности», проанализируем его на уровне отдельно взятых семантических единиц: этика и рекламная деятельность.

Этимологически «этика» происходит от древнегреческого слова «ethos» («этос»), что означает нравы, нравственность[3]. Основное сематическое поле этого понятия в России с определенной конвенциональной полнотой и актуальностью представлено в «Новой философской энциклопедии»: это практическая философия, наука о морали, «особый срез человеческой реальности (определенный класс индивидуальных качеств, соотнесенных с определенными привычными формами общественного поведения)» (Гусейнов, 2010: 472). Вопрос относительно того, является ли этика наукой или не является, неоднозначный, вызывающий бурные дискуссии сторонников и противников, в рамках данной статьи рассматриваться не будет.

В настоящее время специалисты замечают, что наблюдается «выхолащивание этики, превращение ее в инструмент по обслуживанию интересов современной культуры и общества, которым всегда требуется какая-то моральная регуляция» (Надточий, 2010: 132). С другой стороны, бизнес-сообщество всё яснее осознает необходимость обоснованного выбора собственной этической стратегии – утилитарной, ориентированной прагматически, или классической этики индивидуальной добродетели и социальной справедливости (Стазаева, Блинников, 2019). Этика все больше начинает приобретать прикладной характер, решать вопросы, имеющие пограничный характер, например, насколько уместна реклама «неэтичного» товара (алкогольной продукции, фаст-фуда, средств для похудения и др.). Этика становится «одним из основных каналов выхода философии в практику» (Гусейнов, 2009: 45). В нашем исследовании, исходя из этого, под этикой будем понимать систему универсальных и специфических нравственных требований, норм поведения, реализуемых в процессе общественной жизни.

В свою очередь, рекламную деятельность определим, как «особый вид деятельности, процесс взаимодействия ее участников, результатом которого является производство, продвижение и исследование рекламного продукта с целью стимулирования потребительской деятельности либо создания имиджа или общественного мнения» (Пономарёва, 2008: 3). Данное определение позволяет выделить субъектов рекламной деятельности на основе таких существенных признаков, как цель и результат. Исходя из статьи 3 Федерального закона «О рекламе», законодатель для регулирования рекламной деятельности выделяет следующих субъектов рекламной деятельности: рекламодатель, рекламораспространитель, рекламопроизводитель и потребитель рекламы. В качестве самостоятельного элемента рекламной деятельности стоит выделить еще и государство, так как именно оно выполняет регулирующую и контролирующую функции, поэтому согласимся с Е.А. Землянской и М.В. Савельевой, которые выделяют государство как субъекта рекламной деятельности, функции которого «состоят в разработке “правил игры" на данном рынке; контроле над соблюдением разработанных “правил игры"; арбитраже при решении спорных вопросов» (Землянская, Савельева, 2009: 183).

[3] Дворецкий, И.Х. Латино-русский словарь: около 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 379.

Диалектическое единство понятия «этика рекламной деятельности» позволяет выделить такую категориальную единицу как «профессиональная этика» и применить принцип системности к категории «профессиональная этика», где в качестве объекта выступает «профессиональная этика», которая взаимодействует с жизненной практикой (со средой), а в качестве элементов выступают этика бизнеса, управленческая этика, этика поведения, этика делового общения и др. Очевидно, что этика рекламной деятельности не может рассматриваться вне профессиональной этики. Этика рекламной деятельности – это своего рода профессиональная этика или этика правил, разрабатываемых для субъектов рекламного рынка, включая государство. На мой взгляд, это более объемное философское понятие, чей спектр смыслов охватывает не только следование моральным/нравственным правилам поведения, реализуемым в рекламной деятельности всеми участниками рынка, но следование правилам этики в процессе разработки и создания рекламных продуктов.

Система и опыт регулирования рекламной деятельности

В случаях прямого нарушения рекламного законодательства необходимо государственное и правовое регулирование, а в случаях оценки спорных рекламных сообщений, по своей форме и содержанию не нарушающих закон напрямую, но толкуемых потребителями по-разному, необходимо обращаться к этической экспертизе рекламных обращений, входящей в компетенцию саморегулируемых организаций.

Государственное регулирование – это фундамент системы управления, регулирующий рекламную деятельность. Для того чтобы обеспечить режим законности в рекламной сфере, государству необходимо создавать контролирующие государственные органы. В 1990 году был сформирован первый антимонопольный орган (Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур), а в 2004 году была образована Федеральная антимонопольная служба, которая обязана предупреждать, выявлять и пресекать правонарушения в рекламной сфере, что подтверждается ежегодным количеством рассмотренных заявлений (в 2021 г. – 17607 заявлений, 2020 г. – 16278 заявлений)[4].

При региональных управлениях Федеральной антимонопольной службы с начала 2000-х гг. начали создаваться экспертные советы. Их решения носят рекомендательный характер, но обязательно учитываются антимонопольной службой при вынесении окончательных решений. В состав Экспертного совета при УФАС по Саратовской области входит 15 членов-экспертов. На заседании экспертного совета рассматриваются спорные с точки зрения этики рекламные обращения. Несколько примеров:

(1) Наружная реклама суши-бара «Сытый Угорь». Рекламное обращение включает в себя выражение (Я ХУДЕЮ от СЫТОГО УГРЯ) + образ полной женщины. В данном рекламном обращении играет важную роль шрифтовое решение. В лозунге одна из букв глагола была выполнена более мелким шрифтом и располагалась чуть ниже остальных. Из-за этого слоган приобретал нецензурное звучание. Отклонение от этической нормы происходит одновременно на вербальном и визуальном уровнях. Мы видим, что при сочетании вербального и визуального компонентов в данной рекламе порождается двусмысленность, вызывающая устойчивую ассоциацию – пренебрежение к полным женщинам. Подобное содержание рекламы оскорбляет, обижает, унижает, уязвляет, задевает чувства женщин полной комплекции. Данная

[4] Итоги осуществления государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе [эл. ресурс]: https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (дата обращения: 14.07.2023).

реклама была признана экспертами неэтичной[5].

(2) Наружная реклама мужского клуба «Приват», размещенная на Привокзальной площади г. Саратова напротив железнодорожного вокзала в районе пешеходного перехода рядом с архитектурной формой «Я люблю Саратов». Рекламное обращение содержит визуальный (образ девушки на шесте) и вербальный ряд (участникам СВО вход бесплатный *Z)[6]. Мы можем отметить, что именно сочетание вербального и визуального компонентов в рекламном обращении порождает определенную двусмысленность и вызывает непристойные устойчивые ассоциации с данным заведением.

Правовое регулирование рекламной деятельности опирается на создание законодательной базы. Основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим рекламную деятельность, является Федеральный закон «О рекламе», принятый в 1995 г., переизданный в 2006 г. и постоянно подвергающийся изменениям и дополнениям. Целями настоящего закона являются создание эффективной нормативно-правовой базы, регулирующей рекламную сферу и формирующей целостную систему рекламного регулирования. Отметим, что государственное и правовое регулирование – основные инструменты осуществления контроля в рекламной сфере.

Важную роль в регулировании рекламной деятельности играет и саморегулирование. Саморегулирование в рекламе – комплекс мер и действий, с помощью которых правовые субъекты рекламной сферы (рекламодатели, рекламораспространители и рекламопроизводители) осуществляют этическое регулирование рекламной сферы. История саморегулирования рекламы в России началась в 1995 г. и была связана с созданием Общественного совета по рекламе. Уже в 1998 г. произошла интеграция в крупнейшую международную рекламную организацию – Европейский альянс по стандартам в рекламе. В результате реорганизации данного объединения в 1999 г. возникла новая организация, Рекламный совет России. Члены данной организации обязались соблюдать разработанные требования и правила для эффективного развития рекламной сферы, а также предупреждать рекламные правонарушения, содействовать развитию механизмов саморегулирования в рекламной деятельности.

В 2001 г. произошли серьезные изменения в сфере саморегулирования: Рекламный совет России был распущен, а на его месте в 2002 г. возникло новое объединение – Совет ассоциаций медийной индустрии (САМИ). Цель данной общественной организации, с одной стороны, защита интересов членов медиасообщества, а с другой – выработка согласованных решений по спорным моментам для активного развития рынка СМИ. При совете была учреждена Общественная Комиссии по этике и добросовестности в рекламе (2004 г.), целью которой было предупреждение правонарушений в рекламной сфере, которые могли бы привести к ужесточению законодательства рекламного поля. Члены комиссии проводили мониторинг спорных и проблемных ситуаций в области рекламы, разрабатывали возможные пути их преодоления и подготавливали этические рекомендации по рекламированию товаров и услуг.

Параллельно в 1993 г. была создана Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР), существующая по настоящее время. Эта организация объединила более 100 рекламных агентств. Одними из це-

[5] Саратовское УФАС России признало неэтичной рекламу суши-бара [эл. ресурс]: https://saratov.fas.gov.ru/news/17630 (дата обращения: 14.07.2023).

[6] Протокол № 2 заочного голосования Экспертного совета по применению законодательства о рекламе и защите от недобросовестной конкуренции при УФАС по Саратовской области [эл. ресурс]: https://saratov.fas.gov.ru/sites/saratov.f.isfb.ru/files/page/2023/06/29/protokol_ot_15.06.2023.docx (дата обращения: 14.07.2023).

лей Ассоциации были разработка и внедрение добровольных этических требований к рекламе, обеспечение контроля над их исполнением.

В 2018 г. появилась первая саморегулируемая организация в сфере рекламы «Ассоциация маркетинговой индустрии “Рекламный Совет”». Решение о ее создании было принято Меморандумом 28 сентября 2017 г. Данный документ подписали представители ФАС России, Правительства Санкт-Петербурга и Европейского альянса по рекламным стандартам. А уже в апреле 2019 г. Рекламный совет вошел в Европейский альянс и стал членом-наблюдателем. Совет был создан с целью передачи полномочий по рассмотрению рекламных споров от Федеральной антимонопольной службы к данному органу саморегулирования.

В полномочия этой организации входит выработка этических стандартов в сфере рекламы, предварительная экспертиза рекламных сообщений по запросу членов рекламной индустрии, а также продвижение законодательных инициатив по улучшению и корректировке рекламного законодательства. Организация «ставит перед собой задачу повышения уровня ответственности всех, кто причастен к процессам разработки, создания и распространения рекламы, поддержки ответственного поведения»[7]. За весь период существования (с 2019 г. по июль 2023 г.) было рассмотрено 538 заявлений; в качестве заявителей выступают УФАС (244 заявления), иные госорганы (48 заявлений), иные организации (3 заявления), сами потребители (239 заявлений); по тематике запросов: неэтичная реклама (82 заявления), оскорбительная реклама в отношении возраста, пола, профессии (81 заявления) и др.[8]. Мы видим, что подавляющее большинство запросов касается неэтичной рекламы.

Проблематизация этики рекламной деятельности

Рекламная деятельность подлежит государственному и правовому регулированию, а также регулированию со стороны саморегулируемых организаций. Но при этом на каждом уровне мы сталкиваемся с определенными затруднениями, которые тормозят идентификацию неэтичной рекламы.

В области государственного и правового регулирования рекламной деятельности уместно обратить внимание на следующее.

(1) Меры противодействия недостоверной и неэтичной рекламе со стороны антимонопольных органов, что следует из статьи 33 Федерального закона «О рекламе», где основная функция Федеральной антимонопольной службы – осуществление контроля (надзора) в сфере рекламы[9]. Тем самым, превентивные меры в рекламной сфере не входят в полномочия антимонопольных органов.

(2) Несовершенство российского законодательства в части этичности рекламы. В Федеральном законе о рекламе лишь обозначены границы этичного и неэтичного поведения правовых субъектов рекламной деятельности: «реклама должна быть добросовестной и достоверной»[10], но нет четкого определения понятия «этичность рекламы», не даются ни критерии, ни методы анализа этичности рекламных обращений.

(3) В части регулирования со стороны саморегулируемых организаций, в силу их небольшого практического опыта, наблюдается несовершенство общественного ре-

[7] Доверие через ответственность [эл. ресурс]: https://sovetreklama.ru/pretenzii/zapolnite-formu (дата обращения: 14.07.2023).

[8] Статистика: какие обращения рассмотрела наша организация [эл. ресурс]: https://sovetreklama.ru/pretenzii/statistika-kakie-obrashheniya-rassmotrela-nasha-organizacziya (дата обращения: 14.07.2023).

[9] Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в редакции от 05.12.2022 г.) «О рекламе» [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2023).

[10] Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 г.) «О рекламе» [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.08.2023).

гулирования и контроля за этической составляющей рекламной деятельности. Согласимся с Н.В. Дмитриевой и Е.А. Завьяловой, что «далеко не в каждом случае члены Комитета квалифицируют рекламные сообщения, на которые поступили жалобы, как оскорбительные или непристойные» (Дмитриева, Завьялова, 2022: 406-407).

Приведем пример рекламного обращения, которое было рассмотрено Рекламным Советом в 2018 г.[11]. В Нижнем Новгороде в лифтах многоквартирных домов были распространены листовки мужского SPA-салона «LUX Spa» со следующим содержанием: визуальная часть (образ двух девушек в купальниках) и вербальная часть (слоган «1+1=3000 рублей»). Мнение экспертов оказалось двояким: по рекламному законодательству данная реклама не была признана непристойной, а по Кодексу рекламы и маркетинговых коммуникаций Международной торговой палаты (МТП) были обозначены нарушения статьи 2 (социальная ответственность) и статьи 3 (пристойность). Отвечая на вопрос: «Можно ли считать такую рекламу прямой рекламой интим-услуг?», большинство экспертов ответило «нет», так как занятие проституцией является административным правонарушением, а для такой квалификации деяния нужны серьезные доказательства, выходящие за пределы анализа рекламы. Справедливый вывод делает А.Ю. Дорский, что «эксперты руководствуются принципом: при отсутствии явного нарушения закона нарушения нет вообще» (Дорский, 2021: 149).

Подобные проблемы усложняются и за счет некорректного поведения правовых рекламных субъектов (рекламодателей, рекламораспространителей и рекламопроизводителей). Мы часто видим преобладание со стороны бизнеса коммерческих интересов в ущерб этически-ответственной позиции.

При изучении типов некорректного поведения рекламодателя возьмем за основу подход М.И. Ивлевой, которая предлагает выделять два блока: «во-первых, это проблема моральных норм в рекламе по отношению к потребителю, во-вторых, это моральность рекламы, используемой в процессе конкуренции» (Ивлева, 2010: 189).

Первое, что стоит рассмотреть, это отношение бизнеса к потребителю при реализации рекламной составляющей с точки зрения функционирования этических правил, норм и требований. Первый принцип, прописанный в Российском Кодексе практики рекламы и маркетинговых коммуникаций[12], а также в Федеральном законе «О рекламе», гласит, что рекламная коммуникация должна быть достоверной[13]. Этот принцип вытекает из того, что реклама – это, прежде всего, информация. Следовательно, достоверность рекламной информации предполагает правдивость и соответствие действительности содержащихся в ней сведений относительно рекламируемого товара: характеристик, ассортимента, комплектации, стоимости/цены и др. Не этична реклама, которая намеренно вводит потребителя в заблуждение, замалчивая ту или иную существенную информацию о товаре/услуге, приписывая товару/услуге более привлекательные свойства и т. д. В качестве иллюстрации подобных нарушений можно привести рекламу финансовой услуги банка «Почта Банк», транслируемой

[11] В рекламе спа-салона нашли нарушения кодекса. Пока не уголовного [эл. ресурс]: https://sovetreklama.org/2020/04/v-reklame-spa-salona-nashli-narusheniya-kodeksa-poka-ne-ugolovnogo/?ysclid=lk2feim3bd894077114 (дата обращения: 14.07.2023).

[12] Российский Кодекс практики рекламы и маркетинговых коммуникаций [эл. ресурс]: https://sovetreklama.ru/kodeksyi-i-standartyi (дата обращения: 14.07.2023).

[13] Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 г.) «О рекламе» [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2023).

на роллерном дисплее в Москве. В рекламном обращении крупным шрифтом была указана привлекательная информация для потребителя – процентная ставка по кредиту от 4 % при услуге «Гарантированная ставка». При этом иные условия, которые влияют на стоимость кредита, были указаны, во-первых, мелким трудночитаемым шрифтом, а во-вторых, демонстрировались на роллерном дисплее в течение короткого времени. В итоге потребители получали неполную информацию о предоставляемой финансовой услуге[14]. Подобные нарушения были выявлены и у ПАО «Сбербанк России». В телерекламе Сбербанк озвучивал выгодные условия по кредиту (процентная ставка от 4,9 %), что дублировалось и крупным шрифтом на экране. А условия, невыгодные для потребителя, были размещены внизу экрана под сноской мелким шрифтом в течении короткого времени[15]. Проведенный анализ отобранных рекламных обращений позволяет сделать вывод о намеренном введении потребителей в заблуждение. Тем самым, «моральным злом, морально-отрицательным поведением, соответственно, оказываются мотивы и поступки, нарушающие гармонию интересов и тем самым наносящие вред как общественному целому, так и отдельным его представителям, индивидам» (Ерофеева, Зеленцова, 2023: 171).

Рассмотрим функционирование моральных норм в рекламе по отношению к конкурентам. В части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» определены формы недобросовестной рекламы по отношению к конкурентам. Это некорректное сравнение товаров; порочение конкурента; плагиатное рекламирование[16].

Начнем с *некорректного сравнения* товаров/услуг. В Федеральном законе «О рекламе» не содержится запрет на сравнение рекламируемого товара с аналогичными товарами других производителей. С одной стороны, законодатель разрешает использовать в рекламе сравнение, но с другой, это сравнение должно отвечать общим требованиям морали, то есть оно должно быть корректным, правильным, достоверным, а параметры, по которым идет сравнение, должны быть сопоставимыми. Рекламодатели используют самые разнообразные способы некорректного сравнения. Часто рекламодатели используют в рекламных обращениях слова «лучший», «первый», «номер один», но при этом четко не указывают критерий, по которому сравнивается рекламируемый товар с конкурирующими товарами. Например, использование фраз: «Пожалуй, лучшие врачи Хабаровска» (медицинский центр «Хабаровский диагностический центр», 16 сентября 2022 г., г. Хабаровск)[17]; «мы лучше, чем Ломбард» (комиссионный магазин-ломбард «Купец золотой», 30 июня 2022 г., г. Самара)[18]. Это может быть также косвенное сравнение, когда конкурирующий товар не называется, но по форме или цвету можно узнать производителя. Другим примером некорректного сравнения может быть нарушение требований сопоставимости характеристик (сравниваются лекарственный препарат и биологически активная добавка). Рекламодатели могут использовать и скрытое сравнение, напри-

[14] ФАС возбудила дело в отношении АО «ПОЧТА БАНК» по признакам нарушения рекламного законодательства [эл. ресурс]: https://fas.gov.ru/news/32665 (дата обращения: 14.07.2023).
[15] ФАС оштрафовала ПАО «СБЕРБАНК РОССИИ» за нарушение рекламного законодательства [эл. ресурс]: https://fas.gov.ru/news/32593 (дата обращения: 14.07.2023).
[16] Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 г.) «О рекламе» [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2023).
[17] Решение по делу № 027/05/5-940/2022 [эл. ресурс]: https://pravo-reklama.ru/upload/iblock/563/563322652944174671ee948064020e92.pdf (дата обращения: 14.07.2023).
[18] Решение по делу № 063/05/5-315/2022 [эл. ресурс]: https://pravo-reklama.ru/upload/iblock/65f/65fb51ba27f39f9536ea892cc1ee3b21.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

мер, в названии статьи «Как в Академгородке выравнивают зубы и чем поражает уникальная клиника», размещенной на сайте ngs.ru, используется слово «уникальный» (стоматологическая клиника «Баланс белого», 2 августа 2022 г., г. Новосибирск)[19].

Подобные рекламные обращения, в силу отсутствия критерия сравнения, имеющего объективное подтверждение, направлены на выделение рекламируемого объекта среди других объектов-конкурентов. В данных случаях мы сталкиваемся с некорректным сравнением и недобросовестной конкуренцией, что противоречит рекламному законодательству и нормам деловой этики.

Порочение конкурента. В рекламе не допускаются недобросовестные действия в отношении конкурента, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию указанных лиц. Например, на Саратовском телевидении транслировалась реклама завода стальных дверей «Torex». Основной рекламный слоган был следующего содержания: «Без Торэкс как без дверей!». Сопровождающий визуальный ряд в видеоролике и выдвинутый слоган оскорбляет честь, достоинство и деловую репутацию конкурентов.

Плагиатное рекламирование происходит, когда неизвестная товарная марка пытается сформировать интерес у целевой аудитории, продвигая (рекламируя) товар на рынке за счет известного бренда. При этом используется товарный знак или знак обслуживания, который очень схож с фирменной символикой известного бренда. Тем самым потребители из-за схожести фирменных элементов не всегда понимают, что речь идет о товарном плагиате.

В настоящее время остро встала проблема социальной ответственности в российской рекламе. По мнению автора, социальная ответственность – это способность правовых субъектов рекламного рынка (рекламодателя, рекламораспространителя, рекламопроизводителя) нести ответственность за результаты собственного труда. Согласимся с Е.Н. Ежовой, что «стала аксиомой интерпретация рекламы как социального феномена, и этот статус эксплицирует наличие социальной ответственности рекламодателей и производителей товаров и услуг не только за материальное благополучие потребителей рекламного продукта, но и за их духовное развитие» (Ежова, 2011: 57). Проблематика социальной ответственности бизнеса затрагивается в рамках хозяйственной этики, предпринимательской или бизнес-этики, моральной экономики. Взаимодействие экономической теории и этики «связаны с анализом проблем информационной асимметрии, “морального риска”, оппортунистического поведения» (Нифаева, 2022: 15).

Заключение

Активное развитие российского рынка рекламы сопряжено, в том числе, и с появлением рекламы, нарушающей права потребителей и партнеров. В связи с тем, что реклама – это мощнейший инструмент, имеющий огромное влияние на общество, актуализируется понятие «этика рекламной деятельности». На данный момент в систему регулирования рекламной деятельности входит государственное и правовое регулирование, а также регулирование со стороны саморегулируемых организаций.

На каждом уровне мы сталкиваемся с определенными проблемами: на уровне государственного регулирования (выполнение только контролирующей и надзорной функций антимонопольной службой), правового регулирования (отсутствие четкого этического понятийного аппарата), саморегулируемых организаций (несовершенство методики оценки этической корректности рекламных обращений). Ситуация ослож-

[19]Решение по делу № 054/05/5-1081/2022 [эл. ресурс]: https://pravo-reklama.ru/upload/iblock/737/737011eba400f890a48806580b1b119c.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

няется некорректным поведением рекламодателей как по отношению к потребителям, так и конкурентам. В силу того, что бизнес затрагивает интересы всего общества и сам по себе является социально-ответственным, но при этом каждый субъект приходит с собственными, отличающимися от других, нравственно-этическими установками, позициями, потребностями, ожиданиями, при разработке рекламных продуктов необходимо исходить из базовых этических принципов: справедливости, достоверности, социальной ответственности, добросовестности, пристойности и пр.

Стагнирующим фактором для разрешения проблемы является условность и размытость этических норм, понятий и категорий, в силу того, что этические категории – более широкое понятие, чем законодательные нормы, они содержат аспект субъективности, являясь философскими категориями. Это, в свою очередь, требует более глубокой смысловой проработки категориального аппарата, используемого при этической оценке рекламных сообщений.

Для создания качественного, этически взвешенного продукта рекламной деятельности важнейшей задачей этики рекламной деятельности должна стать детальная проработка кодекса профессиональной этики для всех участников рекламного рынка, а также рекомендаций по соблюдению законодательства в части этичности как по отношению к потребителям, так и к конкурентам. В качестве положительного опыта можно привести рекомендации по соблюдению законодательства о рекламе безрецептурных лекарств, которые были разработаны в 2018 г. юридической фирмой совместно с ассоциациями и при поддержке Федеральной антимонопольной службы РФ. Сравнительный анализ правонарушений в сфере рекламы безрецептурных лекарств показывает: с 2010 г. наблюдается большое количество нарушений (2010 г. – 10,06 %, 2012 г. – 12,57 %, 2013 г. – 21,38 %, 2016 г. – 13,67 % от всех правонарушений), а после появления рекомендаций наблюдается заметное снижение этого рода правонарушений (2018 г. – 7,57 %, 2019 г. – 4,42 %, 2020 г. и 2021 г. – 0 % от всех правонарушений)[20].

В основе функционирования рекламного института должна лежать справедливость в качестве наипервейшей добродетели всех и любых общественных институтов, превосходящей все остальные (Соловьева, 2022). «Справедливость – первая добродетель общественных институтов, так же как истина – первая добродетель систем мысли. <…> Законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они не справедливы» (Ролз, 1995: 18-19).

Таким образом, автор приходит к выводу, что только совместные этически мотивированные усилия бизнес-организаций, саморегулируемых организаций под руководством антимонопольной службы смогут сформировать систему профессиональной этики рекламной деятельности и в целом задать тренд на этичность среди всех участников рекламного рынка.

Литература

Гусейнов, А.А. «...Надо понять не только то, в чем состоит прикладной характер современной этики, но еще и то, почему она, несмотря ни на что, остается этикой» // Ведомости. Вып. 35. Парадигмы прикладной этики. Тюмень, 2009. С. 44-54.

Гусейнов, А.А. Этика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ИФ РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: В.С. Степин (предс.) и др.. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 472-477.

Дмитриева, Н.В., Завьялова, Е.А. Этические аспекты рекламы: проблемы восприятия, оценки и регулирования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 4. С. 403–411.

[20] Итоги осуществления государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе [эл. ресурс]: https://fas.gov.ru/pages/rezultati_raboti_v_reklame (дата обращения: 14.07.2023).

Дорский, А.Ю. Этические проблемы рекламы в практике АМИ «Рекламный совет» // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. 60-го Междунар. научн. форума (30 июня – 2 июля 2021 г.). В 2 т. / ред. А. Малышев. Том 1. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 148-150.

Ежова, Е.Н. Медиа-рекламная картина мира: проблема социальной ответственности рекламы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 76. С. 54-62.

Ерофеева, К.Л., Зеленцова, М.Г. Этический универсализм в философии морали: динамика общечеловеческого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 163-173.

Землянская, Е.А., Савельева, М.В. К вопросу о субъектах рекламного рынка // Вестник СибГАУ. 2009. № 3. С. 182–184.

Ивлева, М.И. Этика и рынок: этический аспект рекламы // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 186-197.

Надточий, И.О. Этика и наука: современный контекст взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 2(4). С. 128-136.

Нифаева, О.В. Этические аспекты эволюции экономической теории и методологии: Автореф. дис. … д-ра экономических наук: 08.00.01 – Экономическая теория. М.: Ин-т экономики РАН, 2022. 47 с.

Пономарёва, А.М. Основы рекламной деятельности: организация, планирование, оценка эффективности. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2008. 192 с.

Ролз, Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. Целишева, В. Карпович, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 500 с.

Соловьева, В.В. К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 167-177. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177

Стазаева, И.В., Блинников, Д.С. Традиционные подходы к изучению этики бизнеса // Профессиональная ориентация. 2019. № 2. С. 102-107.

References

Dmitrieva, N. V. and Zavyalova, E. A. (2022), “Ethical aspects of advertising: perception, evaluation and regulation”, *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic sciences,* 7 (4), 403-411 (in Russ.).

Dorsky, A. Yu. (2021), “Ethical problems of advertising in the practice of the Advertising Council”, In Malyshev, A. (ed.), *Media v sovremennom mire. 60-ye Peterburgskiye chteniya* [Media in the modern world. 60th St. Petersburg readings]: collection. mater. Intl. scientific forum (June 30 - July 2, 2021). In 2 volumes. Vol. 1, Mediapaper, St. Petersburg, 148-150 (in Russ.).

Erofeeva, K. L. and Zelentsova, M. G. (2023), “Ethical universalism in the philosophy of morality: dynamics of the generally-human”, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*. Issue. 2.Series: Humanities. Iss. 2, 163-173 (in Russ.).

Ezhova, E. N. (2011), “Media-advertising world picture: the problem of advertisement social responsibility”, *Newsletter of North-Caucasus State Technical University,* 76, 54-62 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (2009), “... It is necessary to understand not only what the applied nature of modern ethics is, but also why it, in spite of everything, remains ethics”, *Vedomosti*, Issue 35, Tyumen, 44-54 (in Russ.).

Guseynov, A. A. (2010), “Ethics”, *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes*, by the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences and National social science Fund, Mysl, Moscow, vol. 4, 472-477 (in Russ.).

Ivleva, M. I. (2010), “Ethics and the market: the ethical aspect of advertising”, *Social and humanitarian knowledge*, 3, 186-197 (in Russ.).

Nadtochiy, I. O. (2010), “Ethics and Science: a modern context of interaction”, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy,* 2, 128-136 (in Russ.).

Nifaeva, O. V. (2022), "Ethical aspects of the evolution of economic theory and methodology”, Abstract of D. Sc. Dissertation, Institute of Economics RAS, Moscow (in Russ.).

Ponomaryova, A. M. (2008), *Osnovy reklamnoy deyatel'nosti: organizatsiya, planirovaniye, otsenka effektivnosti* [Fundamentals of advertising activities: organization, planning, effectiveness assessment], Finance and Statistics Publishing House; INFRA-M, Moscow (in Russ.).

Rawls, J. (1995), *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice], Translated from English by Tselishchev, V., Karpovich, V. and Shevchenko, A., State University Publ., Novosibirsk, (in Russ.).

Solovyeva, V. V. (2022), “On John Rawls’ theory of justice”, *Aktualnye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law,* 6 (2),

167-177, DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-2-167-177 (in Russ.).

Stazaeva, I. V. and Blinnikov, D. S. (2019), “Traditional approaches to the study of business ethics”, *Professional orientation*, 2, 102-107 (in Russ.).

Zemlyanskaya, E. A. and Savelyeva, M. V. (2009), “Studyng the subjects of advertising market”, *Vestnik of SibGAU*, 3, 182-184. (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Осина Оксана Николаевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра «Медиакоммуникации», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., ул. Политехническая, д. 77, г. Саратов, 410054, Россия; *osdosinu@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Oksana N. Osina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Media Communications, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov, 410054, Russia; *osdosinu@yandex.ru*

УДК 008 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-14**

Беляев Д. А.

Мультимодальная и медиалингвистическая дискурс-аналитика видеоигр (размышление над книгой Astrid Ensslin “The Language of Gaming”. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.)*

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; *dm.a.belyaev@gmail.com*

Аннотация. Статья-размышление посвящена реконструкции и критической аналитике коммуникативно-медиалингвистической оптики рассмотрения видеоигр, представленной в монографии немецкого исследователя цифровых медиа А. Энслин «Язык игр». Видеоигры сегодня стали легитимной частью дискурсивного поля электронных медиа, выступая транслятором содержательно разнообразных смыслов и концептов. Язык видеоигр мультимодален и обладает рядом оригинальных семиотических структур, что выделяет его в ряду прочих экранных медиа и дает качественно новые возможности по формированию нарративных посланий. Монография А. Энслин является первым фундаментальным исследованием в дискурсе game studies, которое комплексно раскрывает структуры и модальности языка видеоигр, опираясь на мультимодальный дискурс-анализ. Полиморфный технокультурный характер объекта исследования требует обращения к разнообразным подходам и методам, характерным для media/game studies. Особая предметная оптика рассмотрения создает необходимость опираться на методы мультимодального и дискурсивного анализа, а также приемы коммуникативистики. В статье системно раскрываются и критически анализируются основные идеи, концепты и исследовательские выводы монографии А. Энслин «Язык игр». Выделяется содержательное ядро каждой главы работы, акцентируется внимание на достоинствах и недостатках исследования. Делается вывод о том, что книга А. Энслин «Язык игр» является важным событием в междисциплинарном развитии game studies, формируя контур лингвистически-дискурсивного направления исследования коммуникативных возможностей видеоигр.

Ключевые слова: язык видеоигр; кибертекст; медиариторика; Astrid Ensslin; экранная культура; медиа; семиотика видеоигр

Для цитирования: Беляев Д.А. Мультимодальная и медиалингвистическая дискурс-аналитика видеоигр (размышление над книгой Astrid Ensslin “The Language of Gaming”. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 187-193. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-14

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00088, «Видеоигровая медиариторика в экранной культуре: архитектоника кибертекста и адаптация социокультурных нарративов» (https://rscf.ru/project/23-28-00088/).

D. A. Belyaev

Multimodal and medialinguistic discourse analysis of video games (reflecting on Astrid Ensslin (2008), *The Language of Gaming*, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York)*

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; *dm.a.belyaev@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the reconstruction and critical analysis of the communicative and medialinguistic optics of video game consideration, presented in the monograph of the German digital media researcher A. Ensslin, "The Language of Gaming". Video games have now become a legitimate part of the discursive field of electronic media, acting as a translator of meaningfully diverse meanings and concepts. The language of video games is multimodal and has a number of original semiotic structures, which distinguish it among other screen media and provide qualitatively new opportunities for the formation of narrative messages. A. Ensslin's monograph is the first fundamental study in the discourse of game studies, which comprehensively reveals the structures and modalities of video games language, relying on multimodal discourse analysis.

The polymorphic, techno-cultural nature of the object of study requires a variety of approaches and methods characteristic of media/game studies. The specific subjective optics of consideration creates the need to rely on the methods of multimodal and discourse analysis, as well as the methods of communicativism. The article systematically reveals and critically analyses the main ideas, concepts and research conclusions of A. Ensslin's monograph "The Language of Gaming". The article identifies the substantive core of each chapter of the work, focuses on the strengths and weaknesses of the study. The author concludes that A. Ensslin's book "The Language of Gaming" is an important event in the interdisciplinary development of game studies, forming the contour of the linguistic and discursive direction of research into communicative possibilities of video games.

Keywords: video game language; cybertext; media rhetoric; Astrid Ensslin; screen culture; media; video game semiotics

For citation: Belyaev D. A. (2023), "Multimodal and medialinguistic discourse analysis of video games (reflecting on Astrid Ensslin (2008), *The Language of Gaming*, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 187-193, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-14

Сегодня видеоигры являются заметной частью современной медиакультуры. За последние два десятилетия они значительно расширили контур собственной социокультурной идентичности, преодолев границы исключительно развлекательно-подросткового гетто. Видеоигры институциализировались в качестве оригинальной формы виртуально-экранного искусства, особого вида спорта и инновационной образовательной практики (методика Digital Game Based Learning), а их сюжеты подчас

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No 23-28-00088 "*Video game media rhetoric in screen culture: cybertext architectonics and adaptation of sociocultural narratives*" (https://rscf.ru/project/23-28-00088/).

вызывают бурный общественно-политический отклик. Так, современные политики (в том числе и отечественные) публично признают, что видеоигры могут рассматриваться как медиаинструмент идеологического влияния и пропаганды. Одновременно исторические нарративы видеоигр стали легитимной частью дискурса public history, оказывая влияние на формирование массового исторического сознания.

Данное культурное масштабирование видеоигр не осталось незамеченным в научно-исследовательской среде. С конца XX в. начинает складываться междисциплинарный исследовательский дискурс, посвященный рассмотрению видеоигр в качестве сложного, полиморфного и полимодального социокультурного феномена. Сначала он развивается в рамках media studies, но затем быстро складывается специализированное исследовательское направление – game studies. Появляются периодические научные издания соответствующей направленности (например, Game Studies, Games and Culture и The Computer Games Journal), создается международная ассоциация исследования цифровых игр (Digital Games Research Association (DiGRA)), координирующая по всему миру междисциплинарные исследования видеоигр и ежегодно организующая наиболее представительные конференции. Эта тенденция не обошла стороной и Россию. Так, на философских факультетах МГУ и СПбГУ были созданы подразделения, специализирующиеся на развитии и популяризации game studies. Предметно-тематический контур game studies достаточно широк и разнообразен. Исследовательский фокус включает философскую, культурологическую, художественно-эстетическую, социологическую, политологическую, историческую, педагогическую и психологическую направленности аналитики видеоигр. Этот фокус постоянно расширяется, охватывая все новые, часто междисциплинарные, предметные области. В частности, сравнительно недавно видеоигры вошли в академические сферы социолингвистики, дискурс-анализа и медиакоммуникативистики.

С учетом объема присутствия видеоигр в современном культурном пространстве и огромного спектра различных информационных посланий, которые ими транслируются, неизбежно возникает вопрос о языке видеоигр, об особенностях их семиотики, медиариторики и организации дискурс-пространств. Это все особенно важно в связи с тем, что видеоигры обладают оригинальным семиотическим инструментарием (например, знаками процедурного порядка и высокой интерактивностью) в сравнении с другими экранными медиа. Более того, видеоигры представляют собой один из самых сложных и многогранных видов медиа, существующих в современной медиаэкологии (Ensslin, 2012: 5-6). Специальное рассмотрение топики «язык видеоигр» необходимо для адекватного понимания кибертекстов, их актуальной семантики и потенциальных риторических возможностей. К сожалению, и сегодня работ в данной исследовательской оптике крайне мало. Поэтому до сих пор сохраняет актуальность монография А. Энслин «Язык игр», вышедшая в 2012 году. Она является первой фундаментальной работой, посвященной комплексному, систематическому изучению медиалингвистических и мультимодальных дискурсов видеоигр. Одновременно это исследование почти неизвестно в отечественном дискурсе game studies, а само направление изучения языка видеоигр практически не развивается.

Думается, будет уместно вначале остановиться на характеристике автора «Языка игр» и раскрытии основных вех ее научной биографии, которые позволяют лучше понять дискурсивный контекст написания данной работы. Итак, Астрид Кристина Энслин – немецкий исследователь в области цифровых медиа, является основателем журнала “Journal of Gaming and Virtual Worlds” и входит в редсовет таких авторитетных изданий, как “Game Studies, Context & Media” и “Digital Culture

& Society". Получив в Тюбингенском университете базовое музыкальное (бакалавриат) и языковое (магистратура) образование, она в Гейдельбергском университете в 2006 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Канонизация гипертекста: исследования и конструкции». Уже в этой работе проявилась особая междисциплинарная исследовательская оптика – анализ предметного поля цифровых текстов и дискурсов через призму лингвистики и коммуникативистики. Эти принципы впоследствии будут использованы Энслин при рассмотрении видеоигр.

С 2006 по 2016 гг. Энслин занимает должность профессора цифровых гуманитарных наук в Уэльском университете. Собственно, именно там и была создана ее монография «Язык игр». Но для нашего рассмотрения важно упомянуть две ее ранние работы: «Язык в медиа: репрезентации, идентичность, идеология» (*Language in the Media: Representations, Identities, Ideologies*, 2007) и «Создание вторых жизней: сообщество, идентичность и пространственность как конструкции виртуальности» (*Creating Second Lives: Community, Identity and Spatiality as Constructions of the Virtual*, 2011). Заметно, что сначала автор интересуется семиотикой и риторикой новых медиа, прежде всего экранными гипертекстуальными информационными массивами. Далее Энслин обращается к рассмотрению того, как текстуально, семиотически и дискурсивно конструируются виртуальные личности и сообщества (на примере онлайн-среды известных видеоигр *Second Life* и *World of Warcraft*). В работе исследуется вопрос о том, как геймеры конструируют альтернативные онлайн-реальности с учетом особого понимания телесности и пространства в виртуальной реальности игры. Уже данная монография дисциплинарно находилась на пересечении медиакоммуникативистики, культурологии и литературоведения, а методологически использовала философскую рефлексию, социальную семиотику и дискурс-анализ. Собственно эта же междисциплинарная направленность, но в более широком предметном фокусе, распространенном на видеоигры в целом, была применена Энслин в ее следующей книге «Язык игр».

Сразу обращает на себя внимание название работы, которое может производить обманчивое впечатление о ее содержании. Дабы акцентировать внимание на сложном репрезентативном, социальном и дискурсивном характере видеоигр, медиаисследователь намеренно называет книгу «Язык игр», а не «Язык видеоигр». Хотя формально последнее было бы более адекватно ее содержанию, однако, оно не сможет в достаточной степени охватить многочисленные пласты языка и дискурса, окружающие видеоигры, то, как они используются и как о них отзываются различные геймеры. Соответственно, понятие «язык видеоигр» оказывается частью более широкой предметной топики – «язык игр». При этом автор намеренно уклоняется от ответа на вопрос о существовании универсального языка видеоигр и игрового процесса, ставя целью выявить и проиллюстрировать типичные лексические, морфологические, прагматические, конверсионные, мультимодальные и другие дискурсивные особенности и процессы, возникшие в социальной сфере видеоигр (Ensslin, 2012: 7).

Концептуально, согласно авторскому замыслу Энслин, монография посвящена рассмотрению двух коммуникативно ориентированных аспектов языка видеоигр: способов трансляции видеоиграми различных смыслов и значений и способов организации геймерами семантически конвенциональных дискурсов о видеоиграх (Ensslin, 2012: 6). Особое внимание сосредоточено на изучении знаковой когерентности видеоигровых жанров; мультимодальности в дизайне интерфейсов; нарративного языка в видеоиграх; и, наконец, игровой семиотики лексических средств и лексической прагматики языка геймеров. С учетом сложной дискурсивной ситуации видеоигрового взаимодействия, Энслин ставит восемь основных вопросов (Ensslin, 2012: 7-8), на которые пытается дать ответ

ее исследование. Их распределение оказывается когерентно структурному делению работы. Эмпирическим материалом и источником исследования стали 17 популярных видеоигр (среди них Minecraft Grand Theft Auto 4, Final Fantasy XI и World of Warcraft), существующих на различных аппаратных платформах и имеющих многомиллионную пользовательскую аудиторию.

Итак, в начале основной части монографии Энслин раскрывает, каким образом можно объединить основные теории лудологии, лингвистики и анализа дискурса для решения задачи комплексного изучения языка видеоигр. Автор описывает ряд дискурс-аналитических подходов в контексте перспективы их использования для рассмотрения видеоигр. Она подчеркивает, что сложность применения дискурс-анализа к видеоиграм и игровому процессу связана с интерактивным характером игры, когда медиатрансляция происходит через активный игровой процесс, а не в пассивных практиках считывания, как в случае с другими формами информационных ресурсов. Кроме того, Энслин обращает внимание на важность пространственно-временного воплощения, которое предлагают игры, что опять же качественно отличает их от других типов текстов. Здесь очевидно развитие ее идей, ранее изложенных в книге «Создание вторых жизней: сообщество, идентичность и пространственность как конструкции виртуальности» и опирающихся на мультимодальную теорию.

Далее в монографии раскрывается, какие аспекты текстуальности необходимо учитывать при анализе языка видеоигр с учетом их различения в качестве культурных артефактов. В частности, рассматриваются некоторые основные общие черты языка и игр, такие как роль правил, игры и творчества. Также описываются некоторые общие черты между видеоиграми и языком, позволяющие им сконструировать интерактивный дискурс.

Четвертая глава посвящена исследованию текстовой природы видеоигр и экспликации таких понятий, как интертекстуальность, интермедиальность, трансмедиация и паратекстуальность. Здесь достаточно подробно анализируется, что именно характеризует язык игр и как в нем формируются различные лексические единицы, метафоры и значения. Теоретические суждения и выводы опираются на множество эмпирических примеров. Весьма примечательна авторская типология видеоигр, представляющая собой достаточно исчерпывающий перечень жанров с выделением типичных структурно-геймплейных элементов, подтвержденных конкретными примерами.

В следующей части книги предпринимается попытка охарактеризовать язык видеоигр в микроструктурной модальности, рассматривая отличительные лексические и морфологические характеристики видеоигрового дискурса и то, как создатели и пользователи видеоигр создают свои собственные специализированные словари для обозначения узкоспециализированной деятельности, связанной с дизайном и игрой. На наш взгляд, этот сюжет в работе Энслин является наиболее слабо проработанным, а выводы представляются весьма полемичными. Так, авторская классификация процессов словообразования, а также ее терминология (Ensslin, 2012: 69-70) могут показаться с лингвистической точки зрения странными и даже некорректными. Кроме того, многие тезисы пятой главы остаются обособленными и лишенными общего исследовательского контекста.

Шестая и седьмая главы посвящены рассмотрению двух основных вопросов. Во-первых, раскрытию того, как коммуникативные действия реализуются в языке игр и каким образом (на уровне медиаграмматических структур) геймеры устанавливают свои собственные социальные и коммуникативные правила. Во-вторых, реконструируются и типологически анализируются метаигровые дискурсы, используемые геймерами и другими социальными субъек-

тами, вовлеченными в дискурсивный контур игровых практик, для осуществления групповой идентичности. Здесь Энслин выделяет три основных дискурсивных модальности – «крутости», «веселья» и «признательности», доминирующих внутри геймерской среды.

Следующую восьмую главу, думается, можно считать одной из центральных не только по объему, но и по содержанию в монографии Энслин. Она посвящена комплексному раскрытию того, как мультимодальность способствует построению и пониманию сложных смыслов в игровом процессе, а также как она приводит к определенным типам геймерских (интер)действий. Немецкий исследователь прямо заявляет, что «видеоигры требуют мультимодального анализа в том смысле, что многочисленные способы репрезентации, отображаемые на экране, создают сложные слои смысла» (Ensslin, 2012: 118). Она констатирует, что видеоигры являются оригинальными семиотическими артефактами, создающими дискурсивное пространство полимодальных медиакоммуникаций.

Далее рассматривается вопрос о коммуникативных особенностях возникновения виртуальных видеоигровых миров в ситуации диалога интерактивных игровых нарративов и действий геймеров. Здесь особенно убедительна аналитика Энслин архетипических сюжетов видеоигр, персонажей и пространства, выступающих частью повествовательной структуры видеоигр.

В заключительной главе, суммируя центральные наблюдения, сделанные на протяжении всей книги, Энслин констатирует, что ее исследования показывают поразительный парадокс в отношении репрезентации языка в видеоиграх. Так, создатели видеоигр при разработке программной архитектоники и дизайна дискурсивных практик опираются на консервативные, традиционалистские социокультурные модели. Однако сами геймеры, используя вариативность игрового пространства, часто склонны реализовывать альтернативные и неконвенциональные коммуникативные стратегии. Здесь же автор намечает направления для дальнейшего исследования этой тематической топики. В частности, требуют мультимодального рассмотрения, во-первых, реклама видеоигр, выступающая в качестве нового медиажанра, во-вторых, видеоигровые интерфейсы, вносящие новое, телесно ориентированное измерение в определение языковых форм видеоигр.

Можно констатировать, что работа Астрид Кристины Энслин «Язык игр» является важным событием в междисциплинарном развитии game studies. Она формирует новое исследовательское направление, сосредотачивая внимание на лингвистическом и дискурсивном рассмотрении видеоигр. Безусловно, монография Энслин имеет свои слабые стороны. Например, на наш взгляд, недостаточно раскрыт эвристический потенциал мультимодальности как методологической оптики экспликации медиатекстуальной основы видеоигр. Также не всегда убедительна авторская линия аргументации (например, при выделении типов геймерской дискурсивности) и весьма полемичны определения ряда ключевых понятий. Однако эти недостатки носят частный характер, к тому же они вполне объяснимы и отчасти оправданы новизной авторского фокуса рассмотрения видеоигр. Энслин не могла опереться на какие-либо исследования, поскольку они просто отсутствуют в данной предметной области. Поэтому ей самой пришлось проделать сложную работу по адаптации дискурс-аналитических и медиалингвистических теорий к видеоиграм. На наш взгляд, монография Энслин является фундаментальным исследованием языка видеоигр, задающим его теоретические контуры в контексте современной медиаэкологии и намечающим направления последующих научных изысканий.

Литература

Creating Second Lives: Community, Identity and Spatiality as Constructions of the Virtual. Ed. by A. Ensslin, E. Muse. Routledge, 2011. 240 p.

Ensslin, A. The Language of Gaming. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2012. 208 p.

Language in the Media: Representations, Identities, Ideologies. Ed. by S. Johnson and A. Ensslin. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2007. 328 p.

References

Ensslin, A. (2012), *The Language of Gaming*, Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York.

Ensslin, A. and Muse, E. (ed.) (2011), *Creating Second Lives: Community, Identity and Spatiality as Constructions of the Virtual*, Routledge, UK.

Johnson, S. and Ensslin, A. (ed.) (2007), *Language in the Media: Representations, Identities, Ideologies*, Bloomsbury Publishing, London, New York.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; *dm.a.belyaev@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-8062-1039

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitriy A. Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Political Science and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; *dm.a.belyaev@gmail.com*

ORCID: 0000-0002-8062-1039

УДК 22 **DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-15**

Чуева Ю. А.

«Насколько Библия исторична?» или «Что было “на самом деле”?» (рецензия на книгу А.С. Десницкого «Библия. Что было “на самом деле”? Танах/Ветхий Завет». М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 300 с.)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1685206@bsu.edu.ru*

Аннотация. Книги Священного Писания на протяжении всей своей истории были предметом изучения исследователей и комментаторов различных религиозных школ и направлений. Пройдя путь от либерально-протестантской экзегезы до поиска «исторического Иисуса», библеистика вышла из конфессионального контекста в пространство других гуманитарных современных наук. Вопросы историчности описываемых в Ветхом Завете событий являются предметом научной дискуссии и в наше время. Книга А.С. Десницкого упорядочивает достижения библейской науки за последние 100 лет в области исследования ветхозаветных текстов. В рецензии в качестве отправной точки выбрано современное положение в российской библейской науке в области ветхозаветных исследований. В статье рассмотрены основные вопросы и темы, поднятые в книге, сделаны выводы об особой ценности нарративного анализа, проведенного А. Десницким на примере книг Царств Ветхого Завета.

Ключевые слова: Библия; Древний Израиль; библейская критика; религия и наука; экзегетика; реконструкция

Для цитирования: Чуева Ю.А. «Насколько Библия исторична?» или «Что было “на самом деле”?» (рецензия на книгу А.С. Десницкого «Библия. Что было “на самом деле”? Танах/Ветхий Завет». М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 300 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 194-202. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-15

Yu. A. Chueva

“How historical is the Bible?” or “What ‘really’ happened?” (a review of the book by A. S. Desnitsky *The Bible. What ‘really’ happened? Tanakh/The Old Testament*. Moscow: Alpina Non-fiction, 2022. 300 p.)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *1685206@bsu.edu.ru*

Abstract. Throughout its history, the books of Holy Scripture have been the subject of study by researchers and commentators of various religious schools and trends. Having gone from liberal Protestant exegesis to the search for the «historical Jesus», Biblical studies has moved out of the confessional context into the space of other modern humanities. Questions of the historicity of the events described in the Old Testament are the subject of scientific discussion in our time. Desnitsky's book organizes the achievements of biblical science over the past 100 years in the field of research of

Old Testament texts. In the review, a current situation in Russian biblical science in the field of basic Old Testament studies is chosen as a starting point. The article deals with the main issues and topics raised in the book, conclusions are drawn about the special value of the narrative analysis conducted by A. Desnitsky on the example of the books of the Kings of the Old Testament.

Keywords: Bible; Ancient Israel; biblical criticism; religion and science; exegesis; reconstruction

For citation: Chueva Yu.A. (2023), "How historical is the Bible?" or "What 'really' happened?" (a review of the book by A. S. Desnitsky *The Bible. What 'really' happened? Tanakh/The Old Testament*. Moscow: Alpina Non-fiction, 2022. 300 p.), *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (3), 194-202, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-15

Библия – одна из основ современной цивилизации и культуры, источник важнейших религиозных и литературных традиций. Книги Священного Писания на протяжении всей своей истории были предметом изучения исследователей и комментаторов различных религиозных школ и направлений. Сама герменевтика прошла путь от традиционной иудейской и христианской экзегезы до сравнительного религиоведения. Знания в области библеистики важны для целого ряда исторических, филологических, культурологических дисциплин.

В России в настоящее время обнаруживается неудовлетворенный спрос на научно-обоснованную, достоверную информацию о происхождении, авторстве и интерпретации библейских текстов. В связи с расширением роли религиозных институтов в государственной жизни страны, в российском обществе стали видимыми низкий уровень религиозной культуры и острая нехватка квалифицированных специалистов в области религиоведения – в том числе и библеистики. Решением этой проблемы занимаются ряд научных центров страны. Духовная культура Востока является одним из направлений исследований Российской академии наук: проблемы перевода и интерпретации письменный памятников Востока обсуждаются на конференциях Института востоковедения РАН. На базе Российского государственного гуманитарного университета действует Центр библеистики и иудаики. В Высшей школе экономики открыта отдельная программа «Библеистика и история древнего Израиля». Переводы и филологический анализ тестов Ветхого и Нового Заветов, библейская экзегеза и комментарии, сравнительное семитское языкознание, изучение мира Ветхого Завета отечественных библеистов составляют многотысячную академическую библиотеку.

Одним из крупнейших отечественных исследователей в области переводов Библии является А.С. Десницкий, особенно известный своими проектами, призванными популяризировать библеистику как науку. А. Десницким выполнены переводы на современный русский язык Евангелий, Деяний апостольских и всех апостольских посланий с самого распространенного в научных кругах критического текста Нового Завета на оригинальном греческом языке койне (Nestle-Aland 28). Среди книг Ветхого Завета библеистом переведены книга Судей, четыре книги Царств, книги Иова, Есфирь, Неемии, Ездры, Исайи, Иезекииля, а также 12 книг малых пророков с древнееврейского (Масоретского) текста Библии (Танаха). Десницкий является автором множества научных статей и книг, посвященных библейской экзегетике, библейскому параллелизму, теории и методологии современного библейского перевода. Большую просветительскую работу ученый проводит в интернет-источниках (библейский

портал «Экзегет», лекции на видеохостинге «YouTube»).

В книге от библеиста, ведущего такую активную просветительскую работу, ожидается такой же популярный подход, доступность в подаче материала, отражение не только консервативных и фундаментальных взглядов, но и всех смелых гипотез касательно происхождения и авторства библейских книг с перечислением достоинств и недостатков всех точек зрения. А. Десницкий об этом и сам говорит в начале книги: первые ее главы будут «более популярными, чем научными» (с. 9). Остальные части будут опираться на научные публикации автора – к ним сразу могут переходить «те читатели, которые больше интересуются конкретикой» и вопросами исторической реконструкции (с. 10).

С момента появления критического подхода к Библии – а именно, отношения к ее тексту как к объекту рационального логического анализа, – попыток нетрадиционного толкования текста и установления реальных исторических обстоятельств, соотносимых с описываемыми священными сюжетами, становилось все больше. Пройдя путь от либерально-протестантской экзегезы до поиска «исторического Иисуса», библеистика вышла из конфессионального контекста в пространство других гуманитарных современных наук. А. Десницкий позиционирует себя ученым, для которого не возникает противоречия между естественнонаучной и библейской картиной мира, поэтому от его научно-популярной книги ожидается умелое и последовательное лавирование между сохранением христианской традиции и учетом достижений современной археологии и истории в вопросе историчности описываемых в Библии событий.

Книга «Библия: Что было на самом деле? (Танах/Ветхий Завет)» состоит из пяти глав и краткого вывода. Первая глава «Вера, наука и “на самом деле”» посвящена базовым эпистемологическим основаниям исследовательской работы по сопоставлению достижений науки с библейским текстом. С момента становления научной картины мира как доминирующей сопоставление знаний веры и науки стало наиболее острым. Десницкий проводит экскурс в методологию различных научных дисциплин, размышляет о целесообразности их деления на «естественные» и «противоестественные» и приходит к выводу, что «социальные науки – еще один шаг прочь от воспроизводимости и детерминированности» (с. 23). Далее автор определяет проблематику сопоставления научного знания и религиозной традиции, кратко описывает историю развития библеистики как научной дисциплины. Особое внимание он обращает на сопоставление и синхронизацию археологических находок с текстами Библии, приводит примеры такого сопоставления. А. Десницкий рассматривает понятие фундаментализма, контекст его возникновения, его недостатки как стратегии герменевтического подхода, обозначает место конфликта с фундаментализмом в отечественной библеистике. Автор убежден, что фундаментализм не находит поддержки в христианском вероучении даже с опорой на святоотеческую традицию и приводит в подтверждение своей позиции аргументы британского библеиста Д. Данна. Главные слабости, на которые указывает зарубежный исследователь, состоят в конкретных ошибочных предпосылках. Фундаментализм отказывается от трех важнейших условий понимания: необходимости помнить об ограниченности слова и условности формулировок человека, от ситуативности и контекстуальности текстов Библии, а также от разнообразия стилей и приемов, от поэтичности библейского текста (с. 44-45).

А. Десницкий определяет положение библеистики среди других наук, выявляет ее задачи в разные периоды истории, емко рассказывает о школах и направлениях библейское экзегезы, в том числе о современных. В конце главы библеист предлагает варианты преодоления внутренних конфликтов и установления цельности восприятия для одновременно ученого и верующего:

обращаться к авторитету святых отцов, опираться на современные консервативные и созвучные традиции комментарии или согласовывать современные самостоятельные исследования с церковной традицией (с. 61-62). Описывая достоинства и недостатки каждого из подходов, писатель предлагает читателю три способа изучения библеистики без учета природы священного текста: источниковедение, патрология и гармонизация (с. 64-65).

Вопросы, поставленные в первой главе книги, перетекают в содержание второй главы – авторство и авторитет книг Священного Писания. А. Десницкий считает эти вопросы очень актуальными, так как «авторство библейских книг многое дает для понимания самой природы этого корпуса текстов» (с. 95). С помощью доступных примеров определения авторства в современной жизни библеист подводит читателя к выводу, что установление авторства лишь документальным способом вызывает сложности и противоречия не только в наше время, но и в древности, когда о собственноручном написании автором своего текста в большинстве случаев говорить не приходилось. Рассматривая выборочно притчи Соломоновы, книгу Иова, Пятикнижие, книги Исайи, с помощью текстологического анализа писатель приходит к выводу, что эти священные тексты составлялись постепенно, в течение продолжительного времени, и предполагает, что их могли писать несколько авторов. А. Десницкий отдельно останавливается на двух рассказах о творении и заключает, что по своей сути они являются «поэтическим повествованием о Боге и человеке», а не учебником всех естественных наук (с. 88). Наличие же двух преданий о потопе позволяет говорить об описании Бога с двух разных сторон: «как непреклонного и справедливого и как милостивого и склонного к прощению» (с. 91). Библеист убеждает в своем первоначальном выводе - «текст, который мы читаем сегодня, сложился постепенно, в стремлении народа-общины понять своего Творца и рассказать о нем полнее и разностороннее» (с. 91). Кроме того, дошедшие до нас книги Библии, в свое время прошедшие отбор и определенные как священные тексты, виделись израильскому народу изложением своей Священной истории. Эти книги восходили к авторитетным фигурам, признанным общиной, историчность которых бывает спорной, но неопровержимой.

Третья глава, вослед второй, раскрывает и дополняет размышления автора и выводит их в плоскость сопоставления мифа и истории. А. Десницкий проводит границу этих понятий и подводит читателя к особенностям и принципам исторического анализа повествований Библии. Внимание акцентируется на особенностях превращения повествования в связную историю: ее составитель так или иначе обращается к посредству идеологии, к литературным приемам. В дальнейшем при анализе исследователю необходимо учесть эти аспекты и предпринять реконструкцию исходного материала. Анализировать тексты Библии на историчность предлагается, опираясь на три принципа: потребность в контексте, презумпцию историчности и осознанную субъективность (с. 113).

Далее автор переходит к обсуждению проблемной темы соотношения эволюционной концепции мира с повествованием книги Бытия. А. Десницкий согласен с основными положениями теории эволюции и предлагает читателю рассмотреть теорию эволюции с точки зрения библейского текста, приходя к выводу, что «первые главы Бытия – не инструкция по творению мира, а повествование о Том, Кто сотворил весь этот мир, и о том, на каких принципах основано это творение» (с. 124). А. Десницкий видит в библейском рассказе «постепенное развитие и усложнение нашего мира», нисколько не препятствующее признанию эволюции одним из инструментов такого развития (с. 125). Библеист является не первым толкователем, который пытается соотнести шестоднев с современными

научными представлениями о происхождении жизни. Нам представляется такой подход вовсе не обязательным. Книги Бытия составлялись задолго до того, когда к вопросу о происхождении человека стали подходить с научной точки зрения, поэтому искать там подтверждение современных естественно-научных гипотез может быть и интересно, но не обязательно. Обнаруживаемые в священных книгах несоответствия нисколько не умаляют их авторитет и значимость.

Проблема эволюции так или иначе затрагивает проблему смерти, которую далее рассматривает библеист. Он задается вопросом – является ли смерть частью естественного процесса? С точки зрения науки, «размножение в нашем материальном мире необходимо предполагает смертность вне зависимости от грехопадения» (с. 131). С давних времен эту проблему предлагали решить просто: Эдемский сад находился в другом мире и мог бы вместить вечно живущее человечество. Но на данном этапе при буквальном понимании Бытия возникает множество противоречий с достижениями современной науки, и что самое важное – с самим библейским текстом. Десницкий разрешает проблему экзегетически – Священное Писание составлено языком поэзии и мифа, которые имели распространение в те времена. Кроме того, небуквальное понимание Библии уходит в древность, да и сами священные тексты и их разные части зачастую излагают определенный взгляд на определенный вопрос. Такая позиция представляется нам оправданной и целесообразной.

Другой дискуссионной темой, затронутой в этой главе, является историчность всемирного потопа. Очевидным для Десницкого является тот факт, что полное заполнение территории земного шара водой никак не согласуется с естественными науками. Разрешает это несоответствие библеист так: «отношение между текстом и реальностью, ее породившей, могут быть сложными и неоднозначными, и, если библейский текст повествует об исторических событиях языком мифа, это не значит, что повествование лишено исторического зерна» (с. 137). Нам представляется такое суждение убедительным, хорошо согласующимся с фактическим наличием мифологии потопа в разных культурах.

Четвертая глава книги носит более научный, чем популярный характер. Здесь А. Десницкий в большей степени опирается на труды исследователей в области Ветхого Завета и достаточно подробно рассматривает проблему историчности Древнего Израиля. Сложность этой области исследований заключается в следующем: «образы и сюжеты Библии продолжают восприниматься как актуальные и смыслообразующие для представителей трех авраамических религий. В то же время эта тематика активно исследуется учеными различных специализаций, и граница между религией и наукой в данном случае все более условна» (с. 150-151). Исследования в области истории Древнего Израиля середины XX в. с позиции построения реконструкций (труды Нота М., Роллана де Во) к концу века уже ставили под вопрос возможность любых гипотетических построений как таковых. А. Десницкий симпатизирует среднему пути и положительно отзывается о немногочисленных работах в духе разумного консерватизма – трудах Тантлевского И.Р. и Липовского И.П., которые учитывают специфику текстов Библии как священных и соизмеряют описываемые в них события с состоянием современной науки. Достоинством труда И. Липовского автор также считает собственное прочтение истории Древнего Израиля и Иудеи в соответствии с последними тенденциями историографии Древнего Ближнего Востока. Библеист также обращает внимание на слабые стороны этих исследований – малое количество или отсутствие методологических комментариев, подтверждение заранее выбранной модели и апологетический поиск для нее аргументов. Сильной с позиции методологии А. Десницкий считает работу Г.М. Бонгард-Левина «История Древнего

Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть вторая. Передняя Азия. Египет» (1988).

Особую сложность для писателя составляет факт различной датировки археологических находок. Учитывая все обстоятельства, А. Десницкий заключает, что «мы не можем проигнорировать библейские повествования, как и не можем положиться на них, игнорируя идеологию» (с. 164). Автор формулирует принципы научной реконструкции и анализа истории Древнего Израиля, которые «могут быть приняты людьми с разными религиозными и политическими воззрениями»: степень вероятности той или иной реконструкции, примат, а не диктат археологии, комплексное рассмотрение всех получаемых данных, анализ, а не цензура, текста, преодоление дистанции между текстом и фактом, использование наименее распространенных мотивов и сюжетов и наименее комфортных для своих создателей текстов, акцентирование внимание на истории людей, а не деяний, учет критерия личной вовлеченности автора, привязка к наиболее надежно определяемым историческим событиям (с. 164-168). Далее Десницкий рассматривает некоторые ключевые вопросы истории Древнего Израиля с учетом вышеупомянутых принципов и приходит к выводу, что израильтяне могли быть частью процесса переселения различных этнических групп и вторжения кочевников на территорию оседлых племен, но «точно определить их место на карте миграций и этнонимы, которыми называли окрестные народы, едва ли представляется возможным» (с. 179). Библеист подводит читателя к вопросу о появлении израильтян в Ханаане, который он считает важным в реконструкции истории Древнего Израиля по следующей причине.

Центральным событием всей истории Израиля было событие Исхода, которое никак не верифицируемо: «если примерно три с половиной тысячелетия назад большая группа людей переселилась из Египта в Ханаан, пройдя через Синай, она не оставила никаких следов, которые могли сохраниться до наших дней» (с. 179). Кроме того, израильтяне «не основывали и не разрушали городов, даже не копали колодцев, если верить библейскому повествованию, а что касается трагических для египтян последствий Исхода, как он описан в одноименной книге, то египетские источники избегают описывать поражения своей страны (с. 179). Рассматривая и анализируя косвенные данные Исхода евреев из Египта, библеист подводит читателя к трем основным теориям происхождения израильтян в Ханаане, присутствующих в исторической науке со второй половины XX века: школе Уильяма Олбрайта, модели Альбрехта Альта, модели Джорджа Менденхолла и Нормана Готтвальда (с. 185-186). Завершает главу Десницкий выводом о принадлежности израильтян к племенам круга шасу – кочевникам, обитавшим на территории стран восточной части Средиземного моря, «которые посредством переселения и перехода к оседлому земледелию постепенно распространились на Иудейском нагорье. Расселение могло включать и военные завоевания, и договорные отношения переселенцев с местными племенами, и переход на сторону пришельцев низов ханаанейских сообществ. Все эти модели нашли свое отражение в библейских текстах» (с. 188-189).

Пятая глава книги становится еще более научной и специальной. А. Десницкий анализирует различные точки зрения на историчность фигур царя Давида и Соломона (труды И.Р. Тантлевского, И. Финкельштейна), рассматривает их портреты, представленные в Библии, снова рассуждает о принципах и особенностях реконструкции и для разрешения вопроса приходит к выводу о важности понимания яхвизма как идеологии, которая неотделима от истории Израиля. Библеист предлагает последовательность и описание этапов, через которые яхвизм мог проходить в своем развитии: монолатрия, генотеизм, полицентричный монотеизм и централизованный монотеизм (с. 215-218).

Рассматривая авторство и датировку книги Царств, библеист предлагает собственный метод для нарративного анализа, позволяющий отделить историческую хронику от преданий, уходящих во тьму веков. Здесь А. Десницкий включает в книгу уже успешно апробированный материал, опубликованный им в недавней статье (Десницкий, 2020). Ключевыми параметрами анализа являются степень детальности описания, которая указывает на близость повествователя к событию, и степень его эмоциональной вовлеченности, которая может свидетельствовать о личном участии или близости к участникам событий. В результате в текстах книг Царств выделяется несколько основных блоков материала, которые историчны в разной степени и в разных отношениях.

Десницкий за основу берет «презумпцию достоверности»: описанные в книгах Царств события являются реальными и упомянутые персонажи историчными, а обратное нужно доказать. Писатель предлагает схему классификации исторических нарративов, позволяющую дать характеристику каждого эпизода и затем предполагающую уточнить его происхождение, дату и роль в общем повествовании. Схема классификации исторических нарративов, предложенная А. Десницким, представлена в таблице.

Таблица

Схема классификации исторических нарративов

Table

Classification scheme for historical narratives

Степень личной вовлеченности автора (А) / Degree of personal involvement of the author	Степень психологической достоверности (Б) / Degree of psychological reliability	Дополнительные параметры (В) / Additional options
А1. рассказ написан очевидцем	Б1. высокая	повторы
А2. рассказ написан по преданиям	Б2. средняя	противоречия
А3. рассказ излагает общие места и/или внешнюю канву событий без конкретизации	Б3. низкая	разрывы
А4. отсутствие связного рассказа о событиях как такового	Б4. отсутствует	легенды
		поэтическая вставка в повествование

Далее библеист составляет таблицу с перечислением всех разделов четырех книг Царств с применением вышеуказанных индексов, характеризующих самые высокие степени, встречающиеся в данном отрывке, и анализирует их содержание. Автор также разрабатывает приблизительную схему основных повествовательных блоков в книгах Царств и группирует их в цикл преданий о Самуиле, Сауле и Давиде, Соломонов цикл (золотое время), пророческий цикл и исторический материал (дворцовые хроники).

Вывод Десницкий получает следующий: «В этих книгах, составляющих единое сложное повествование, представлен достаточно разнородный материал. Невозможно вообразить, что они целиком и полностью были сочинены «с чистого листа» одним автором или группой авторов на протяжении краткого отрезка времени. В их состав явно вошли предания и исторические нарративы разного происхождения, которые вполне могли быть отредактированы, но явно не были сочинены заново». Сопоставляя полученные результаты нарративного анализа с данными археологии, библеист переходит к анализу возможных моделей ранней монархии, предложенных И.Р. Тантлевским, Б. Мазаром, И. Финкельштейном. Завершая свой обширный обзор, библеист предполагает, что единая монархия была не

столько реальностью X в. до н. э., сколько возможным проектом, а после разрушения Северного царства с конца VIII в. до н. э. – необходимостью. Повествователи Библии «отождествляли древнюю историю с Южным царством и считали его законным носителем единой израильской культуры». Именно такая версия, предлагаемая А. Десницким, «объясняет наибольшее количество фактов ценой наименьших допущений» (с. 285).

В завершение книги ее автор, несмотря на предложенные выводы и умозаключения, оставляет поле для размышлений и возможность сделать выбор читателю самостоятельно. Современный исследователь – будь то начинающий ученый или даже просто верующий – не всегда может в точности понять, что именно происходило три-четыре тысячи лет назад, но может попробовать разобраться, почему именно эти события остались в памяти того или иного общества и почему о них рассказали именно таким образом. Принять рассказ как достоверный, отбросить все его содержание или пойти средним путем соединения мифа с реальными событиями – все это предоставляется на выбор читающего.

Книга «Библия: Что было “на самом деле”? (Танах/Ветхий Завет)» представляет собой увлекательно изложенный квалифицированный научный труд, позволяющий читателю по-новому взглянуть на сюжеты одной из самых важных книг в истории человечества – Библии. Автор задается вопросом j возможности реконструкции библейского прошлого при помощи научного метода и определения места субъективных ожиданий в этом построении. Десницкий соотносит проблемы археологических данных и письменных источников, прослеживает связь мифа и истории, происхождение Древнего Израиля и становления его государственности. Начиная с повествования об общих и популярных вопросах библеистики и науки, писатель постепенно переходит к частным проблемам и завершает свое исследование конкретной экзегетической задачей, которую самостоятельно составляет и к которой предлагает методологию решения. Каждая глава является логичным продолжением предыдущей, отвечает на раннее поставленные вопросы, уточняет детали, сужает исследовательский путь писателя до конкретных научных задач. А. Десницкий оставляет читателю поле для размышления и предлагает найти ответы для себя самостоятельно. Книга полезна как для религиозных людей, интересующихся библеистикой, экзегетикой и вопросами соотношения достижений науки с библейским повествованием, так и для нерелигиозных читателей. Для вторых книга может быть полезна в расширении своих представлений о гуманитарных науках и понимании актуальности решаемых ими задач. Для академических ученых труд А. Десницкого может быть интересен с точки зрения обзора концепций историчности описываемых в Библии событий, а также методологии решения герменевтических задач.

Литература

Десницкий, А. Библия. Что было “на самом деле”? (Танах/Ветхий Завет). М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 300 с.

Десницкий, А. Монархии в Древнем Израиле: методика нарративного анализа // Ориенталистика. 2020. Т. 3. № 2. С. 323-347. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-323-347.

References

Desnitsky, A. (2020), “Methods of narrative analysis: monarchies in Ancient Israel”, *Orientalistica*, 3 (2), 323-347, (in Russ.), DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-323-347.

Desnitsky, A. (2022), *Bibliya. Chto bylo “na samom dele”? Tanakh/Vetkhiy Zavet* [The Bible. What really happened? (Tanakh/The Old Testament)], Alpina non-fiction, Moscow, Russia, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Чуева Юлия Александровна, магистр теологии, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *1685206@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia A. Chueva, Master of Theology, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *1685206@bsu.edu.ru*